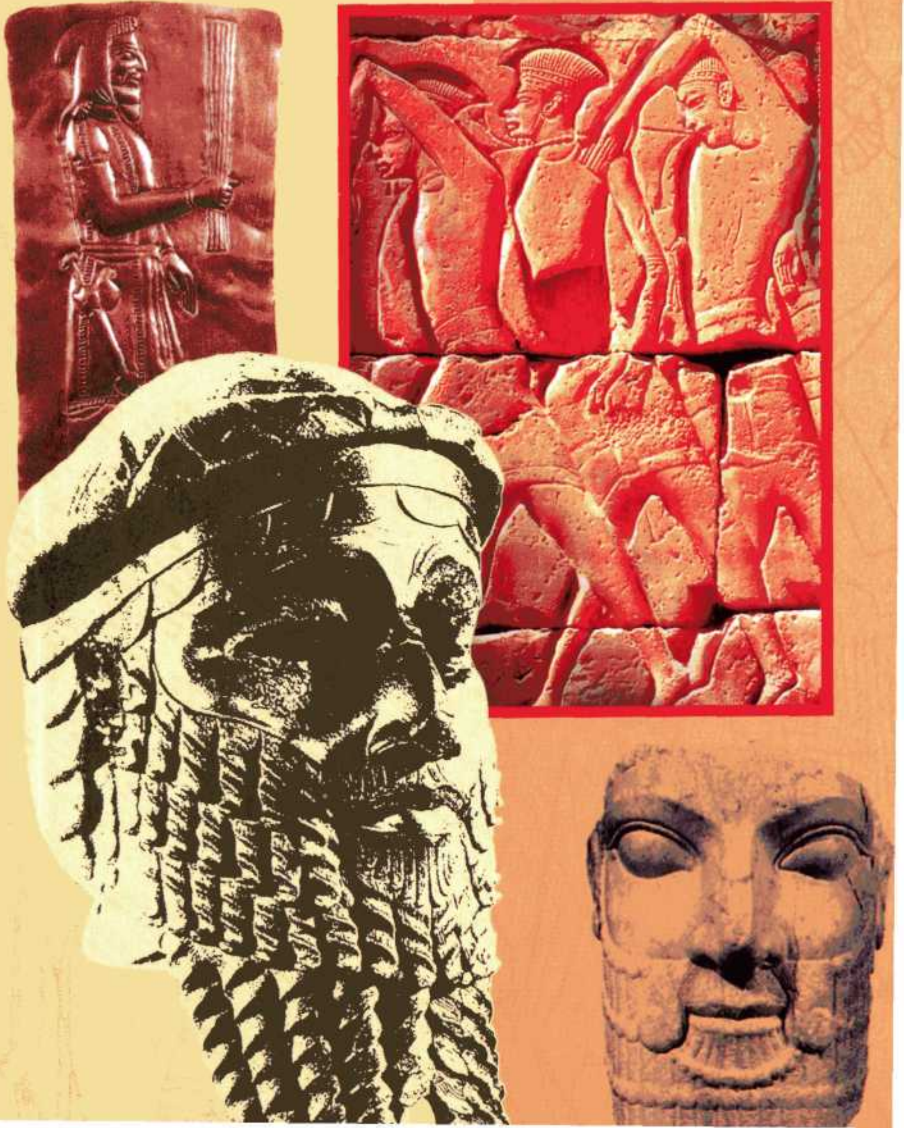
Гордон Чайлд

АРИЙЦЫ

Основатели европейской цивилизации

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ББК 63.5
416

Серия «Загадки древних цивилизаций»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Чайлд Гордон

416 Арийцы. Основатели европейской цивилизации / Пер. с англ. И.А. Емеца. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 270 с. — (Загадки древних цивилизаций).

ISBN 978-5-9524-2755-6

Известный британский историк и археолог популярно и увлекательно рассказывает о корнях и дальнейшем развитии древней арийской цивилизации. Основываясь на археологических, антропологических и лингвистических исследованиях, он рассказывает о происхождении ариев и о дальнейшем их расселении в бассейне Средиземного моря.

ББК 63.5

ISBN 978-5-9524-2755-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Потрясающие открытия, сделанные на территории древних государств, некогда существовавших на Востоке, а также значительный прогресс в изучении доисторических цивилизаций Европы, особенно Греции, являются оправданным поводом для того, чтобы вновь обратиться к рассмотрению вопроса о происхождении и распространении тех языков, наследниками которых, наряду с древними греками, римлянами и индусами, мы являемся. Фактически за последние двадцать пять лет на английском языке не появилось ни одного сколько-нибудь полного исследования, посвященного арийской проблеме, хотя в течение этого времени удалось доказать минойские корни догреческой цивилизации Греции, присутствие правителей с арийскими именами в Месопотамии в XV столетии до н. э., а также наличие индоевропейских элементов в языке хеттов.

При изучении этого вопроса исследователя подстерегают многочисленные трудности. В один прекрасный момент филологи могут заявить, что термин «арии» является ненаучным. Конечно, традиционно он распространяется только на индусов и иранцев. Но какой термин должен быть применен для условного обозначения языковых предков кельтов, тевтонов, римлян, греков и индусов, если словом «арий» обозначать только индоиранцев? Безусловно, термин «индоевропеец» в данном случае не совсем удачен, и его даже нельзя считать научным, тем более теперь, когда точно установлено, что санскрит не является самым восточным форпостом индоевропейской семьи языков. Тер-

мин «носители», предложенный доктором Джайлсом, в определенном смысле более точен, но он кажется таким неуклюжим, что может вызвать усмешку. Вместе с тем термин «арий» кажется емким и вполне привычным. Поэтому я предлагаю и в дальнейшем употреблять его в привычном нам смысле.

Определенное внимание в книге уделено некоторым ключевым проблемам, вокруг которых до сих пор продолжаются острые дискуссии. Подход к ним в любой момент может измениться, благодаря новым открытиям, сделанным где-нибудь в Индии или в Каппадокии. Однако без таких дискуссий обойтись нельзя. Ожидать полного прочтения всех хеттских архивов или же ждать результатов раскопок очередного кургана в долине Инда было бы ошибкой. Поэтому наличие некоторой неопределенности в этой области знаний требует привлечения максимально полного объема источников. Такая попытка была предпринята нами в главах 2 и 3.

Состояние письменных источников, найденных на территории древневосточных государств и в бассейне Эгейского моря, оставляет желать лучшего. Поэтому исследователю не обойтись без привлечения данных археологии и антропологии. В нескольких последующих главах будут рассмотрены некоторые традиционные теории относительно «колыбели ариев» в свете новых достижений этих наук. При этом следует учесть, что антропологи и филологи несколько по-разному понимают термин «этнос». Проблема заключается в том, что связь между археологической культурой, основными элементами которой являются керамика, характерный набор инструментов и оружия, с определенной этнической или лингвистической группой зачастую является спорным. Только в редких случаях можно утверждать, что в определенной области смена одной культуры другой объясняется сменой одного этноса другим, и еще реже можно однозначно выделить новые черты. Чаще всего главенствующую роль играли другие факторы, такие как торговля и культурные заимствования или же просто эволюционное развитие. Вместе с тем новый этнический или лингвистический элемент мог проникнуть в данную область и не оставить заметных следов в культуре местно-

го населения. Как наука, основанная на абстракции и сравнении, первобытная археология не может претендовать на конкретность, присущую истории. Поэтому, оперируя столь разноречивыми данными, я преднамеренно упростил — возможно, даже слишком — свой подход к этнической истории Европы и Азии, не перегружая страницы своего труда массой понятных только для специалиста подробностей, которые сильно затруднили бы восприятие материала.

ТРАНСЛИТЕРАЦИИ

Палатальные согласные представлены в индоевропейских языках звуками *к, r, gh.* Соответствующие звуки в санскрите передаются звуками *c, j, jh,* а палатальная *s* через *s* (произносится подобно *sh).*

Санскритские лингуальные согласные пишутся *t, th, d, s* (произносится *sh)* и *n.*

Санскритская анушвара *h* произошла от конечного *s* или г, который, однако, иногда сохраняется для ясности.

В древнеперсидском языке *s* произносилась как *sh,* как и в других языках, использующих клинопись, а также в среднеперсидском языке.

В готском языке символ *p* использовался для передачи звука, напоминающего *th.*

В литовском языке сочетание *sz* произносится *sh; w* как v, *j* как *y; a* и *e* являются носовыми гласными, *y* произносится как твердый i, точно так же как и по-русски.

Точные различия в произношении букв *t, к, c* тохарского языка являются несущественными; они соответствуют определенным символам в тохарских текстах; другими словами, тохарская орфография приспособлена для соответствующих звуков в санскрите.

АРИЙЦЫ

Основатели европейской цивилизации

Глава 1
ЯЗЫК И ПРЕДЫСТОРИЯ

Прогресс человечества от состояния дикости к цивилизации неразрывно связан с прогрессом абстрактного мышления, которое позволило ему подняться над хаосом чувственных восприятий и создать вокруг себя упорядоченный космос. В свою очередь, прогресс разума идет рука об руку с развитием языка. В своей основе современная интеллектуальная деятельность в очень значительной степени базируется на синтезе слуховых и физических ощущений или образах, которые дают нам слова. Они не только являются средством общения, но также и носителями абстрактных идей. Слова — продукт мыслительной деятельности, следовательно, разговорный язык отражает менталитет своего носителя, и не только отражает, но и сохраняет образ мышления, присущий носителю этого языка. Кроме того, уровень интеллектуального прогресса в том или ином случае может быть в значительной степени измерен степенью утонченности этого языка. Соответственно, если какой-нибудь народ получает в наследство тонкую лингвистическую структуру, это дает ему больше преимуществ на пути к прогрессу.

Поэтому филология с полным правом может занять свое место среди исторических дисциплин, в задачи которых входит воссоздать и осмыслить тот путь, который человек проделал от животного состояния до дикости, от дикости до варварства, от варварства до цивилизации. Первые болезненные шаги на этом пути не нашли никакого отражения в письменных источниках. Особенно это касается ранних культур, от которых произошли современные цивилизации Европы и Америки. Археология в союзе с антропологией может пролить яркий свет на более поздние стадии

этого процесса; она может определить те материальные ресурсы, благодаря которым определенные культуры возникли и достигли стадии процветания, а также направления торговых путей и миграций населения, которые способствовали их росту. Но особенности развития некоторых групп населения, добившихся значительных успехов, не находят объяснения в абстрактных материальных терминах. Почему, например, Европа, вступившая в гонку на 1500 лет позже Месопотамии и Египта, обогнала этих пионеров в деле цивилизации человечества на целое тысячелетие? Почему цивилизации нашего континента продолжали успешно развиваться, тогда как цивилизации Древнего Востока находились в состоянии стагнации или вообще пришли в упадок? Благоприятные климатические условия, наличие определенных природных ресурсов, удачное переплетение торговых маршрутов не могут в полной мере объяснить этот феномен, вне поля зрения исследователя остается факт личной инициативы, который никак нельзя сбрасывать со счетов. Конечно, археология не может уловить конкретных поступков того или иного человека, жившего в доисторические времена. Но приближение к этому в терминах этнической индивидуальности достижимо при помощи филологии. Язык, хотя и является абстракцией, все же служит более тонким и чувствительным критерием индивидуальности, чем культурная группа, критерием для выделения которой является определенный набор кремней и керамики или же черепов, по которым специалисты выделяют «расы». Это особенно актуально для Европы, где поворотный пункт в культурном развитии скрывается во мраке доисторического периода, поэтому применение только что упомянутых лингвистических принципов в данном случае представляется наиболее оправданным.

Большинство языков Европы, Америки и Индии в настоящее время относится к индоевропейской семье языков. Предки этих современных языков распространялись от Атлантики до Ганга и Тарима за много столетий до начала нашей эры; вероятно, все они произошли от одного общего языка — предка (или, скорее, группы диалектов), который сравнительная филология может реконструировать с большой степенью точности. Естественно, на этом языке-

предке должен был разговаривать определенный народ. Носителей этого языка мы называем ариями, и относительно их мы можем сказать две определенные вещи.

Во-первых, к какой бы расе или расам они ни принадлежали, они должны были обладать неким духовным единством, нашедшим отражение в их языке. Своим языковым потомкам они завещали не только определенные типы черепа и некие физические характеристики, но нечто гораздо более ценное, а именно осознание своей духовной общности. Любой, кто сомневается в этом, может сравнить почетную надпись, вырезанную арием Дарием на скале в Бехистуне, с преисполненными самовосхвалением надписями ассирийских правителей Ашурбанипала или Небушадреззара.

Во-вторых, индоевропейские языки и их предполагаемый предок были исключительно тонкими и гибкими инструментами для выражения мыслей. Их отличительной особенностью было, например, наличие отглагольных существительных, и с их помощью можно было строить придаточные предложения, которые могли выражать концептуальные отношения в цепи умозаключений. Из этого следует, что арии, вероятно, обладали исключительными умственными способностями, наслаждаясь достижениями достаточно высокой материальной культуры. Это больше чем простое умозаключение. Отнюдь не случайно, что первые крупные успехи в естествознании были достигнуты именно греками и индусами, а не вавилонянами или египтянами, несмотря на наличие у них значительных материальных ресурсов и их замечательные успехи в технике, например в астрономии. В плане насыщения нравственностью религии арии также сыграли заметную роль. Первые мировые религии, которые обращались ко всем людям, независимо от их расовой или национальной принадлежности, такие как буддизм и зороастризм, были созданы ариями и проповедовались на арийских языках.

Весьма возможно, что иранец Зороастр оказал влияние даже на еврейских пророков в плане восприятия ими идеи божественности, которая развилась от неких племенных воззрений, а также в распространении идеи определенного миропорядка, в котором правили персонифицированные силы

природы, или духи. Со всей определенностью можно утверждать, что концепция Божественного Закона, или Космического Порядка, связана с первыми ариями, которые появились на страницах истории примерно 3500 лет назад. Даже самые первые арии уже поклонялись по крайней мере одному божеству, Небесному Отцу[1], который, хотя и имел антропоморфный, материальный и варварский облик, был, однако, возвеличен гораздо выше безымянных духов и волшебных сил, характерных для периода дикости.

Потенциальные возможности языка ариев были пригодны не только для интеллектуальных занятий. По всей видимости, поэзия, в которой определенная метрическая структура соседствует с благозвучными словами и которая призвана воплощать красивые идеи, является исключительно арийским изобретением: семитская поэзия, например, не опирается на правильную метрическую структуру, включающую в себя определенное число слогов в стихе. Соответствия между метрической структурой индийских Вед, иранских гат и лирических стихов греческих поэтов фактически позволяют нам предполагать существование некой общей метрической традиции, унаследованной от более ранней эпохи.

Таким образом, данные филологии свидетельствуют о существовании народа, язык которого обладал большими потенциальными возможностями. Потомки этого народа играли ведущую роль не только в Европе, начиная с самых ранних этапов истории, но и в Западной Азии в 1-м тысячелетии до нашей эры. Хотелось бы надеяться, что плодотворное сотрудничество между двумя такими дисциплинами, как филология и археология, по крайней мере в этой области, позволит решить некоторые проблемы, которые любая из этих наук по отдельности решить не в состоянии.

Как выясняется, на индоевропейских языках, когда они впервые появляются в поле нашего зрения в середине 2-го тысячелетия до н. э., уже разговаривало несколько различных народов. Праязык, от которого они все произошли, не оставил после себя никаких следов в письменных документах, и мы можем только приблизительно реконструировать его с помощью сравнительных методов. Филологи сегодня насчитывают одиннадцать групп языков, произошедших от единого арийского корня, каждая группа, в свою очередь, включает в себя множество языков, кроме того, каждый из этих языков за время своего бытования успевает разделиться на несколько диалектов. Основными группами индоевропейских языков, существующих в настоящее время, являются: 1) кельтский, представленный гэльским, ирландским, мэнкским (язык жителей острова Мэн), уэльским и бретонским языками, но некогда он охватывал обширные области в Западной и Центральной Европе; 2) германские языки, включающие в себя англосаксонский, голландский, немецкий и скандинавские языки; его наиболее ранними письменными памятниками являются переводы Евангелий, осуществленные Ульфилой на готский язык около 500 года н. э.; 3) италийская группа — латинский, языки осков и умбров, все они фиксируются около 400 года до н. э. — их современными потомками являются итальянский, французский, испанский, румынский и некоторые другие языки; 4) албанский, предками которого, возможно, являются древние иллирийский и фракийский языки; 5) греческий, в классические времена делившийся на четыре диалекта; 6) славянские языки — русский, польский, чешский, хорватский, сербский, болгарский и много других — самые ранние письменные памятники, зафиксированные на староболгарском и церковнославянском, относятся приблизительно к 900 году н. э.; 7) к балтской семье относятся литовский и прусский языки, а также язык леттов, письменная фиксация всех их происходит довольно поздно; 8) армянский, литература на котором появляется в VI веке н. э.; 9) иранские диалекты, ранее всего зафиксированные, с одной стороны, в древнеперсидских надписях царей из династии Ахеменидов, а с другой — в гатах и в более поздних священных книгах среднеперсидского периода. Затем иранские языки делятся на громадное число диалектов, некогда распространенных на огромной территории от Восточного Туркестана до Кавказа и Европы (включая и алан), потомками которых являются осетинский, курдский, персидский и множество других языков; 10) индийская группа, прежде всего санскрит, затем древний пракрит и, наконец, современные языки; 11) тохарская группа представлена

[1] На санскрите он назывался Dyaus pita, у греков Ζεύς, а у римлян — Jupiter, Teut, Tiu.

ныне вымершим языком с двумя диалектами, известными только по древним рукописям, недавно найденным при раскопках древних городов долины Тарима и, вероятно, датирующимся второй половиной 1-го тысячелетия н, э.

Эти одиннадцать групп, без всякого сомнения, представляют собой только незначительную часть от общего количества арийских языков, которые некогда существовали. Дошедшие до нас скудные фрагменты фригийского, мессопского и венетского языков позволяют предположить, что эти ныне мертвые языки также принадлежали к индоевропейской семье. А сколько еще было других, которые исчезли, не оставив после себя никаких следов. Во время написания этой книги весьма неожиданно были обнаружены следы одного из арийских языков, на котором разговаривали в Каппадокии во 2-м тысячелетии до н. э. На самом ли деле предложенное деление на одиннадцать групп следует считать окончательным? Было предпринято немало попыток, чтобы упростить данную классификацию.

И на самом деле, эти одиннадцать групп можно сократить до девяти. Балтские языки, хотя они и более архаичные, по своей фонетике, структуре, синтаксису и словарному запасу настолько близко примыкают к славянским языкам, что эти две группы можно для удобства рассматривать как единую группу, именуя ее балто-славянской. Точно так же, даже еще с большим основанием, в единую группу можно объединить индийские и иранские языки: санскрит Ригведы и тот иранский язык, на котором выполнены надписи Дария Великого и гаты Зороастра, так похожи, что их можно рассматривать как диалекты одного языка. Действительно, тесные связи между индусами и иранцами прослеживаются не только по данным лингвистики. Оба народа сами себя именовали ариями (Aryas, Airya, Ariya), оба когда-то называли одними и теми же именами реки и местности (например, Сарасвати и Харья Уватис), поклонялись одним и тем же божествам (Митра, Арьяман, Насатья и т. д.), пели им гимны со сходной метрической структурой, пили священный напиток сому и придерживались других обрядов, которые выполнялись под руководством жрецов, именовавшихся hotar — zoatar, Atharvan — athravan. Наличие подобных соответствий позволяет нам

сделать вывод, что индусы и иранцы являются двумя ветвями одного и того же народа, которые долгое время жили совместно после распада индоевропейской общности.

Каждая из оставшихся девяти групп имеет наиболее тесные связи со своими непосредственными соседями. Тем не менее некоторые подобия в ограниченных областях можно обнаружить между ними всеми, и их следует рассматривать как свидетельства близкого родства. Наиболее ярко это проявляется в фонетике, и фонетические изменения, то есть изменения в произношении, действительно представляют очень важную особенность любого языка и могут рассматриваться как один из основополагающих этнических признаков. В основу самого деления легло произношение некоторых гортанных звуков, особенно *к*. Индоиранцы, армяне, балто-славяне и, очевидно, фракийцы прозносили *к* как свистящий звук s, все остальные группы сохраняют этот звук (который становится h в древнегерманском языке в соответствии с законом Гримма). Языки, в которых замена звука *к* на *s* получает дальнейшее смягчение, представлены латинским и германскими языками, в них он превращается в звуки *д* и *g*. Ключевым словом, которое наглядно демонстрирует различия между этими двумя группами, является название цифры «сто». Эти группы соответственно называют сатем и кентум.

Ранее подобному делению придавалось большое значение, так как считалось, что все языки группы сатем были распространены в Азии или же на самом востоке Европы, тогда как языки группы кентум были распространены западнее. Казалось, что употребление гортанных звуков соответствует не только географическому, но и лингвистическому делению языков. Это мнение было поколеблено в течение последнего десятилетия; древние рукописи, выполненные индийским письмом, были обнаружены среди развалин городов в Турфанском и Хотанском оазисах; оказалось, что они написаны на одном из арийских языков, а именно тохарском, который принадлежал к группе кентум! Таким образом, получается, что распространение языков группы кентум не было ограничено только Европой; к этой же группе принадлежал и самый восточный из всех индоевропейских языков, на котором разговаривали в VIII ве-

ке н. э.! Чтобы снять это противоречие, была предпринята попытка доказать, что тохарский язык сравнительно поздно появился в китайском Туркестане и был занесен туда бродячей шайкой кельтов. Однако нельзя сказать, что попытки найти близкое родство между тохарским и кельтским языками, как, впрочем, и с любым другим языком группы кентум, увенчались успехом. Тем не менее тохарский язык существенно отличается не только по своему фонетическому складу, но также и по словарному запасу и грамматике от других арийских языков Азии — иранского и индийского; более того, в нем прослеживается целый набор слов, который характерен для европейских языков[1]. Следовательно, открытие тохарского языка не способно окончательно поколебать деление индоевропейских языков на группы сатем и кентум, а лишь ставит перед нами очередные проблемы.

Имеются, разумеется, и другие фонетические особенности, характерные не только для одного языка или группы языков. Так, например, в греческом языке, точно так же как и в иранских языках, происходит замена начального или интервокального *s в h в* большинстве случаев. Опять-таки в большинстве кельтских языков, в двух италийских диалектах (оскский и умбрский), а также в эолийском диалекте греческого языка происходит лабиализация *д.* Но в древнеирландском и гэльском языках, в двух италийских диалектах этот звук является гортанным, в то время как в других греческих диалектах происходит его лабиализация только перед *о,* а перед *е* и *i* он превращается в */.* Эти особенности не вписываются в фундаментальные классификации, они просто присутствуют в первом случае в индоиранских и греческом языках, а в другом — в италийском, кельтском и греческом языках. Поэтому они не соответствуют известному нам делению. Следует также отметить, что деление языков да группы сатем и кентум основано только на их фонетических особенностях, но оно подтверждается другими совпадениями, основанными на их грамматической структуре или же словарном запасе. Так, на-

[1] В их числе можно упомянуть salyi — «соль», alyek — «озеро», «рыба».

пример, греческий язык, относящийся к группе кентум, и санскрит (сатем) по принципам образования глаголов стоят гораздо ближе друг к другу, чем санскрит и славянские языки или же греческий и латинский языки. Опять-таки в индоиранских и греческом языках имеется большое число сходных слов, которые не встречаются в других индоевропейских языках. С другой стороны, во всех европейских языках, как группы кентум, так и группы сатем, можно найти большое число слов, которые не встречаются в индоиранских языках.

Чтобы более наглядно проиллюстрировать нашу концепцию о глубокой взаимосвязи девяти индоевропейских лингвистических групп, было бы целесообразно обратиться к языкам романской группы. Как известно, французский, испанский, португальский, каталонский, итальянский, румынский и другие языки этой группы произошли от различных диалектов латинского языка — но не того литературного языка, на котором писали Ливии или Тацит, а того, который звучал в военном лагере или же на рынке. Эта простонародная латынь, как ее называют, должно быть, некогда была понятна всем, кто на ней разговаривал, на громадных пространствах от Черного моря до Атлантики. После крушения Римской империии она распалась на ряд местных диалектов, каждый из которых был понятен только ближайшим соседям. Затем, по воле случая или благодаря усилиям известных писателей своего времени, эти диалекты стали официальными и литературными языками новых варварских королевств — диалекты Северной Кастилии и Ele de France, например, стали средством повседневного общения соответственно в королевствах Испания и Франция. Эти государственные языки постепенно поглотили прежние диалекты до такой степени, что теперь при пересечении государственной границы вы попадали в страну с совершенно чуждым вам языком. При этом те языки, на которых теперь разговаривали по обе стороны границы, произошли от простонародной латыни.

Лингвистические различия, которые теперь отличают одну нацию от другой, явились следствием фонетических особенностей (то есть различий в произношении латинских звуков, характерных для той или иной территории), новшеств в склонении существительных и в синтаксисе,

заимствования новых слов, будь то непосредственно из латыни или же из новых образований, основанных на латинских корнях, или же слов из местных языков, распространенных в той или иной области еще до прихода римлян и позднее заимствованных у завоевателей или соседей. Подобные расхождения были неизбежными, и в случае с фонетикой действовали определенные «законы»; однако такие фонетические модификации не затрагивали слова, заимствованные несколькими языками после их выделения в качестве самостоятельных величин. Речь идет о словах типа «телефон» или «табак». Таким образом «новые» слова можно отличить от тех, которые были унаследованы от прародителя, от простонародной латыни. Сравнивая несколько разных языков и применяя фонетические и другие «законы», благодаря которым произошла их дифференциация, и устраняя более поздние заимствования, мы можем приблизительно реконструировать родительский язык, даже если не осталось никаких надписей на твердых материалах или прочих письменных памятников, в которых он был бы отражен.

Различия, которые отличают одну от другой существующие индоевропейские группы языков, по своей сути имеют ту же самую природу, что и в романской группе языков. В царстве фонетики действуют те же самые правила; с помощью универсальных «законов» можно определить все изменения в произношении первоначальных арийских слов и установить их первоначальный вариант. С их помощью можно также отличить более поздние заимствования от тех слов, которые входили в состав праязыка. В данном случае процесс разделения языков зашел гораздо дальше, чем в пределах романской группы; отдельные языки в некоторых случаях обогатились за счет новых заимствований, которые наложились на старую основу[1], в некоторых из них обозначилась тенденция к упрощению грамматики путем приспособления отдельных

[1] Так, в древнегреческом языке пассивная форма глаголов, в санскрите пассивная форма и будущее время глаголов, а в латыни все времена, за исключением настоящего и перфекта, появились благодаря заимствованиям.

образований к более привычным типам[1]. Эти изменения, естественно, повлекли за собой соответствующие модификации и в синтаксисе. В конечном итоге получились громадные расхождения в словарном запасе, что и неудивительно; многие из арийских языков поглотили другие древние языки, сохранив от них в своем составе много названий для новых вещей или понятий. Культура самих ариев развивалась очень быстро, а это требовало создания все новых названий. Как и в случае с романскими языками, мы можем восстановить первоначальный язык ариев, используя сравнительные методы.

Однако к аналогиям следует относиться с известной долей осторожности. Было бы неправильно полагать, что праязык, подобно, скажем, латыни, был вполне сформировавшимся языком с устоявшимся словарным запасом и четкими грамматическими нормами. Такой язык может существовать только при наличии устойчивого и хотя бы частично централизованного государства, при этом он должен быть отображен в письменных памятниках, а также в народном эпосе, сказках, преданиях и т. п. То, что мы обычно называем «языками» — будь то язык современных газет, греческих историков или вавилонских законодателей, — не могло существовать з той социальной и материальной среде, в которой жили первобытные арии (см. главу 4) Фактически филология говорит нам о том, что праязык должен был находиться в состоянии постоянного изменения от одной общины к другой, от одного поколения х другому — произношение, склонение и значение отдельных слов должно было понемногу меняться. Методы сравнительного анализа могут дать нам только некую усредненную величину, которая игнорирует все эти изменения. Опять-таки те же самые причины, которые привели к широкому распространению латинского языка, — создание империи, управляемой из Рима, — предполагают наличие очень высокой социальной организации, однако в данном случае этот тип языковой диффузии нам не подходит.

[1] Например, замена двух форм перфекта или аориста с основой на -s в латинском языке перфектами с основой на vi- или -ui.

Тем не менее отмеченная аналогия может навести нас на определенные размышления. В первую очередь, распространение латинского языка по Римской империи предполагает наличие римского народа, который сначала создал этот язык, а затем и разговаривал на нем. С другой стороны, их языковые наследники, которые разговаривают на языках романской группы, не принадлежат ни исторически, ни антропологически к единому народу. Например, французы и испанцы в своей массе являются потомками лигуров, иберов и кельтов, которые заняли территорию Галлии и Испании еще в доримские времена. Впоследствии они смешались с новыми этническими компонентами, которые попали туда в результате миграций или завоеваний, — готами, аланами, норманнами, бургундами и прочими, к которым со временем прибавились цыгане, евреи и другие бесприютные странники. Так что один язык — это не то же самое, что один народ. Это утверждение представляется настолько важным, что я рискну проиллюстрировать его другим примером. Языки банту, на которых разговаривают на огромных пространствах Африки от Великих озер до мыса Доброй Надежды, по меньшей мере имеют близкие связи с арийскими языками. Их носители включают представителей различных физических типов.

В свою очередь, современные языки Франции, Испании и Румынии появились отнюдь не в результате завоевания или колонизации этих территорий французами, испанцами или румынами. Сначала получил распространение единый язык, причем не столько благодаря заселению римлянами этих территорий, сколько благодаря успехам римских легионов; затем для удобства речь завоевателей стада использоваться в провинциях для ведения различных дел. Самостоятельные языки развились от одного в отдельных областях. В таком виде «теория волн», представленная на суд общественности Иоганном Шмидтом в 1872 году и позднее получившая развитие в трудах Пиктета и Исаака Тейлора, дает наиболее вероятный ответ на вопрос о причинах столь широкого распространения индоевропейских языков. Ранее филологи полагали, что их распространение явилось результатом расселения из единого центра; по мере продвижения вперед поток растекался в разные стороны, а

затем каждая из ветвей, в свою очередь, опять делилась на отдельные группы, каждой такой группе соответствует определенный язык. По мнению Шмидта, дифференциация индоевропейских языков объясняется распространением лингвистических модификаций из различных центров в пределах обширного континуума. Это мнение вполне согласуется как с фактом несомненного родства различных индоевропейских языков, так и с теми выводами, которые мы получили при рассмотрении романских языков.

Тем не менее прежнюю гипотезу можно привлечь для объяснения не совсем обычного географического положения носителей некоторых арийских языков. Так, например, с помощью теории Шмидта очень трудно объяснять ситуацию с тохарским языком, который являлся островком языка кентум (с характерными для европейских языков особенностями в грамматике и словарном запасе) в море языков группы сатем, характерных для Азии. В данном случае вполне правдоподобным выглядит предположение о переселении туда носителей этого языка. Вместе с тем сходство между арийскими языками настолько велико, что это позволяет предположить, что они появились в некой ограниченной области. Колыбель арийских народов, вероятно, имела некоторые общие географические характеристики; лингвистические данные позволяют нам предполагать существование нескольких близких диалектов, получивших распространение в пределах некой области с более или менее однородными природными условиями. Тот факт, что все арийские народы почитали по крайней мере одно общее для всех их божество, позволяет нам пойти в своих предположениях еще дальше; это не предполагает наличия у них политического единства, но, во всяком случае, наводит на мысль, что носители праязыка представляли собой единый народ. Для того чтобы объяснить распространение индоевропейских языков на ранних этапах истории, мы должны рассмотреть гипотезы об экспансии, миграции, завоевании или постепенной инфильтрации, благодаря которым арийская речь и религия распространились из «прародины» на новые территории. В этом и заключается главная задача этой книги. Сперва мы попробуем ограничить область поисков, определив местонахождение нескольких

арийских народов в тот момент, когда они появляются на страницах истории. Затем мы постараемся определить с помощью данных археологии тот общий центр, из которого они появились. Мы попытаемся выделить изначальную материальную культуру ариев, а также определить их прародину в свете тех данных, которые дает нам сравнительное языкознание. После этого станет возможным проследить пути перемещения ариев к тем местам их проживания, которые подтверждены историческими свидетельствами. Совмещение двух направлений исследования должно подтвердить или опровергнуть правомерность наших выводов.

Глава 2
ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ АРИЕВ НА СТРАНИЦАХ ИСТОРИИ

АРИЙСКИЕ ДИНАСТИИ В МЕСОПОТАМИИ В XV ВЕКЕ ДО Н. Э.

Арийские народы сначала появляются из мрака предыстории на северных границах так называемого Плодородного Полумесяца Древнего Востока. Самые древние арийские имена и слова, которые дошли до нас, зафиксированы на клинописных табличках из Вавилонии, Египта и Каппадокии. Но первые арии в этих областях, история которых освещена в письменных документах начиная с конца 4-го тысячелетия до н. э., являются всего лишь поздними пришельцами. Вторгнувшись в Месопотамию и сопредельные с ней страны, они оказались в областях, занятых народами, говорившими на языках других групп.

Начиная с самых ранних этапов истории долины рек Тигра и Евфрата были заселены двумя неиндоевропейскими народами — шумерами и аккадцами, которые разговаривали на одном из семитских языков. Последние, хотя и заселяли южную часть Месопотамии с самых ранних времен, оставили некоторые следы своего присутствия и севернее, например в Ашшуре, расположенном в среднем течении Тигра, в то время как художественные изделия шумеров, если не сами шумеры, проникли даже в Астрабад, расположенный на берегах Каспийского моря. Аккадцы тесно смешались с шумерами в Вавилонии и заняли западные равнины, простиравшиеся вплоть до сирийского побережья и Синая. Эти два народа сообща создавали изумительную цивилизацию Месопотамии, памятники которой известны нам с середины 4-го тысячелетия до н. э. Они образовали большие империи, которые распространяли их культуру по всем сопредельным

странам. Около 2700 года до н. э. правители города Аккада распространили свою власть вплоть до берегов Средиземного моря и, вполне вероятно, на Каппадокию. В любом случае вскоре после 2500 года до н. э. крупная аккадская колония, поддерживавшая близкие политические и торговые отношения с Ассирией и Вавилонией, появилась в долине реки Галис, в ключевом пункте, контролировавшем торговые пути, которые вели как к Черному, так и к Эгейскому морю.

В месопотамских надписях и в памятниках изобразительного искусства также можно найти сведения и о других народах, населявших соседние горные районы, однако, по всей видимости, ни один из них в 3-м тысячелетии до н. э. не относился к числу индоевропейских. К востоку от Месопотамии жили эламиты, разговаривавшие на языке неизвестного происхождения и создавшие собственную высокоразвитую цивилизацию[1]. Горные местности к северу от территории современного Ирака были, возможно, уже заселены народами малоазийской группы, язык которых был зафиксирован в более поздних хеттских, митаннийских и ванских текстах. Наши источники не дают нам никаких указаний на присутствие ариев в пределах занимаемой ими области вплоть до 2000 года до н. э.

Но к середине 2-го тысячелетия до н. э. в пределах Плодородного Полумесяца появляются правители с арийскими именами, наследовавшие цивилизацию, созданную шумерами и аккадцами. Обстоятельства их появления там не дошли до нас; династия Хаммурапи, которая в конечном итоге объединила Месопотамию под властью Вавилона, была свергнута около 1900 года до н. э., и последовавшие после ее падения события почти не нашли отражения в письменных источниках. Предшественниками арийских завоевателей могли быть касситы, которые основали свою династию в Вавилоне

[1] Бесспорные памятники эламитского языка относятся к гораздо более позднему времени, однако встречающиеся в более ранних надписях имена царей позволяют нам предполагать, что этот язык существовал уже в 3-м тысячелетии до н. э.

В настоящее время обнаружены памятники эламитского языка, относящиеся по крайней мере к рубежу 4—3-го тысячелетий до н. э. Как полагает большинство современных исследователей, эламитский язык был родственным языку протодравидов, которые и создали цивилизацию Хараппы и Мохенджо-Даро. *(Примеч. пер.)*

около 1760 года до н. э. Этот народ первоначально обитал к востоку от гор Загроса, откуда они начали проникать в Вавилонию уже во времена Хаммурапи, Но в целом они не были ариями. Хотя они восприняли вавилонский язык и культуру, местные писцы оставили нам записи, в которых содержатся касситские обозначения таких слов, как «бог», «звезды», «небеса», «ветер», «человек», «нога» и т. д.; ни одно из них не относится к числу индоевропейских. Более того, большинство личных имен этого периода предполагает скорее родство между касситами и малоазийскими народами, обитавшими к северо-западу. Однако в именах их правителей встречаются элементы, напоминающие имена индоиранских божеств — Surias (бог солнца (Сурья); сравните с санскр. Surya), Indas (сравните с санскр. Indra), Maruttas (сравните с санскр. Marutah, боги грозы (Маруты) и -bugas (сравните с иранским словом baga, «бог»). Кроме того, именно касситы первыми на Древнем Востоке стали запрягать лошадей в колесницы, и более позднее вавилонское наименование лошади susu, вероятно, происходит от индоиранской формы asua (санскр. as'va). Вполне вероятно, что вторжение касситов было вызвано давлением арийских племен, обитавших в горах Ирана, и их предводители и стали теми самыми правителями с арийскими именами.

Рис. 1. Нарамсин, правитель города Аккада

Три столетия спустя, согласно документам из дипломатического архива, найденного в Телль-эль-Амарне, которые проливают свет на события в Западной Азии, арийская династия правила в государстве Митанни, располагавшемся на верхнем Евфрате. Эти правители имели явно

арийские имена — Šutarna, Dušratta, Artatama — и поклонялись индоиранским божествам. В 1907 Хьюго Винклер удивил научный мир, расшифровав имена четырех божеств, хорошо известных по индийским Ведам, призванных в качестве свидетелей договора, подписанного в 1360 году до н. э. между правителями Митанни и хеттов. Божества перечислены наряду с другими богами — десятью вавилонскими и четырьмя собственно митаннийскими — Индра (in-da-ra), Варуна (u-ru-v-na или a-ru-na), близнецы Митра и Насатья (na-ša-at-ti-i~ia). Совсем недавно другой документ, происходящий из Митанни, был найден в хеттском архиве в Богазкее. Он имеет отношение к коневодству и содержит ряд арийских числительных — aika (1), teras (3), panza (5), satta (?) и nav (9) — в выражениях типа aikavartanna vasannasaya («один круг по стадиону»). Наконец, мы знаем, что в это время в государстве Митанни существовало сословие воинов, именовавшихся marianna. Невольно напрашивается сравнение с санскритским словом mārya, которое переводится как «молодые люди», «герои».

Так что достаточно ясно, что династии, утвердившиеся на верхнем Евфрате около 1400 года до н. э., были арийскими, близкородственными тем, которые правили в долине Инд и позднее в Мидии и Персии. Но их подданные не были ариями, поэтому правители восприняли их язык и приспособили вавилонскую клинопись для официальной переписки и, очевидно, почитали местных богов наряду с собственными. Тот этнический поток, который привел их на берега Евфрата, не остановился там. В этот же самый период таблички из архива в Телль-эль-Амарне упоминают арийских правителей также в Сирии и Палестине — Biridaswa в Йеноаме, Šuwardata в Кейлахе, Yašdata в Таанахе, Artamanya в Зир-Башане и ряд других. Они также, вероятно, были представителями династий, а их подданные были неарийского, скорее всего семитского происхождения.

Упоминавшиеся числительные, а также имена божеств и правителей являются древнейшими из дошедших до нас образцов языка ариев. Они заслуживают особого внимания. Без всякого сомнения, они относятся к группе сатем; фактически они очень близки к тем, которые известны нам по индийским языкам. Конечно, они ближе всего к санскриту,

чем к любому из иранских диалектов, которые позднее составили западную ветвь индоиранской семьи языков. Таким образом, имена божеств Nāsatya являются санскритской формой, они противостояли близнецам Naonhaitya, и все четыре божества упоминаются в самых древних Ведах. В иранской Авесте они превратились во второстепенных божеств (Mithra; Митра), просто в демонов (Indra; Индра) или получили другие имена (Varuna = Ahura Mazda; Варуна-Ахура Мазда). Числительные определенно являются индийскими, а не иранскими; слово aika идентично санскритскому слову eka, в то время как «один» на языке зенд обозначается словом aeva. Точно так же звук s сохраняется в слове satta, хотя в иранском языке он превращается в *h* (hapta), его исходную форму можно кайти не собственно в санскрите, а в пракритах, которые, как предполагается, сложились после Вед.

Даже личные имена скорее выглядят как индийские, а не иранские. Таким образом, имя Biriḍašwa вполне правомерно сравнить с санскритским именем Bṛhadašva («владеющий большой лошадью»). Если это утверждение верно, то второй элемент - aswa («лошадь») отличается от иранской формы aspa, отмеченной в древнеперсидском и среднеперсидском языках (сравните Jāmaspa и Vistāspa). В связи с этим можно вспомнить, что персидский царь Дарий I именовался Гистаспом (Hystaspes). С другой стороны, элемент Arta- в митаннийских и палестинских именах имеет много параллелей в более позднем иранском ономастиконе; концепция божественного порядка Rta, воплощенная в нем, была хорошо известна ведическим поэтам, но его редко использовали как компонент при образовании личных имен в Индии.

Если мы попытаемся точно определить, к какой ветви арийского дерева принадлежали эти правители из Митанни, могут возникнуть большие расхождения во мнениях. Когда имена митаннийских божеств были впервые опубликованы, Джакоби, мнение которого до сих пор разделяют Паргитер и Конов, определенно интерпретировал их как индийские и приписал их появление в Месопотамии народу, говорившему на санскрите и проникшему туда из Пенджаба. На это Эдуард Мейер возразил, что филологи дав-

но признали, что индийцы и иранцы представляли собой один народ и поклонялись одним и тем же божествам еще до того, как индусы заняли долину Инда. Имена индийских божеств и числительные восходят к периоду этой индоиранской общности, то есть появились еще до ее распада и до того, как произошли фонетические изменения, характерные для иранского языка, — переход звуков *s — ft, śu — sp*. В конечном итоге Хьюзинг согласился с тем, что эти правители были индийцами, но теми индийцами, которые еще не добрались до Индии; он считает, что территория, на которой некогда существовала эта индоиранская общность, располагалась к северу от Кавказских гор.

Решение этого вопроса следует искать в более поздней истории как индийцев, так и иранцев. Несомненными представляются два очень важных факта: во-первых, разделение на языки групп кентум и сатем восходит к середине 2-го тысячелетия до н. э.; во-вторых, эти народы в более позднее время известны нам только к востоку от Тигра, а в рассматриваемое время жили гораздо западнее.

ХЕТТСКАЯ ПРОБЛЕМА

Однако на Востоке в XV столетии до н. э. присутствовали не только арийские народы группы сатем; нахождение в этом районе народов группы кентум засвидетельствовано клинописными документами этого же времени. Если открытие индийских имен в Северной Сирии вызвало удивление в 1907 году, то открытие индоевропейских элементов, присущих группе кентум в языке хеттов, живших на территории Каппадокии, десять лет спустя вызвало недоверие.

О хеттах давно было известно из египетских и вавилонских документов, из упоминаний о них в Библии, а также по их собственным загадочным памятникам. Еще до начала Первой мировой войны никто не считал их индоевропейцами. Подход к этой проблеме изменился благодаря результатам дешифровки профессором Грозным значительного массива хеттских текстов, написанных клинописью. Слухи о его открытиях быстро преодолели политические

границы и даже в пылу сражений вызвали живой интерес. Поначалу его выводы были восприняты со скептицизмом, и теперь представляется, что решение проблемы ни в коем случае не является столь простым, как он думал.

Во-первых, тот материал, который имеется в нашем распоряжении, а это таблички из государственного архива хеттских царей в Богазкее, отражает только тот язык, на котором разговаривали хетты в Каппадокии, и на их основании нельзя делать никаких выводов относительно других «хеттов», например тех, которые жили в Кархемише на севере Сирии. К тому же теперь становится ясно, что даже в Каппадокии в то время существовало большое количество языков — палайский, митаннийский и протохеттский. На последний следует обратить особое внимание, поскольку он оставил после себя собственные письменные памятники. Не вызывает никаких сомнений, что «хеттов» нельзя относить к числу индоевропейцев[1]. Другое дело диалект, на котором написано большинство текстов, язык, который сами писцы именовали Našili — «наш язык». Несомненно, что он испытал на себе индоевропейское влияние.

В настоящее время мы находимся в неопределенном положении; число опубликованных текстов все еще не очень велико, при дешифровке местного варианта клинописного письма возникли определенные трудности, поэтому любые суждения нельзя считать окончательными. Все же некоторые положения получили всеобщее признание. При склонении существительных, местоимений и глаголов в языке Našili наблюдается поразительное сходство с индоевропейскими языками. В шести случаях из четырех в номинативе имеются явные совпадения с арийскими парадигмами. В случае с местоимениями таких совпадений меньше. В одном спряжении пять из шести форм настоящего времени и три формы прошедшего времени являются индоевропейскими; к ним можно добавить окончания среднего рода на -tari и -antari, а также окончания императивов на -du и -andu. Некоторые формы местоимений типа kuis, kuit (сравните латинские формы quis, quid), глагола esmi — я (есть)

[1] Индоевропейское происхождение хеттов теперь не вызывает никаких сомнений. (*Примеч. пер.*)

(сравните с санскр, asm?) или же образование производных форм глаголов настоящего времени на -numi (греческая форма -νυμι, санскритская -nomi) выглядят как вполне индоевропейские.

Но самое удивительное заключается в том, что индоевропейские подобия в языке хеттов находят не только в индоиранских языках, но и в языках группы кентум, особенно во фригийском, греческом и латинском. Фонетические особенности языка Našili объединяют его как раз с последней группой. При склонении некоторых форм ясно прослеживаются особенности, присущие западным языкам: основа в винительном падеже единственного числа на -n, точно такая же, как в греческом и фригийском языках, вместо -m, summes. Правда, следует вспомнить и форму ὑμεῖς, в греческом языке, наречие katta, и замену -ti на -zi в третьем лице единственного числа глаголов. Только довольно сомнительные императивы на -du и -andu во втором лице личных местоимений множественного числа на -teni имеют отчетливые индоиранские параллели. Поэтому если индоевропейский элемент и имеется в Nasiii, то попал он туда не из соседней Митанни.

Тем не менее Našili нельзя отнести к числу индоевропейских языков. Различия в склонениях представляются слишком многочисленными, Профессор Сэйс говорил мне, что выглядящие как типично индоевропейские окончания глаголов являются не строго «личными», *а,* как кажется, иногда использовались безлично, чтобы обозначить первое или третье лицо единственного или множественного числа. Он отметил, что несколько из предполагаемых индоевропейских окончаний глаголов имеют параллели в неиндоевропейских языках, в ванском и даже шумерском. Опять-таки количество достоверно индоевропейских слов и форм в языке хеттов представляется слишком незначительным. Наконец, его синтаксис не похож на тот, который присущ индоевропейским языкам, его структура больше похожа на малоазийские языки.

В настоящее время вряд ли кто-нибудь рискнет заявить, что эти документы XIV века до н. э. написаны на одном из индоевропейских языков, и попытается объяснить различные несоответствия его деградацией, ассимиляцией форм и

иноземными заимствованиями. Но тексты из Богазкея на много столетий старше, чем самые ранние письменные памятники, созданные на санскрите или на древнегреческом языке. Язык хеттов отделился от гипотетического первоначального языка ариев гораздо раньше, и, следовательно, греческий язык и санскрит намного сильнее отличаются от родительской речи. Было бы наивным полагать, что настоящий индоевропейский язык выглядел бы столь странно в XIV столетии до н. э. Профессор Форрер высказал предположение, что Našili мог быть одним из диалектов некоего очень архаичного языка, от которого также произошел и язык праиндоевропейцев. Мне и профессору Сэйсу более вероятным представляется тот вариант, что Našili был искусственным литературным языком, созданным придворными писцами и жрецами. В таком случае арийские элементы, слова и окончания могли быть заимствованы для выражения понятий и отношений, неизвестных в более примитивных малоазийских диалектах, которые представляли собой лишь основу формирующегося языка. Точно так же в него попала и целая группа различных вавилонских терминов. В качестве аналогии можно упомянуть, что в эламитской версии надписи Дария на скале в Бехистуне употреблен древнеперсидский императив astu, поскольку субстантивированные глаголы отсутствуют в малоазийских языках.

Если мы все-таки признаем наличие индоевропейских элементов в языке Каппадокии, то мы должны задаться вопросом, откуда они туда проникли. Обычно ответ заключается в том, что арийский элемент, точно так же как и в государстве Митанни, был только правящей аристократией, а их подданные в массе своей относились к малоазийскому типу. Однако имена хеттских царей — Хаттусили, Дудхалия, Мурсили, Муталлу — не похожи на арийские. Опять-таки хеттские божества не имели арийских имен, хотя профессор Сэйс и отмечал, что в хеттской версии вавилонского мифа о Беле и драконе последний имеет индоевропейское имя Иллуянкас. Какой разительный контраст с правителями Митанни, которые сохранили свои арийские имена и имена своих богов! Династические списки свидетельствуют о том, что династия с неарийскими именами правила у хеттов по крайней мере с 1900 года до

н. э., если не раньше. По всей видимости, все правители, упомянутые в документах из архива в Богазкее, принадлежали к представителям малоазийских народов.

Более того, присутствие этого малоазийского элемента можно проследить в Каппадокии с середины 3-го тысячелетия до н. э. В это время в долине реки Галис начали появляться колонии аккадцев, и несомненно, что именно под их влиянием в культуре хеттов и в языке Našili появились некоторые вавилонские элементы. Переписка этих торговцев, так называемые каппадокийские таблички, свидетельствует о наличии в этом районе людей с малоазийскими именами, которые весьма напоминают имена хеттских правителей, — Дудхалия, Бужуя, Ахукар и т. д. В них также около 2000 года до н. э. упоминается Бурус-Хатим, «крепость хеттов». На одной из «каппадокийских» печатей примерно того же времени имеется надпись хеттскими иероглифами. Но никакие арийские названия или имена не встречаются в столь раннее время. В независимости от того, какой народ способствовал насыщению языка Našili арийскими элементами и где он проживал, создается такое впечатление, что его влияние в областях, примыкавших к реке Галис, начало сказываться только после 2000 года до н. э., возможно даже, гораздо позже. Следствием этого стало появление элементов, присущих группе кентум, в пределах государства хеттов после 1500 года до н. э. Как раз в это время склоны Тавра, по всей видимости, и представляли собой своеобразную границу между двумя группами индоевропейских языков — сатем и кентум.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Откуда пришли эти две группы арийских народов, расселившиеся по обе стороны Тавра? О том, что они были в этом районе пришельцами, свидетельствует тот факт, что об их присутствии там молчат документы 3-го тысячелетия до н. э. Первые достоверные сведения о них появляются только в конце «темных веков». Наступление этих «темных веков» само по себе очень показательно — оно является отражением последствий социальных потрясений, вызванных

передвижениями народов. Новые этнические компоненты пролагали себе путь на Ближний Восток. С их появлением мы можем связать вторжение в Египет гиксосов, или «пастушьих фараонов». Документы XV столетия позволяют оценить степень катастрофы, показывая нам новую расстановку политических сил. Но только с помощью данных археологии можно проследить направления переселений народов.

В настоящее время, к сожалению, значение полученных с ее помощью результатов все еще оставляет желать лучшего. Ранние этапы касситского периода в истории Вавилонии, то есть еще до того, как захватчики полностью восприняли культуру захваченной ими страны, малоизвестны. Тем не менее интересно, что во время правления Аммизадуга, как раз перед касситским завоеванием, белые рабы из Субарту и Гутии, областей, лежавших к северо-востоку, продавались в Вавилоне. Примерно в то же самое время прекратился импорт нефрита из китайского Туркестана.

История государства Митанни нам известна еще меньше. Только одно поселение на его территории было исследовано — Телль-эль-Халаф, расположенное на реке Хабур. Здесь барон фон Оппенгейм раскопал руины древнего города, и часть из его находок хранится теперь в Британском музее. Грубые барельефы, выполненные в хеттском стиле, на которых, по-видимому, представлены изображения самих хеттов, относятся к 1-му тысячелетию до н. э. и поэтому ничем не могут помочь в решении интересующей нас проблемы.

Более мелкие находки, включая расписную керамику из нижних слоев, возможно, смогут пролить некоторый свет. В нашем распоряжении нет достоверных портретов жителей Митанни. Но известно, что правившая там арийская династия поддерживала постоянные контакты с фараонами и не менее трех митаннийских «принцесс» стали правительницами Египта. Одна из них, Мутемия, жена Тутмоса IV, на сохранившейся статуе выглядит как настоящая египтянка[1],

[1] Одна из таких статуй хранится в Британском музее (Petrie, 1890, vol. II, p. 173, fig. 111). Надо отметить, что митаннийское происхождение этой принцессы отрицается многими египтологами.

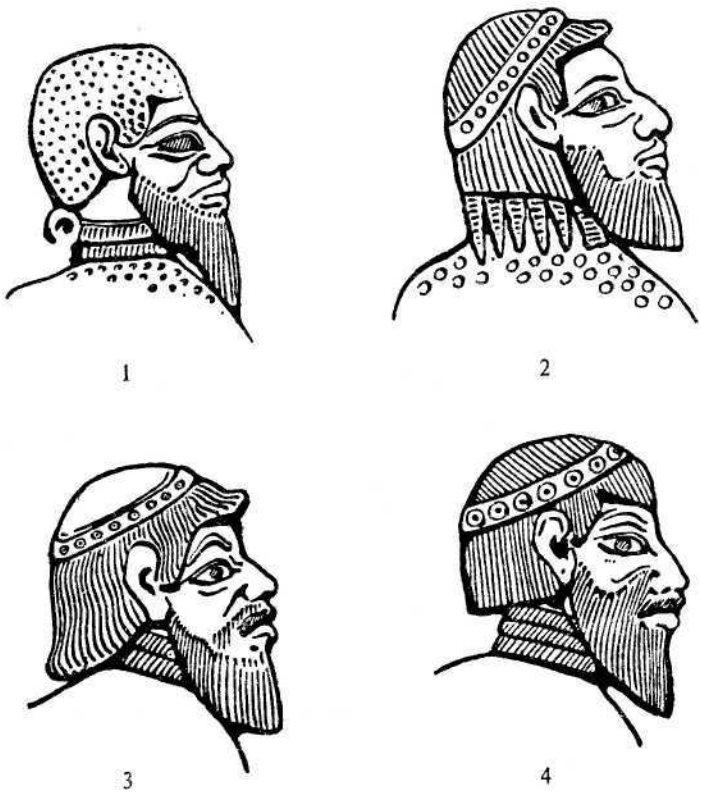

Рис. 2. Азиатские враги, изображенные на колеснице фараона Тутмоса IV: *1* — нахареец; *2* — сангариец; *3* — шашу (бедуин); *4* — житель города Кадиша

но так предписывали правила придворного этикета. Никаких изображений двух других «принцесс», Гилукхипуры и Тадукхипуры, которые попали в гарем Аменхотепа III, не дошло до нас. Некоторые ранние фараоны из 18-й династии вели войны с ариями, жившими в северной части Сирии. Они оставили нам целую портретную галерею представителей тех народов, которых они подчинили в ходе своих северных экспедиций. Большинство из них, без всякого сомнения, является семитами — амориты, бедуины

и т. д. Но человек из области Нахараина на колеснице Тутмоса IV (рис. 2, 1), как нам кажется, выделяется из числа прочих и напоминает иранские типы, представленные на персидских памятниках более позднего времени. Он может быть одним из представителей марианнов, так как область Нахараина примыкала к территории Митанни и митаннийцы соприкасались там с завоевателями. Интересно также отметить, что на египетских памятниках 18-й и последующих династий амориты часто изображаются как высокие, довольно светлые, голубоглазые люди с волосами каштанового цвета. Принимая во внимание значительное распространение ариев в этой области, вполне возможно, что подобные этнические признаки не были изначально для них характерны, а явились следствием слияния с пришельцами. Систематические исследования на территории Митанни, а также городов Сирии и Палестины, в которых правили арийские династии, должны пролить дополнительный свет на эти проблемы. В преддверии такой работы я могу только привлечь внимание к некоторым явлениям, которые, как представляется, появляются в период арийского вторжения, надеясь на то, что они могут помочь в дальнейшем.

Эдуард Мейер привлек наше внимание к любопытной колеснице, хранящейся теперь во Флоренции, найденной в гробнице эпохи 18-й династии. Подобный тип колесниц не характерен для Египта, ее ось покрыта березовой корой. Мейер говорит, что ближайшим к Египту местом, где растет это дерево, является Кавказ, и, соответственно, предполагает, что арии проникли на Ближний Восток через эту горную цепь, подобно тому как это делали киммерийцы и скифы на тысячу лет позже. Конечно, связь этой уникальной колесницы с ариями является лишь предположением, хотя у нас есть основания полагать, что именно под их влиянием в странах Древнего Востока появился обычай использовать запряженные лошадьми колесницы. Однако следует добавить, что есть и другие свидетельства связей с Кавказом, относящиеся приблизительно к тому же самому времени.

Древнейшие из плитовых гробниц в области Кархемиш на севере Сирии содержат предметы, весьма напоминающие те, которые находят при раскопках на юге России. Среди них можно упомянуть молоточковидные булавы,

которые выглядят как дальнейшее развитие типов, найденных в курганах эпохи энеолита на Кубани, своеобразные наконечники копий, которые также встречаются к северу от Кавказских гор, а также ручные браслеты со сходящимися концами, подобные которым широко распространены на юге России, в Венгрии, Северной Италии и в Богемии. Конечно, у нас нет надежных оснований считать, что эти находки из Европы старше своих сирийских аналогов, или связывать распространение последних исключительно с ариями, будь то хетты или же индоиранцы. Тем не менее их можно рассматривать как своеобразные указатели, и указывают они на территории, лежащие по ту сторону Кавказских гор.

С другой стороны, доказательств влияния из северной части Азии пока явно мало, поскольку этот регион все еще недостаточно исследован. Фактически мы действительно находим следы связей с Туркестаном, относящиеся примерно к этому периоду, хотя влияния туда могли проникать с запада, а не наоборот (см. ниже).

Возвращаясь в область хеттов в Каппадокии, сразу же следует отметить, что и в этом случае состояние наших источников выглядит не намного лучше. Изображения хеттов сохранились в созданных ими произведениях скульптуры, а также в произведениях египетских живописцев. Их изображения, возраст которых насчитывает 3000 лет, рисуют их как людей малоазийского типа, которые населяют эту же самую область и сегодня. Они представлены низкорослым типом с вытянутым черепом, с большим носом и узким лбом (фото 1), который как тогда, так и сейчас широко распространен в горных районах Западной Азии. В этом смысле фон Лахан с полным основанием мог бы назвать современных персов «хеттами». Это, однако, не доказывает, что эта арменоидная раса была первоначальной арийской расой, населявшей Каппадокию или Иран; арий Дарий с его высоким лбом и прекрасным носом весьма отличается от них и больше всего напоминает средиземноморский или североевропейский тип. Самые убедительные параллели арменоидам из Каппадокии на востоке можно найти в изображениях эламитской богини Анахиты, точно так же как и неиндоевропейские имена касситского происхождения находят на территории расселения хеттов. Создается впечатление, что типичные арменоиды хетты представляли собой доарийский народ. Даже на египетских рисунках, на которых представлены отряды хеттов, у последних можно разглядеть кавказские черты.

Типичными атрибутами одежды хеттов были высокие ботинки с загнутыми вверх носками и остроконечная шапка. Такие же шапки встречаются на изображениях степных кочевников, как в персидском, так и в греко-скифском искусстве. Такие же шапки до сих пор носят монголы. Косички, которые носили хетты, опять-таки напоминают монгольские, но им можно также найти аналогии в сирийских и минойских прическах. Ни одна из этих особенностей не может считаться характерной только для ариев.

Та культура хеттов, которая нам известна по раскопкам в Богазкее, несомненно, испытала на себе влияние Вавилонии, но хетты не были просто слепыми подражателями. Так, например, они после 2400 года до н. э., подобно ассирийцам, не перестали строить каменные здания, перейдя только к использованию глиняных кирпичей, что характерно для вавилонской архитектуры. Стены зданий в Богазкее выполнены с применением циклопической кладки, и в этом смысле они больше всего напоминают акрополи Эгеиды. Мегалитические орфостаты ворот в Богазкее опять-таки находят явные аналогии в Трое, Тиринфе и Микенах. Сами ворота имеют двойной проход вавилонского типа, но при этом у них отсутствует фланкирующий бастион, который изобрели жившие к западу от них обитатели Трои II. Даже планы дворцов или храмов с их системой углубленных помещений, расположенных вокруг центрального двора, можно сравнить с дворцом в Кноссе (Крит). Однако без проведения специальных исследований мы не можем сказать, не являются ли эгейские параллели в Каппадокии общим малоазийским наследием, сохранившимся в этих двух областях.

Тем не менее очевидно, что контакты между Эгеидой и Каппадокией восходят к 3-му тысячелетию до н. э. Из Караджика, расположенного недалеко от Богазкея, происходят вазы с носиком типичной раннеминойской формы, а также глиняные печати, имеющие точные аналогии в Трое II и в Болгарии. Но подобные вазы известны также в

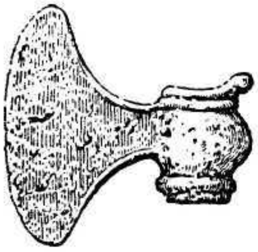

Рис. 3. Топор из Суз

Персии и (совместно с глиняными печатями каппадокийского типа и увенчанными спиралевидными завитками булавками Эгейского типа) на третьем поселении культуры Анау в Туркестане. Однако все эти находки предполагают скорее наличие торговых связей между отдаленными областями, а не миграции населения; направление миграции все еще вызывает сомнения, по всей видимости, оно синхронно доарийскому периоду в Капиадокии.

Для той эпохи и области, относительно которых мы можем быть полностью уверены в наличии арийского элемента среди хеттов, мы имеем только резные монументы. Их наиболее характерным оружием является боевой топор, который держит в руке бог Тешуб; аналогичные находки известны также в Эламе и в Закавказье, но этот тип является только усовершенствованной копией более древних месопотамских образцов. С другого бока у этого же самого божества висит меч, тип которого не известен ни в Вавилонии, ни в Египте (фото 1). Вероятно, он должен был иметь в длину до полуметра, и его лезвие выглядит настолько широким, что им можно было рубить, а не просто колоть, подобно всем более ранним мечам, известным на Востоке. Во 2-м тысячелетии до н. э. самые длинные мечи получили распространение в областях, прилегающих с востока к Эгейскому морю. Однако венчающая его рукоятка, которая представляет собой полукружие, больше всего напоминает центральноевропейские, а не эгейские образцы. Следует отметить, что меч с подобной ру- коякой и несомненными особенностями, присущими оружию, встречавшемуся в Скандинавии и в Дунайском реги- оне, был найден в Муши-Ери в Армении. Кроме того, пояс, который носит «амазонка» из Богазкея, поразительно напоминает по форме бронзовые пояса, находимые в могилах по обе стороны Кавказского хребта.

Другое оружие хеттов с изгибающимся лезвием находит аналогии в Трое. Хеттский щит опять-таки напоминает щит, который мы видим у микенской игрушки, представленной на рис. 8. Подобно касситам и митанийцам, хетты сража-

лись на колесницах, запряженных лошадьми. Это животное очень рано появляется на печатях из Каппадокии. Следует также отметить, что хетты первыми среди всех своих соседей уже с XIV века до н. э. начали использовать в производственных целях железо[1].

Несомненные признаки обозначают присутствие арийских элементов в Каппадокии и в Северной Сирии на протяжении 2-го тысячелетия до н. з., однако этого нельзя утверждать относительно некоторых других регионов, таких как Кавказ, Эгеида или же Средняя Азия. Арии в Каппадокии, точно так же как арии в Митанни, на протяжении некоторого времени остаются изолированными пришельцами, которые могли прибыть туда откуда угодно. Далее следует коснуться вопроса относительно более поздней истории ариев в надежде, что она поможет пролить некоторый свет на проблему их происхождения.

ВТОРЖЕНИЕ АРИЕВ В ИНДИЮ

В Палестине арийские имена полностью исчезают к 1000 году до н. э., и даже на территории Митанни от них остается едва заметный след. Здесь язык ариев поглотили различные семитские и малоазийские диалекты, а незначительная по численности арийская аристократия растворилась среди местного населения. Далее к востоку, на плоскогорьях Ирана и в Индии, арийские языки сохранились, и на них там разговаривают вплоть до сегодняшнего дня. Но письменные свидетельства фиксируют этот факт только с VI века до н. э. Самыми ранними из имеющихся в нашем распоряжении источников являются метрические гимны индийцев и иранцев, первоначально существовавшие в течение многих столетий в устной форме.

Язык индийцев ближе всего стоит к тому языку ариев, который был зафиксирован в документах из Митанни и

[1] В настоящее время точно установлено, что первыми выплавлять железо примерно в XIV в. до н. э. научились халибы, жившие в северо-восточной части Малой Азии. Именно от названия этого племени происходит латинское слово chalybus — «сталь». В русском языке о нем напоминают такие слова, как «калибр», «калибровка». *(Примеч. пер.)*

дошел до наших дней в гимнах Ригведы. Этот документ также содержит бесценные исторические свидетельства. Древнейшая из Вед представляет собой собрание метрических песнопений, всегда духовных, иногда являющих собой образцы истинной поэзии, реже торжественных и величественных. Наибольший интерес они представляют для изучения религиозных представлений ариев. Силы природы, боги неба и солнца, повелители бури и ветра, юные богини рассвета и небесные близнецы, священный огонь и священный хмельной напиток сома упоминаются во многих гимнах. Самым почитаемым из всех был грозный воинственный бог Индра, громовержец, созданный по подобию арийского вождя героического века. Находясь под действием сомы, он убивает дракона Вритру, или Ахи, освобождает похищенную корову света или дождя и спасает томящуюся в неволе богиню рассвета. Только между строк можно разглядеть образы обычных земных правителей, воплощением которых и является Индра, — щедрых к сказителям, способных покорить темнокожих дашьев (аборигенов), любителей крепких напитков, игры в кости и конских ристаний — одним словом, обладавших всеми характерными чертами, присущими и германским героям, описанным в северном эпосе. Их главным богатством были коровы и лошади, их средством передвижения была запряженная лошадьми колесница, оружием им служили лук, булава и копье. В древнейших гимнах также упоминаются и медные топоры, но только как орудия труда, а не как оружие. Храмы и города в них вообще не описаны, хотя укрепления (purah) иногда и упоминаются. Умерших обычно кремировали, а над зольным пятном насыпали курган.

В этих гимнах перед нами предстает молодая и энергичная раса, только что преодолевшая горы и овладевшая жаркими равнинами Северной Индии. С традиционной точки зрения, они все еще находятся в Пенджабе, хотя совсем недавно они вышли с территории нынешнего Афганистана. Реки, расположенные к западу от Инда, и район Гандхары все еще находятся в поле зрения их сказителей. Джамна (Джамуна) упоминается в Ригведе трижды, Ганг дважды, но это могут быть и более поздние вставки, часто упоминаемая в ней река Сарайя может быть Оксом (теперь Сыр-

Дарья). Южная часть Индии создателям Ригведы совершенно неизвестна. Соответственно предполагается, что центр арийской Индии в ведические времена находился в Пенджабе. По всей видимости, экспансия в восточном направлении началась позднее, во времена появления брахманов. Они представляют собой литургические и эпические тексты, составленные в основном в прозе, и, судя по их языковым особенностям, а также отраженным в них социальным и религиозным идеям, они были созданы спустя значительный промежуток времени после Ригведы. По отношению к Ведам они занимают такое же положение, как и Гесиод по отношению к Гомеру. Все они созданы еще до распространения буддизма и предшествуют завоеванию южной части Индии. Следовательно, Ригведа была создана вскоре после 1400 года до н. э., и вторжение ариев в Индию относится примерно к тому же времени.

Недавно вызов этой традиционной точке зрения был брошен сразу с двух сторон. Паргитер считает, что проникновение ариев в Индию началось задолго до составления ведических гимнов. Он с сожалением отмечает, что распространенное у европейцев представление основано преимущественно на традициях касты брахманов. Но существует и иная традиция, распространенная у касты кшатриев, или правителей. Именно к ней и обращается Паргитер, хотя он и признает, что дошедшие до нас версии относятся к позднему времени. Изучение генеалогий правителей привело упомянутого автора к заключению, что арии, отождествляемые им с народом айла, или лунной расой, вторглись в Индию скорее ближе к началу, чем к концу 2-го тысячелетия до н. э. и через центральную часть Гималаев, а не через Гиндукуш. По его мнению, их древнейший центр располагался в верховьях Джамны и Ганга, а занятие ими территории Пенджаба и создание Ригведы относится к более позднему периоду и связано с экспансией в западном направлении. Затем, следуя интерпретации Джакоби имен из Митанни, Паргитер предполагает, что эта же самая волна распространилась еще дальше на запад — в Месопотамию.

Если согласиться с подобной версией проникновения ариев в Индию, главная из затронутых в этой книге про-

блем приобретает совершенно иной аспект. Но с географической точки зрения переход через Гималаи предполагает значительные трудности, которые к тому же ощутимо усложнили бы контакты с иранцами. Кшатрийскую традицию, на которой вся эта теория основана, вряд ли можно считать достоверной. Традиционная точка зрения на самом деле основана не на жреческой традиции, воплощенной в эпических текстах, а скорее на анализе содержания самой Ригведы. Последний источник вызывает доверие, поскольку исторические и географические ссылки в гимнах встречаются только эпизодически и выглядят весьма достоверно; например, в Ригведе касты вообще не упоминаются, и жрец полностью зависит от великодушия своего правителя. Однако то же самое нельзя сказать относительно кшатрийской традиции, которая в письменном виде датируется временем (возможно, не ранее 200 года до н. э.), когда мифы создавались уже в течение многих столетий и призваны были обслуживать династические интересы. К ним требуется даже более осторожный подход, чем к рассказам о гомеровских героях, которые можно найти у поздних логографов и римских поэтов. Так что традиционная точка зрения все еще выглядит более убедительной.

Однако в последние годы она была оспорена и с другой стороны. Брюннхофер и некоторые другие исследователи утверждают, что местность, описанная в Ригведе, больше соответствует не реалиям Пенджаба, а скорее Афганистана или Ирана, и это мнение в последнее время было поддержано Хьюзингом. В таком случае проникновение ариев в Индию следует относить к гораздо более позднему времени, чем это обычно предполагается. Брюннхофер главным образом основывается на идентификации народов, упомянутых в Ригведе, с племенами, населявшими некогда территорию Афганистана, и упомянутых в надписях Дария или у более поздних греческих авторов[1]. Но его взгляды не получили широкой поддержки среди индологов. Некоторые из его отождествлений выглядят нелепыми с фонетической точки зрения, но часть из них на са-

[1] Таким образом, Pani = Πάρνοι, Sṛñjaya = Ζάραγγαι, Mṛdha = Μάρδοι, Ānava = 'Αναβων, χώρα ('Αρεια), Śiva = Σιβοι и т. д.

мом деле требует объяснения; упоминание в Ригведе о народе Parthava давно вызывает затруднения вследствие формальной идентичности слова с древнеперсидской формой названия Парфии, а отождествление с Parsu в качестве прилагательного, подобно иранскому произношению названия как Tirindira, делает перевод «персидский» очень соблазнительным. Кроме того, нет ни малейших сомнений относительно фонетического отождествления ведических названий Sarasvati с персидским Hara uvatis и Rasa со среднеперсидским Ranha.

Не вызывает сомнений и факт переноса названий рек, протекавших в Иране, на реки, протекавшие в Индии. Но большинство других рек, упомянутых в Ригведе, являются сугубо индийскими реками, которые носили те же самые названия и в более поздние времена[1]. Если мы вслед за Брюннхофером предположим, что все эти названия восходят к названиям жалких ручейков, протекавших на территории Сеистана, и были перенесены в Индию, это потребует даже гораздо большего пересмотра всей топографической номенклатуры, чем того требует ортодоксальная концепция. Это допускает признание формальной идентичности Sarasvati и Hara'uvatiš, но также и предполагает признание того факта, что индийцы ведических времен присвоили название ручейка, протекавшего к западу от Гиндукуша и некогда известного им и иранцам, главной реке их новой родины Инду (Sindhu как раз и означает «река»). То же самое можно предположить и относительно речушки, носящей ныне название Сарасвати, небольшого восточного притока Сатледжа, который теперь почти занесен песками.

Доля истины, лежащей в основе этой теории, заключается в реальности существования периода индоиранского единства, в пользу которого мы уже приводили ряд доказательств и который должным образом объясняет все только что отмеченные явления. Но этот же самый элемент истины мощно работает против теории Паргитера и подтверждает традиционную точку зрения. Он вполне мог бы принять курьезную теорию Дармштетера и считать всех веди-

[1] Kubhā = Kabul, Krumū = Kurrum, Gomati = Gomal, Śutudrī = Sutlej, Vipaś = Biyas, Parusnī = Ravi, Aśiknī = 'Ακεσίνης и т. д.

ческих богов, а также обряды, известные авторам Авесты, заимствованными от индийцев, которые, по его мнению, вышли из Пенджаба в XV столетии до н. э. Будет ли он также связывать заселение территории Ирана ариями с теми же самыми переселенцами? В этом случае он должен был бы принять довольно большую группу населения. Но у нас очень мало примеров, если таковые вообще имеются, таких крупномасштабных переселений из Индии; напротив, все народы в исторические времена как раз стремились переселиться в эту страну. В рассматриваемый период перед ариями открывалась перспектива колонизовать всю южную часть Индии. Почему тогда они должны были преодолевать горные перевалы Афганистана, чтобы затем блуждать по суровым плоскогорьям Ирана? Кроме того, общий для индоевропейских народов драконоборческий миф — Индра и Ахи в Ригведе или же Атар и Ази в Авесте — по всей вероятности, изначально появился в Месопотамии. Сосуществование индийцев и иранцев где-нибудь в пределах сферы вавилонского влияния объясняет появление арийской версии этого мифа по обе стороны Гиндукуша.

Серьезность этого свидетельства заставляет нас рассматривать период сосуществования индийцев и иранцев в рамках единой общности как доведический. В географическом плане эта общность могла занимать территории к западу от Гиндукуша. Признание этого факта подразумевает вторжение ариев в Индию с запада.

Археологические свидетельства, подтверждающие факт такого вторжения, имеют исключительную ценность. Но вплоть до 1924 года в северной части Индии не удавалось найти никаких памятников добуддийского периода, в то время как на юге, а также в Ассаме давно были известны каменные круги и мегалитические гробницы, содержащие кремированные останки и изделия из железа. Но эти районы были покорены ариями довольно поздно и до сих пор остаются не до конца арийскими. Поэтому этот материал не давал ответа на интересующий нас вопрос. Уже в наше время остатки совершенно новой культуры, уходящей корнями в эпоху энеолита, были выявлены в долине Инда, в Синдхе вблизи Ларкана, а также в дистрикте Монтгомери,

входящем в состав Пенджаба и расположенном как раз к северу от Сатледжа (Шутудри). Эти поразительные открытия, несомненно, свидетельствуют о связях с западными областями даже в столь отдаленную эпоху.

Обнаруженная здесь цивилизация, несомненно, существовала в течение долгого времени, поскольку на памятниках обнаружено несколько слоев разрушений. Некоторые материалы, вероятно наиболее ранние, обнаруживают явное сходство с ранними месопотамскими образцами: использование кирпичей при строительстве, погребение скорченных тел в выложенных кирпичом сводчатых гробницах, инкрустации раковинами, булавы и пестики — все это имеет ближайшие аналоги в ранних шумерских слоях на памятниках, располагавшихся в долине Тигра и Евфрата. Прекрасные печати, украшенные изображениями быков и единорогов, а также различных персонажей из легенд имеют точные шумерские аналогии, и, что не менее удивительно, там же обнаружены глиняные фигурки баранов и женские статуэтки. Наконец, расписная глиняная посуда из поселений в долине Инда через Белуджистан обнаруживает несомненные черты сходства с такой же керамикой Элама и Южной Месопотамии, а может быть, даже Сеистана и Заскаспия.

Таким образом, мы впервые имеем несомненное свидетельство связей между Индией и Западной Азией еще до 1-го тысячелетия до н. э., — очевидно, эти связи были очень древними, возможно, они развивались даже до повсеместного распространения цилиндрических печатей в Месопотамии, что произошло около 2800 года до н. э. Но в более поздний период в истории той цивилизации, которая существовала на территории Пенджаба, произошли существенные изменения: обряд кремации пришел на смену трупоположению.

Данному факту можно предложить три истолкования: культура Пенджаба принадлежала ариям, в определенный момент арии проникают на территорию давно существовавшей цивилизации, принеся с собой обряд кремации, — или же, наконец, арии просто уничтожили недавно обнаруженную культуру. Мы рассмотрим первый из упомянутых вариантов в одной из последующих глав, а пока ограничим-

ся некоторыми предварительными замечаниями. Наличие связей с Шумером и Эламом само по себе предполагает, что создатели этой цивилизации не были ариями, а находились в определенной степени родства с одним из доарийских народов, живших в Месопотамии. И на самом деле, доктор Холл отмечал, что в антропологическом плане дравиды Индии весьма напоминают шумеров Месопотамии, и на основании этого предположил, что таинственные шумеры прибыли из Индии. Несколько позднее доктор Хьюзинг обратил внимание на сходство между статуэтками раннебуддийского периода и аналогичными произведениями шумерских мастеров. Какие бы пути народы ни выбирали для миграций, наличие одного и того же этнического компонента в Индии и Месопотамии не вызывает сомнения, и именно им могли быть созданы родственные культуры.

Если это были шумеры, то тогда это не могли быть арии, хотя степень родства между двумя этносами все еще не установлена. Исторические шумеры не использовали расписную керамику, но представляется вполне вероятным, что они вытеснили или покорили более древний народ, который ее использовал; например, в Уре некоторые погребения, синхронные 1-й (шумерской) династии, нарушили более древние погребения, сопровождавшиеся расписными вазами. Но даже если цивилизация, получившая распространение в долинах Инда и Евфрата, принадлежала «прашумерам», все же маловероятно, что они были ариями. Кристиан выделял в произведениях изобразительного искусства, оставшихся от шумеров, два этнических типа, а также два компонента в их языке, ни один из которых не был индоевропейским, но мог принадлежать народу, использовавшему в быту расписную керамику. В этом смысле связывать новые находки с ариями не представляется возможным. Женские статуэтки не являются характерными исключительно для индоевропейцев, статуэтки такого же типа находили на юге Индии, точно так же как и в Пенджабе. С другой стороны, необходимо напомнить, что в гробнице под курганом вблизи Беллиаха (Бенгалия) находились, помимо кремированных костей и остатков деревянного сруба, еще и женские изображения на золотом листе. Археолог мог бы усмотреть в них богиню Притхиви (Земля),

которой, согласно погребальному гимну, входящему в состав Ригведы (X, 18), вверялись останки усопшего. От окончательных выводов следует, конечно, воздержаться вплоть до получения новых антропологических материалов и дешифровки надписей на печатях и медных брусках, найденных в Пенджабе.

К рассмотрению второго предположения можно будет приступить только после изучения стратиграфии вновь открытых памятников и только в том случае, если будет выявлено нарушение преемственности в развитии культуры в тот момент, когда среди ее носителей получает распространение обряд кремация или же по какой-либо иной причине. По всей видимости, в пользу последней гипотезы может свидетельствовать очевидный разрыв в преемственности в традициях искусства, письменности и в общем облике материальной культуры, который наблюдается между более ранней цивилизацией и той, которую создали арии в Индии. Но и в этом случае следует воздержаться от окончательных суждений вплоть до проведения дальнейших исследований, которые должны показать, полностью ли отсутствует преемственность между двумя культурами и нельзя ли перебросить между ними мостик. В любом случае именно в этом районе скрыт ключ к разгадке одной из самых интригующих проблем человеческой цивилизации. Вторжение ариев в Индию может быть установлено только по лингвистическим данным, а они плохо согласуются с археологическими материалами.

ИРАНЦЫ В 1-М ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

К западу от индийцев в 1-м тысячелетии до нашей эры жили иранцы. Как согласуются твердо установленные факты из их ранней истории с нашими сведениями о расселении ариев в Индии? Древнейшие памятники иранской литературы, гимны или гаты, приписываемые Зороастру (Заратуштре), занимают в некотором смысле промежуточное положение между индоиранцами в Митанни и индийцами ведического периода в Пенджабе. В Авесте многие из ведических и митаннийских божеств становятся демонами, в то время как

имя того божества, которому поклонялся Зороастр, — Ахура, в Ригведе в основном употребляется в значении «демон». В этой замене чувствуется влияние пророка Зороастра, который, возможно, был первым великим религиозным реформатором в истории человечества. Он обратил внимание на бога Варуну, который в Ригведе занимает подчиненное положение по отношению к воинственному Индре, сделал его верховным божеством, лишил его всех материальных атрибутов и наделил высшим величием, превратив в защитника космического порядка (Asa или Rta). Некоторые другие популярные божества периода индоиранского единства, такие как Митра, сохранились в зороастрийской религии, однако значение их сильно упало, и теперь они находились в зависимом положении по отношению к верховному божеству, воплощая собой некие абстрактные добродетели. Другие божества, такие как Наонхайтийа (Насатья) и Индра, оказались в числе божеств зла, с которыми добродетельный человек должен вести борьбу на стороне Ахурамазды, однако и они при этом стали воплощать некие абстракции. Таким образом, Зороастр преобразовал присущий ранее индоиранцам политеизм в духовный монотеизм, который больше не был просто племенным или присущим какому-либо одному этносу культом, а превратился в религию, выражавшую некие общечеловеческие ценности.

Таким образом, различия между религиозными представлениями индоевропейцев, которые можно проследить по документам из Митанни и по Ведам, с одной стороны, и на основании анализа Авесты — с другой, объясняются влиянием выдающейся личности; высказывалось даже предположение, что разделение индийцев и иранцев явилось результатом религиозного раскола. В любом случае территориальная близость иранцев и индийцев сомнений не вызывает, возможно, она стала результатом арийского завоевания Митанни в XV столетии до н. э. Вместе с тем ни время жизни пророка, ни те земли, в которых он проповедовал, точно определить невозможно. Обычно считается, что его родиной была Согдиана, Бактрия или Аррагозия (Hara uvatis) и его реформы предшествуют вступлению на престол Дария I. Холл и Джексон склонны признать его покровителем Вистаспа, или Гистаспа, отца Дария. Вместе с тем Эдуард Мейер, ссылаясь на

наличие у мидийцев имени Маздак, зафиксированного в ассирийских хрониках в VIII веке до н. э., полагает, что учение Зороастра уже существовало в это время. Концепция космического порядка (Asa) приобрела важное значение уже в XV веке до н. э., о чем свидетельствуют имена митаннийских и сирийских правителей, и это можно рассматривать в качестве свидетельства в пользу более ранней даты. Тот народ, среди которого проповедовал пророк, следует рассматривать как восточную ветвь иранцев.

Сведения о западноиранских соплеменниках авестийских ариев появляются в исторических документах не ранее VIII века до н. э. Первое достоверное свидетельство о мидийцах относится к тому времени, когда ассирийцы встретили их далеко на западе, вблизи озера Урмия. Но столица их государства, Экбатана, во главе которого стояла династия правителей с иранскими именами (Fravartis, Uvakhsathriya и т. д.), располагалась гораздо восточнее. Затем, в VII веке до н. э., персы, которыми правил Тейспес (Гиспис), утвердили собственную династию среди эламитских аншанитов, проживавших к востоку от Суз, чтобы двинуться отсюда на запад при царе Кире сто лет спустя. Эти народы принято считать западными иранцами. Их появление на страницах истории, сначала в области озера Урмия, следует считать простой случайностью, явившейся следствием агрессивных действий Ассирии и, соответственно, географических познаний ассирийцев. Как свидетельствуют самые ранние ассирийские анналы, самые западные части нагорья к северу от Месопотамии были заняты неиндоевропейскими малоазийскими народами, родственными основной части населения Митанни эпохи, нашедшей отражение в папирусах из архива в Телль-эль-Амарне (Египет), тогда как собственно иранцы вообще не упоминаются в клинописных текстах. Это неиндоевропейское население оставило после себя так называемые надписи из Вани (Армения). В этническом плане оно больше всего напоминало малоазийские или хеттские типы, изображенные на барельефах из Телль-эль-Халафа.

Тем не менее Хьюзинг, который размещает упоминаемую в Авесте Airyanam vaejanh («родина ариев») в Армении, утверждает, что иранцы появились на территории Ирана только в 1-м тысячелетии до н. э., а до этого они прожи-

вали совместно с индийцами к северу от Кавказа. По всей видимости, ответ на это утверждение можно найти при анализе самых ранних частей Авесты и сопоставлении их с документами из Митанни. Сходство в том и в другом случае можно объяснить, только если принять гипотезу о переселении части населения из района озера Урмия в Пенджаб; его религиозные верования послужили основой для реформ Заратуштры. Отмеченное выше единство должно было все еще существовать во времена этого пророка, а не исчезнуть, как полагает Хьюзинг, примерно в середине 2-го тысячелетия до н. э,, когда индийцы должны были пересечь Кавказский хребет. К тому же митаннийские и сирийские имена с основой на Arta- имели, как мы уже отмечали, явно иранскую огласовку уже в XV столетии до н. э.

Помимо всего сказанного о присутствии иранцев к югу от Кавказа к 1000 году до н. э., есть ли у нас хоть какие-нибудь доказательства обитания иранцев к северу от этих гор в более раннее время? В VIII веке до н. э. народ, который ассирийцы назвали аргузай (Azguzai), а греки — скифами, пересек Кавказ, чтобы вторгнуться в Месопотамию. Многие исследователи считают, что скифы были иранцами. Данные лингвистики, которые ограничиваются несколькими именами собственными, в основном более позднего времени, являются не очень убедительными. Однако археологам этот народ хорошо известен. Без всякого сомнения, скифское искусство испытало на себе сильное иранское влияние, но нельзя сказать, что оно сформировалось под влиянием искусства какого-нибудь определенного иранского народа, например персов, — оно имеет свою собственную уникальную индивидуальность. Опять-таки иранец, представленный на золотой пластинке из Окского клада (фото 2, Б), одет в скифский костюм. Решающее значение для этнической идентификации скифов приобретает изучение их погребального обряда. Он сильно отличается от того обряда, который был присущ иранцам или индийцам, как, впрочем, и любому другому индоевропейскому народу. В гробницу вождя помещались убитые жены и слуги, а вокруг погребальной камеры устанавливались насаженные на кол чучела лошадей. Эти обычаи описаны Геродотом, их следы найдены при раскопках многих курганов, но они

совершенно неарийские. Они находят точные соответствия у кочевников Монголии, которых никак нельзя отнести к ариям, причем они существуют у них на протяжении многих веков, как было показано Миннзом. Он считает скифов монголоидными предшественниками гуннов, татар и печенегов, и это не вызывает сомнения.

Профессор Ростовцев, который являлся последним сторонником иранской гипотезы происхождения скифов, сам же и породил сомнения в этом[1]. Он убедительно доказал отличие сарматов, которые, без всякого сомнения, были иранцами, от их предшественников скифов. В могилах сарматов не встречается ни массовых захоронений лошадей, ни убитых женщин и слуг, их погребальный обряд был более простым, хотя погребальный инвентарь при этом был грраздо богаче. Их погребальный обряд находит аналоги и у других индоевропейских народов. Присущие им гробницы нового типа раньше всего появляются в восточной части России, в Оренбургской области, в V веке до н. э. и оттуда постепенно распространяются на запад, в глубь территории скифов — в Крым во II столетии н. э. и в Подунавье примерно к 50 году н. э. После того как стало ясным отличие сарматов от скифов, исчезли реальные основания считать последних иранцами. Стало понятно, откуда у них появились иранские имена в римское время, а также иранские слова в языке современных осетин.

Точно так же и попытка Хьюзинга доказать европейское происхождение скифов выглядит совершенно неуместной. Самые ранние скифские погребения первоначально появляются в степях между Кубанью и Днепром. Материалы VIII—V веков до н. э., находимые к западу от Днепра, весьма отличаются от скифских и обнаруживают несомненные черты сходства с галльштатской культурой, получившей распространение в Центральной Европе. Только с VI века до н. э. погребальные обряды и отдельные предметы, более характерные для восточных областей, начинают проникать в западную часть России и становятся обычны-

[1] В настоящее время иранское происхождение скифов признано всеми исследователями и не вызывает никаких сомнений. (*Примеч. пер.*)

ми там только два столетия спустя. На самом деле имеются археологические свидетельства проникновения скифов в Болгарию, Венгрию и восточную часть Германии, но там они были только захватчиками, пришедшими с востока.

Таким образом, если вопрос со скифами счастливо разрешился, то все еще остаются киммерийцы, также претендующие на иранское происхождение. Предположительно во время Гомера этот народ жил на северных берегах Черного моря, и его имя сохранилось в названии существовавшего там античного государства — Боспор Киммерийский. Однако если сопоставить рассказ Геродота с данными ассирийских источников, то выясняется, что скифы выдавили некоторую часть киммерийцев в юго-восточном направлении, в Закавказье, где они появляются под названием Gimiri. Некоторое время они обитали к северу от государства Урарту. В это же самое время другая их часть, смешавшись с фракийским племенем матреров, вторглась в Малую Азию с запада. Таким образом, чтобы смешаться с племенами юга России, монгольским захватчикам необходимо было проникнуть далеко на север, в Оренбургский край, где впервые появляются сарматы, но не было никакой необходимости проникать далеко на запад. В настоящее время единственным основанием для иранской атрибуции киммерийцев является только имя их вождя Сандакхашатра. Без всякого сомнения, оно является иранским, хотя имя его отца — Тугдамми или же Лигдамис, как его называет Страбон, — отнюдь не арийское. Но это имя появляется у них только после того, как киммерийцы уже в течение некоторого времени проживали на территории Армении, и это слишком слабое доказательство пребывания иранцев на северных берегах Черного моря в столь раннее время. Я склонен согласиться с точкой зрения профессора Ростовцева, что киммерийцы были одним из индоевропейских народов, но родственным фракийцам[1].

[1] В свете последних данных иранское происхождение киммерийцев, точно так же как и их связь с Северным Причерноморьем, отрицается большинством исследователей. Обращает на себя внимание их самоназвание Gimiri. Близкие по созвучию названия засвидетельствованы в северной части Малой Азии, в Армении и на Северном Кавказе, прежде всего в Дагестане. По всей видимости, именно там и обитали исторические киммерийцы. *(Примеч. пер.)*

Таким образом, у нас нет достоверных свидетельств пребывания иранцев на территории Европы ранее 600 года до н. э. Скифы, по всей видимости, были монголами, а киммерийцы — фракийцами. Первыми иранцами, появившимися на нашем континенте, были сарматы, которые пришли туда с востока, — это показывает, как прочно иранский язык и культура распространились уже в первой половине 1-го тысячелетия до н. э. в Средней Азии. Судя по сообщениям ассирийских хроник, в Азии иранцы первоначально появляются на северо-восточных границах их государства, но при таких обстоятельствах, которые позволяют предполагать, что иранцы контролировали значительные районы не на севере, а на востоке. Поэтому утверждение, что эта часть ариев заняла горные местности Ирана еще до 1000 года до н. э., в качестве рабочей гипотезы имеет право на существование.

Археологам не удается выделить самые ранние следы материальной культуры иранских народов из общего комплекса ассирийской и вавилонской культур. Раскопки древнейших мидийских и персидских городов, таких как Экбатана или Рагае, должны дать исключительно важные результаты. Уже сейчас мы можем проследить наличие связей между Ираном и Западом, уходящих в глубь времен вплоть до 3-го тысячелетия до н. э. В качестве примера можно привести воронковидный кувшин раннеминойского типа, найденный в Персии, который теперь хранится в Лувре. Подобный кувшин был найден и на одном из поселений культуры Анау (Туркестан), расположенном немного севернее. На этом же самом поселении обнаружены булавки со спиралевидными головками, а также глиняные печати, которые имеют ближайшие аналогии в Трое, располагавшейся на берегах Геллеспонта. Но мы все еще не можем точно сказать, следует ли рассматривать эти находки как следствие прямых контактов, или же в том и в другом случае они появились под влиянием шумерской культуры; серп из того же самого хронологического горизонта в Анау, который уже давно был известен в Трое, как показали раскопки в Кише, был месопотамского типа.

В исторические времена мидийцы и персы славились как верховые наездники; индийцы времен создания Вед предпочитали запрягать лошадей в колесницы и только в

исключительных случаях ездили верхом. Иранцы носили штаны, индийцы ведических времен — нет. Эти изменения в обычаях должны были последовать за распадом индоиранского единства. Что же касается погребального обряда, то после реформ Заратуштры умерших принято было помещать в так называемые «башни молчания», которые существуют в Персии и по сей день; делалось это для того, чтобы не осквернять священную Землю и Огонь, помещать в них трупы и кремировать останки запрещалось. Но цари из династии Ахеменидов были погребены в вырубленных в скале гробницах, а тот факт, что в Авесте говорится о запрещении кремации, доказывает, что подобный обряд все-таки существовал в Древнем Иране.

Этнический тип древних персов, представленный изображениями правителей из династии Ахеменидов, легко позволяет отличить их от хеттов, семитов или эламитов; их характерными особенностями являются приподнятые брови и узкий нос (фото 2, А). Только антропологическое обследование черепов может показать, имеем мы дело с северным или евроафриканским типом. Основные длинноголовые народы, населяющие Иран сегодня, принадлежат именно к последней расе. Однако наличие вплоть до сегодняшнего дня среди курдов, а также среди части населения, проживающего в районе Персеполя, блондинов является неоспоримым фактом. В свою очередь, китайские историки сообщают о голубоглазых людях, живших в Восточном Туркестане около 100 года до н. э. По всей видимости, иранцам удалось достичь бассейна Тарима еще до начала нашей эры. То обстоятельство, что они смогли преодолеть такие огромные расстояния, заставляет предполагать, что они вели полукочевой образ жизни. Хотя в гатах Зороастра, где зарисовки сельской жизни представлены в изобилии, главным достоинством ария считается занятие земледелием, а кочевники проклинаются, как грабители из Турана. Следует, конечно, помнить, что существование империи Ахеменидов и наличие у нее мощной армии привело к иранизации множества народов, проживавших на ее обширной территории.

Теперь мы можем сделать вывод, что индоиранские народы, появившиеся на северо-восточной границе Месопотамии совместно с касситами около 1900 года до н. э., были всего

лишь авангардом индоевропейцев. Их западная ветвь достигла Митанни еще до 1500 года до н. э., а восточная ветвь примерно в это же самое время — Индии. Можно предположить, что простиравшаяся между ними горная местность была занята народом, который тысячу лет спустя стал известен как иранцы, выделившись из первоначальной индоиранской общности, смешавшись с неиндоевропейскими малоазийскими и туранскими племенами. Как и откуда основная масса индоиранцев попала в эту область, до сих пор не ясно; для этого у нас слишком мало данных. Этот вопрос все еще ждет своего рассмотрения.

Глава 3

РАССЕЛЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ В БАССЕЙНЕ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ

ЭЛЛИНЫ И ЖИТЕЛИ ЭГЕИДЫ

Следующей областью земного шара, на которую нам хотелось бы обратить внимание, является бассейн Средиземного моря. У нас есть основания полагать, что на этих землях, занятых в классические времена индоевропейским населением, ранее обитали неиндоевропейские племена. Об этом свидетельствуют топонимы, немногочисленные надписи, а также историческая традиция. Однако письменная традиция в этой области появляется слишком поздно. В этой связи наибольшую ценность приобретают данные археологии.

В бассейне Эгейского моря ранний период истории можно изучать на основании исключительно богатых и обильных археологических находок. Но в наших сведениях есть один пробел. Нам прекрасно известна греческая цивилизация, уходящая корнями в эпоху раннего железного века или же геометрического периода. Ей предшествуют «темные века», при изучении которых даже данные археологии мало чем могут помочь, а на другой стороне этой пропасти во всем своем блеске возвышается микенская цивилизация, которая процветала между 1600 и 1200 годами до н. э. Своими корнями она уходит еще в 4-е тысячелетие, и искать их надо, с одной стороны, на Крите, а с другой — в ряде местных культур, существовавших в материковой Греции. Анализ топонимов свидетельствует о присутствии неиндоевропейских народов на берегах Эгейского моря. Для нас основной вопрос заключается в следующем: проник ли индоевропейский элемент (будем называть его эллинами)

в этот район только в течение «темных веков» или же эллины жили на территории Греции еще в микенский или даже домикенский период? Я не претендую на то, что в рамках данного исследования смогу дать исчерпывающие ответы на все эти вопросы или же подробно их рассмотреть, объем книги позволяет мне ограничиться только самым общим обзором состояния проблемы.

Если мы обратимся к греческой традиции, то обнаружим, что у эллинов сохранились воспоминания о значительных передвижениях населения в этом районе. Так, дриопы пришли в Арголиду из Центральной Греции; фессалы выдвинулись из Эпира, «чтобы заселять эолийскую землю» Фессалии; элеаны переселились из Этолии в западную часть Пелопоннеса; хорошо всем известные дорийцы, некогда обитавшие в районе горной гряды Пинд, расположенной на территории Македонии, захватили Беотию, Лаконию, Арголиду и остров Крит. Но с одной стороны, сами греки никогда не считали, что эти народы переселились в южную часть Балканского полуострова откуда-то издалека; Македония была самой крайней точкой, о которой упоминает традиция. Наряду с этим сами греки считали, что те народы, которых эти переселенцы завоевали, были греками; однако вплоть до дорийского завоевания здесь жило не только индоевропейское население — его часто называют автохтонным. Дошедшая до нас неопределенная фраза о «сыновьях Эллады, призванных помочь государствам» не имеет никакого отношения к процессу заселения эллинами этой территории, а относится только к дорийцам. Все другие греческие племена, возможно, были здесь исконными обитателями.

Лингвистические данные лишь частично согласуются с исторической традицией; на основании их анализа в греческом языке выявляются по крайней мере две разнородные страты. Греческий язык делится на четыре главных диалекта: эолийский, аттическо-ионийский, кипро-аркадский и дорийский. Все эти диалекты взросли на одной и той же почве. Даже если они и не возникли на основе единого греческого языка, то во всяком случае они настолько близки друг другу, что должны были дифференцироваться

друг от друга на строго ограниченной территории. Например, было бы неверным утверждать, что дорийский диалект должен был развиться где-нибудь в долине Дуная, а на ионийском диалекте говорили в Аттике еще за тысячу лет до этого. По всей видимости, распространение диалектов отражает проникновение дорийского диалекта в области, ранее занятые другими диалектами. Аркадия, население которой говорило на своем собственном диалекте, представляла собой подобие острова внутри Пелепоннеса, оказавшись отрезанной морем дорийских диалектов от родственного в языковом плане населения Кипра. В западной части Фессалии дорийские элементы наслоились на более древнюю эолийскую основу. В Центральной Греции дорийские диалекты, на которых разговаривали в Ахее, Фокиде и в земле локров, вклинились между эолийскими диалектами Беотии и Восточной Фессалии. Хотя, возможно, эолийский диалект в последнюю из упомянутых областей проник вместе с переселенцами из Арне в Фессалии, изгнанных дорийским племенем фессалов.

Согласно наиболее популярной гипотезе, проникновение дорийского диалекта в восточную часть полуострова связано с переселением туда дорийских племен дриопов и фессалов. Но на самом деле все может оказаться гораздо сложнее. Р. Мейстер предлагает признать в качестве свидетельства распространения дорийского диалекта не общие признаки, характерные для всех западногреческих диалектов, а лишь некоторые особенности, над которыми насмехались аттические трагики. Если согласиться с теорией Мейстера, то из этого следует, что проникновение западногреческих диалектов, которое отрезало жителей Аркадии от их родственников на Кипре, началось еще до вторжения сюда дорийцев; автор даже периэков Лаконии, которые не были дорийцами, рассматривает в качестве носителей западногреческих диалектов. Так что нам придется считаться с вероятностью того, что переселение западногреческих племен происходило в два этапа. В любом случае мы столкнемся с очевидными трудностями, если предположим, что в течение «темных веков» сначала произошла эллинизация Кипра и Аркадии, Аттики, Беотии и Восточной Фессалии, а затем произошло завоевание или изоляция этих территорий вследствие последующих вторжений из Западной Греции.

А что было до вторжения дорийцев? Ему предшествовал так называемый героический век, описанный в поэмах Гомера и в более поздних легендах, в которых он предстает во всем блеске и великолепии. Предыдущие исследователи сделали немало, чтобы поднять кредит доверия к трудам Гомера и доказать, что они содержат ценную историческую информацию. Археологи открыли нам все великолепие эпических цитаделей; Т.В. Аллен доказал, что в гомеровском «каталоге кораблей» отражена ситуация, которая не имеет ничего общего с политическими пристрастиями более позднего времени, но точно отражает ситуацию, существовавшую в Греции еще до дорийского вторжения. Как только египетские и хеттские источники должным образом будут изучены, народы и отдельные персонажи, упомянутые в героических мифах, обретут черты исторической реальности.

Однако интерпретация этих источников и их сопоставление с результатами археологических раскопок все еще представляет известные трудности. Гомер описывает тот период в истории Греции, когда в большинстве государств правили «ахейские» династии. Первый вопрос заключается в следующем: были ли эти ахейцы, которые возглавили военную экспедицию против Трои, эллинами? Сами греки полагали, что именно так оно и было; Гомер и более поздняя традиция описывают их как почитателей индоевропейского божества — Зевса. Их образ жизни весьма напоминает тот, который, судя по Ригведе. вели индийские правители или же, судя по эпосу северных народов, вожди германских племен. Вместе с тем их имена — Одиссей, Ахилл, Пелопс — лишь с большим трудом, с помощью немыслимой фонетической эквилибристики, можно отнести к числу индоевропейских. Более поздняя традиция с немыслимым единодушием приписывала Пелопидам, Данаидам и прочим аристократическим греческим родам малоазийское происхождение, именуя их фригийцами, лидийцами или ликийцами. В других случаях, как кажется, их истоки следует искать на юге, на минойском Крите, где возникла великолепная цивилизация средиземноморского типа, уходящая корнями еще в 4-е тысячелетие до н. э.

Сэр Артур Эванс уже давно высказал идею относительно возможности существования минойского эпоса, записанного минойским письмом и, скорее всего, на негреческом языке. Для того чтобы объяснять наличие минойских сюжетов в греческих мифах, он предположил, что Гомер мог включить некоторые эпизоды из минойского эпоса в свои произведения. Недавнее открытие эпизодов героического мифа, запечатленных на минойско-микенских кольцах с печаткой, может служить подтверждением его слов. Аллен пошел еще дальше, утверждая, что некоторые эпизоды так называемой «героической хроники» были доработаны Гомером, который, как он считает, жил на острове Хиос, а ее другая версия сохранилась в легендарной традиции Крита. Возможно, что она также была составлена на минойском языке и записана минойским письмом. Нет ничего невероятного в том, что греческие завоеватели могли воспринять не только культы своих предшественников, но также и названия, которые они встретили на вновь занятых землях. Вполне возможно, что догреческое население было ассимилировано ими и более поздняя традиция повествует о негреческих героях, которые, впрочем, ничем не отличаются от самих греков, прибывающих к ним из Азии или с Крита. Между 1600 и 1450 годами до н. э. минойская цивилизация распространяла свое влияние с юга на север. Появление больших царских гробниц служит надежным показателем появления династий местных правителей, предки которых, вероятно, жили на Крите, у более отсталого населения материковой Греции.

Вполне вероятно, что при решении этого вопроса большую помощь могут оказать хеттские анналы. Если упоминаемый в них Тавагалавас, правивший в области Аххиява около 1325 года до н. э., на самом деле носил греческое имя Этеокл, то отпадут всякие сомнения относительно присутствия эллинов (которые, как известно, были индоевропейцами) в бассейне Эгейского моря или в непосредственной близости от него в XIV веке. Индоевропейская принадлежность имени последнего не вызывает никаких возражений. Еще приблизительно столетие спустя в документах появляются упоминания об Алакшандуше, то есть об Александре, а это имя, безусловно, греческое.

Но признание того факта, что ахейцы Гомера были на самом деле греками, ставит перед нами следующий вопрос. Говорили ли они на восточногреческих диалектах — кипро-аркадском, ионийском и эолийском — или же на неком праязыке, от которого произошли эти три диалекта, или же они говорили на одном из западногреческих диалектов? В первом случае их вполне можно было бы считать первыми эллинами, а во втором — их можно было бы считать теми, кто способствовал изоляции жителей Аркадии, и, таким образом, в основе греческого языка лежат аркадский, аттический и эолийский диалекты, а теория Мейстера должна быть признана несостоятельной. Первая из упомянутых гипотез кажется более правдоподобной. Кипро-аркадские элементы ясно различимы во многих областях, в которых Гомер или хеттские источники отмечают присутствие ахейцев, — например, Крит или Памфилия. Вместе с тем западногреческие элементы там отсутствуют. Опять-таки кипро-аркадские слова ясно различимы в языке, присущем греческому эпосу.

С другой стороны, Чадвик отмечал, что ахейские диалекты испытали на себе сильнейшее влияние диалектов Западной Греции и что жители именно этих областей с полным правом могли бы считаться потомками ахейцев времен Гомера, если бы до нас не дошли сведения, что эти районы испытали на себе сильное дорийское влияние. Тем не менее в разных частях ахейского мира — в Арголиде, Мессении, на острове Кос, в городе Калимна на Родосе — в античное время говорили на различных западногреческих диалектах, и во всех этих случаях у нас нет оснований полагать, что эти районы были заняты дорийцами. Вероятно, что во взглядах Чадвика есть рациональное зерно.

Наконец, были ли эти ахейцы аборигенами или же пришельцами? Насколько нам известны их династические списки, они, вне всякого сомнения, были здесь пришельцами; их правители могли указать своих предков не далее четвертого поколения; далее они, как писал Геродот, «возводили свой род к богу». Кроме того, часто говорится о том, что они лишь недавно заняли трон, когда их представитель женился на дочери прежнего правителя. Чадвик очень точно сравнил эти и другие явления, присущие героическому веку Эллады, с формированием германских

королевств на руинах Римской империи. Контакты с римской цивилизацией способствовали не только разложению варварского общества, но и появлению военных вождей, чей личный статус и менталитет мало чем отличались от тех, которые были присущи Агамемнону или Ахиллу. Наряду с этим во время службы в римских легионах варвары приобрели такой опыт, что смогли захватить владения своих прежних хозяев почти без сопротивления. Менее вероятным представляется гипотеза, согласно которой ахейцы были культурными героями, священными правителями, которые, как предполагает сэр Джеймс Фрейзер, придерживались обычая экзогамии и поэтому вынуждены были искать себе новые царства.

Но признание того факта, что ахейские правители были в Эгеиде пришельцами, не решает вопроса об их происхождении, который все еще далек от ясности. Некоторые из них, как мы уже отмечали, прибыли из Азии; другие, среди которых можно выделить отца Ахилла Пелея, правившего во Фтии, прибыли с юга, в данном случае с острова Эгины; у Диомеда, правившего в Аргосе, предки были родом из Этолии; Атрей прибыл в Микены непосредственно из Пизатиса, располагавшегося на западном побережье Пелопоннеса; эолийские правители Пилоса в Трифилии произошли из Фессалии.

Новые свидетельства по интересующему нас поводу были недавно получены из совершенно неожиданного источника, но они скорее усложняют, чем способствуют разрешению ахейской проблемы. В письме хеттского царя Мурсилиса упоминается некий Антаравас, о котором говорится, что он был правителем областей Аххиява (Ахея) и La.az.ba (Лесбос?). Другой правитель Аххиявы, который, возможно, был сыном только что упомянутого правителя, носил имя Тавагалавас и прозвище Ayavalaas (Эолийский?). Доктор Форрер склонен отождествлять этих двух правителей XIV века до н. э. с Андреем и Этеоклом, которые считаются основателями минийской династии, правившей в Орхомене. Спустя почти столетие некий Аттарашшияс, правитель Аххиявы, опустошает побережье Карии и Кипра и становится союзником царя хеттов. Он и его помощник получают титул Kurivanies. В этом правителе немецкий

дешифровщик[1] мог бы признать Атрея, отца Агамемнона. Алакшандуш из Вилусы несколько ранее упоминается в договоре другого хеттского правителя, Мутталиса (1310—1290 годы до н. э.). Название племени ахейцев уже давно было выделено доктором Х.Р. Холлом среди так называемых «народов моря», которые напали на Египет во времена правления фараона Мернептаха, около 1230 года до н. э. Несколько позже Аутран предположил, что ахейцы скрываются в Библии под именем гивитов.

Необходимо отметить, что все эти народы и правители, упомянутые в хеттских надписях, вне всякого сомнения, связаны с Малой Азией. С точки зрения правителей Богазкея, владения ахейцев, по всей видимости, должны были располагаться в Памфилии. Однако доктор Форрер отмечает, что их правители считались весьма важными фигурами, равными по положению египетским фараонам, а также правителям Ассирии и Вавилонии, и заключает, что Памфилия была только восточной окраиной их огромной страны, основная территория которой располагалась в Греции. Профессор Сэйс сомневается в справедливости подобного вывода, и скептически относится к предложенным отождествлениям Андрея, Этеокла и Атрея, хотя и не отрицает упоминания в хеттских источниках этнонимов «ахейский» и «эолийский». Поэтому у нас есть основания утверждать, что эти ахейцы были либо азиатским народом, собиравшимся завоевать Грецию, либо же изгнанным оттуда, возможно дорийцами. Так что точка зрения доктора Форрера о наличии эолийских правителей у ахейцев за более чем сто лет до начала Троянской войны может быть подвергнута сомнению. Однако, несмотря на все сомнения, эти потрясающие открытия в целом свидетельствуют в пользу того, что греческие династии правили в Греции уже в XIII столетии до н. э., то есть до прихода туда дорийцев. Пока согласимся с подобным утверждением, однако только в самых общих чертах, поскольку оно противоречит исторической традиции, на основании которой принято интерпретировать археологические материалы.

[1] Имеется в виду Фридрих Грозный, расшифровавший в годы Первой мировой войны хеттскую клинопись, который на самом деле был не немцем, а чехом. (*Примеч. пер.*)

Хотелось бы начать с дорийцев, которые занимают важнейшее место в греческой традиции.

Не вызывает сомнения, что их вторжение имело катастрофические последствия, однако проследить его по данным археологии крайне сложно. Несмотря на очевидный контраст между микенской культурой и культурой геометрического периода, которые разделяют «темные века», последовавшие за их вторжением, при более внимательном взгляде выясняется, что культура Греции архаического и классического периодов немало унаследовала от микенской культуры. Более того, многие черты культуры железного века Эллады находят немало аналогий в Азии (Кипр, Северная Сирия и Палестина), и, хотя бы отчасти, это находит свое объяснение в том, что в их основе лежали общие культурные традиции. Но традиция заставляет нас обратить свой взор к северу, чтобы попытаться выявить те черты материальной культуры, которые можно связать с дорийцами. В последнее время в Спарте, которая была важнейшим дорийским центром в античное время, Кассону удалось выявить некоторые предметы, которые имеют к данной теме непосредственное отношение. Среди них можно упомянуть броши или фибулы в форме двойных спиралей, которые обычно называют очковидными фибулами (рис. 8, 9). Вместе с ними обычно находят забавные игрушки в виде лошадок или птичек, изготовленные из бронзы или глины. На основании находок этих брошей Кассон смог проследить пути расселения дорийцев, которых античные авторы связывали с Македонией.

В долине реки Вардар и далее на запад, в сторону озера Острове, этот же самый автор выделил культуру раннего железного века, точная датировка которой до конца еще не ясна, однако там также обнаружены фибулы и изделия из бронзы только что отмеченных типов, причем совместно с расписной геометрической керамикой. Кассон придерживается традиционной точки зрения, когда связывает выявленные памятники с протодорийцами; он также обращает свой взор дальше на север, пытаясь связать с ними гальштатские и догалльштатские культуры Иллирии и долины Дуная. Возможно, очковидные броши и на самом деле происходят из той области, точно так же как и неко-

торые типы керамики с территории Македонии имеют явные иллирийские аналогии, среди которых можно выделить вазы с ручками. Тем не менее, хотя факт вторжения в Грецию из Центральной Европы нельзя считать доказанным, подобную вероятность все-таки не следует сбрасывать со счетов.

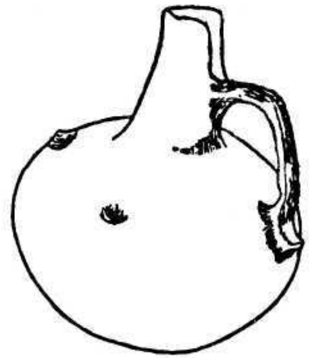

Рис. 4. Кувшин раннего железного века

Ни в Македонии, ни далее к югу мы не находим свидетельств переселения туда носителей культур галльштатского или близкого им времени с территории Иллирии или Подунавья. Керамику раннего железного века из долины Вардара нельзя считать типично галльштатской или же связать ее с какой-нибудь другой археологической культурой Центральной Европы этого времени; напротив, по своим типологическим особенностям она уходит корнями в местную балканскую традицию, которая некогда широко распространилась по долине Дуная, Иллирии и даже Северной Италии, прочно утвердившись на юго-западе Балканского полуострова к 2000 году до н. э. Формы ваз, кувшинов со срезанными горлышками (рис. 4), кубков с высокими ручками и даже фантастические типы ручек, которые считаются типично иллирийскими, восходят к прототипам, которые бытовали в Фессалии еще в конце 3-го тысячелетия до н. э. (в третьем «домикенском» периоде, синхронном раннеэлладскому периоду). Орнаментация сосудов, которая весьма отличается от той, что была характерна для галльштатской традиции, восходит к сосудам так называемого микенского типа в Фессалии (рис. 6, 5). Оттуда же, по всей видимости, она попала и в долину Вардара. Наличие культурных контактов могло бы объяснить и находки в том и в другом районе бронзовых статуэток.

Исходя из всего сказанного, я склонен рассматривать культуру раннего железного века Македонии в качестве местного варианта более древней культуры Южных Балкан,

которая заимствовала некоторые элементы у своих центральноевропейских соседей. Дорийцы входили в число создателей этой цивилизации и перенесли во время своего переселения присущие ей традиции на юг. Возможно, что с исконных мест обитания их вытеснили иллирийские и кельтские племена, жившие к северу и западу от них.

Ахейская проблема до сих пор остается крайне запутанной. Ее решение все еще зависит от нашего подхода к поэмам Гомера. С одной стороны, политическая география и цивилизация ахейского периода в том виде, как они описаны у Гомера, больше всего соответствуют реалиям микенского периода. В качестве родных мест своих героев Гомер называет важнейшие центры микенского периода, которые впоследствии утратили свое значение. Богатства Микен и Пилоса, в котором правил Нестор, описанные Гомером, были неоспоримой реальностью в XVI и XV столетиях до н. э. Кроме того, микенская цивилизация распространяла свое влияние вплоть до тех областей на севере, где, согласно традиции, жили некоторые ахейские правители. И не только это. Есть археологические свидетельства в пользу того, что в Микенах правили две династии — более древняя, представители которой погребены в знаменитых шахтных гробницах, и более молодая, представители которой сооружали величественные ульевидные гробницы. Именно в годы их правления микенская цивилизация достигает своего наивысшего могущества и богатства. Легендарная традиция также говорит о двух династиях, правивших некогда в Микенах, — Персеидах и Пелопидах! Таким образом, легендарные персонажи героического века обретают плоть и кровь и предстают перед нами как культурные герои, которые принесли свет цивилизации на землю Эллады, заселенную варварскими народами. Стоит ли сомневаться в словах Т. Аллена, который писал: «безымянные» микенцы были ахейцами»?

С другой стороны, бросается в глаза хронологический разрыв между ахейским и микенским периодами, и, по мере дальнейших исследований, он становится все более явным. Микенская цивилизация достигла своего наивысшего могущества около 1400 года до н. э., а самое раннее упоминание об ахейцах относится к концу XIV столетия, и, если Форрер прав, Атрей правил еще на сто лет позже.

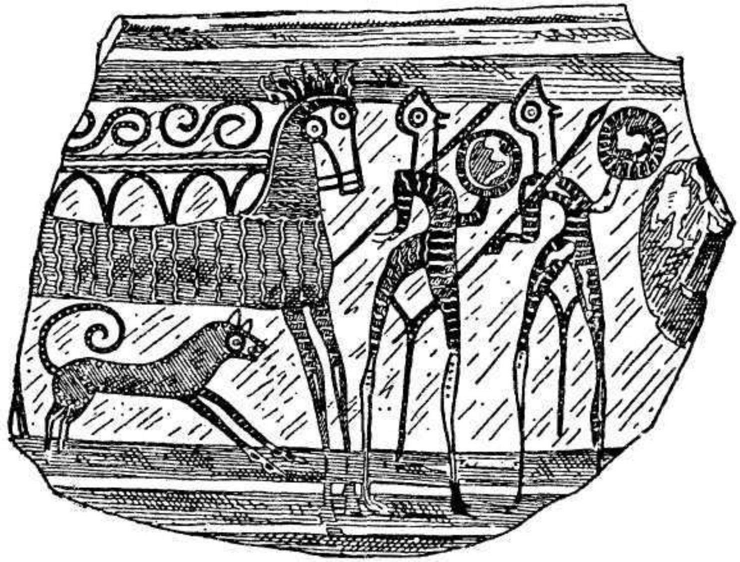

Рис. 5. Ахейский черепок микенского периода, изделие из Тиринфа

Дело также в том, что известные нам микенские центры не полностью совпадают с ахейскими центрами, упомянутыми Гомером в так называемом «Каталоге кораблей». Приведем только один пример, упомянутый Алленом. В долине Сперфея, который протекал в царстве Пелея на Эгине, по словам Гомера, жили «ахейцы» и «эллины», которых он различает между собой, но в этом районе не было найдено ни одной могилы микенского периода.

Наконец, сколь сильно цивилизация, описанная Гомером, ни соответствовала бы микенской, все же между ними заметны определенные различия. Микенцы обычно использовали огромные щиты, напоминавшие с виду башню, которые закрывали все тело. Но при этом микенцы не носили доспехов. Ахейцы же, по словам Гомера, вместо этих больших щитов носили маленькие круглые щиты и облачались в защитные нагрудники. Микенские мечи были предназначены исключительно для того, чтобы колоть противника (рис. 25, 1 и 2); Гомер упоминает о мечах, кото-

рые могли использоваться и в качестве рубящего оружия. В микенскую эпоху железо использовалось только для орнаментальных целей; эпоха Гомера была бронзовым веком, но в некоторых эпизодах его поэм упоминаются железные инструменты, и никак иначе эти эпизоды трактовать нельзя. И наконец, микенцы всегда хоронили своих усопших в сводчатых или же в вырубленных в скале гробницах, тогда как ахейцы в поэмах Гомера практиковали обряд кремации.

Учитывая все это, некоторые авторитетные ученые, такие как сэр Уильям Риджвей, доктор Маккензи и профессор Чадвик, предлагают следующее решение проблемы. Микенский период XVI—XV столетий до н. э. был переходным этапом, сохранявшим наиболее характерные черты микенской цивилизации, но в течение которого уже стали проявляться новшества, присущие ахейской цивилизации. И на самом деле, мы находим среди очень поздних произведений изобразительного искусства микенского периода изображения доспехов и круглых щитов (рис. 5 и фото 3, А), рубящих мечей (рис. 25, 3—4), иногда встречается обряд кремации. С погребениями последнего типа часто связаны предметы импорта, такие как броши или фибулы очень простого типа (рис. 8, 1—4). В это же самое время становятся заметными и изменения в манере росписи керамики. Если в микенский период преобладал свободный стиль с присущими ему морскими или растительными мотивами, то теперь намечается переход к строгому стилю, с присущим ему стремлением к симметрии и правильным пропорциям, в котором уже заметны отличительные особенности вазовой живописи античного периода и для которого характерен интерес к изображению человеческого тела. Кроме того, некоторые более поздние мотивы вазовой живописи иногда странным образом проявляются в некоторых произведениях типично микенского репертуара. В состав недавно найденного «клада» этой эпохи входил хеттский головной убор, который доказывает реальность набегов, упоминающихся в хеттских надписях.

Приходится признать, что в том периоде, который мы условно называем «ахейским», для нас многое все еще не ясно и что наши сведения о нем лишь частично совпадают

с картиной, описанной Гомером. У нас нет никаких подтверждений наличия у правителей тех богатств, о которых повествует легендарная традиция; самыми характерными чертами этого периода являются запустение, бедность и упадок. Погребальные обряды весьма отличаются от тех, которые описывает Гомер. Все еще преобладает обряд трупоположения, и только в редких случаях кремированные останки ссыпают в урны, которые затем помещают в погребальные камеры, конструкция которых была унаследована от прежней эпохи. Только в самом конце этого периода, судя по находкам в Галосе (Фессалия), над остатками погребального костра начинают насыпать курганы, что вполне соответствует обрядам, описанным Гомером. Но здесь мы имеем дело уже с железным оружием, о котором Гомер не знал. Тем не менее предположение о том, что они относятся к ахейскому периоду, кажется нам наиболее вероятным.

Откуда появились все эти новшества? На этот вопрос до сих пор нет однозначного ответа. Можно считать твердо установленным, что ахейский период в истории Греции не явился следствием полного разрыва с предшествующей культурной традицией; основные центры предшествующего этапа не подверглись разрушению. Крайне маловероятно, что микенскую цивилизацию полностью сменила другая цивилизация; изменения происходили очень медленно, новые элементы проникали в нее с разных сторон. Как свидетельствуют клинописные документы, промышленное использование железа началось в Малой Азии, и возможно, что ахейцы именно там и познакомились с железом. В этом отношении Гомер был хорошим археологом, поскольку сначала он сообщает, что железо первоначально использовали троянцы, а затем и ахейцы, после того как они разграбили города на побережье Малой Азии. Вполне возможно, что и обряд кремации также был ими заимствован из Малой Азии. Нет сомнений в том, что он получил широкое распространение в Центральной Европе в эпоху расцвета бронзового века (начиная приблизительно с 1450 года до н. э.). Но самые ранние подобные погребения в бассейне Эгейского моря отмечены в Карий и в сопредельных областях, поддерживавших тесные связи с Малой Азией, —

на Крите и на Саламине; позднейшие гробницы микенского периода, в которых находили типичную для ахейцев утварь и фибулы, в том числе в Кефаллении, Ахее (Патрас) и в Беотии (Фивы), содержат, насколько нам известно, только останки без признаков кремации. Несколько позднее подобный обряд получил наибольшее распространение в тех частях греческого мира, которые поддерживали наиболее тесные контакты с Малой Азией, например на Фере и Крите; в ранних некрополях геометрического периода на Пелопоннесе — в Аргосе, Асине и Тиринфе — кремаций не обнаружено. На Эгине и в Дипилоне, расположенном вблизи Афин, кремация встречается реже, чем трупоположение. В любом случае, как будет показано в главе VI, Риджвей и Роде явно преувеличивают значение данного обряда.

Наконец, намечается новая тенденция в росписи керамики — разделение поверхности на отдельные сектора, или метопы, — она имеет очень древнюю традицию на Ближнем Востоке (ср. рис. 15), своего расцвета достигла в керамике филистимлянского периода в Палестине (рис. 6, 3—4) и в современной ей керамике на территории Сирии.

Однако степень восточного влияния не следует преуменьшать или преувеличивать. Факт распространения в Греции железа и упоминания в хеттских документах являются неоспоримыми свидетельствами контактов между ней и Анатолией. Это не следует понимать в том смысле, что на территорию Греции произошло вторжение с Востока. Керамика с метопами, найденная в Палестине, обычно рассматривается в качестве инокулыурной инновации, занесенной туда из Эгеиды филистимлянами, и, если согласиться с предложением М. Отрана относительно гивитов, они также, возможно, были пришельцами, которые способствовали распространению этих изделий. В самой Греции роспись в виде метоп встречается еще в домикенский период. В любом случае можно утверждать, что те формы ваз, которые были характерны для ахейской эпохи, были известны еще в Элладе домикенской эпохи. Самая известная ахейская форма сосуда, колоколовидный кратер (фото 3, А и рис. 6), возможно, впервые появилась в той самой южнобалканской археологической культуре, которая существовала в железном веке на территории Македонии.

Рис. 6. Колоколовидные кратеры: *1—2* — Греция (ахейский период); *3—4* — Палестина (филистимлянский период); *5* — Галос (протогеометрический период); *6* — Асине (геометрический период)

То же самое, очевидно, можно предположить и в отношении кувшинов с усеченными горлышками, которые характерны для Фессалии в период, предшествующий появлению там дорийцев, точно так же как и для Македонии, где жили их предки.

С другой стороны, происхождение двух самых характерных вещей ахейского периода явно связано с областями,

лежащими к северу или северо-западу от Греции. Речь идет о фибулах и рубящих мечах, которые были, бесспорно, изобретены в долине Дуная или даже к северу от нее. Однако я не думаю, что появление этого оружия обязательно связано с волной завоевателей, прибывших с территории современных Боснии или Венгрии, как склонны полагать Риджвей и Пик. Конечно, подобную возможность исключать нельзя, но в таком случае мы должны были бы ожидать находок гораздо большего числа вещей центральноевропейского типа в Элладе; к 1350 году до н. э. для культуры, существовавшей в Подунавье, была характерна весьма своеобразная керамика и великолепные изделия из бронзы. Нельзя сказать, что керамика ахейского периода больше напоминает керамику из Подунавья, чем керамика протодорийского периода керамические изделия гальштатской культуры, а отсутствие изделий из бронзы, характерных для Центральной Европы, кроме фибул и рубящих мечей, в бассейне Эгейского моря вызывает недоумение. Я вынужден еще раз повторить, что начало ахейского периода не связано с резкой сменой культур. Как и в случае с культурой раннего железного века на территории Македонии, все новшества этого периода явились следствием культурных контактов с севером, а также передвижений племен в пределах Балканского полуострова.

В то же самое время мы видели, что явления героического века предполагают наличие контактов между его творцами, относительно дикими ахейцами, и более высокоразвитой цивилизацией Микен. И эти контакты, скорее всего, имели место в пределах Балканского полуострова, на границах между микенской цивилизацией и варварским миром. На фреске из Тиринфа мы могли бы признать в слуге, который изображен белым среди краснокожих жителей Средиземноморья, микенца. Этот предшественник ахейских завоевателей находился в точно таком же положении, которое занимали германцы в позднем Риме. Район обитания ахейцев в ранний период может быть локализован в северо-западной части Греции — в Эпире, Этолии, Акарнании и Левкасе. Диалектные особенности, выявленные Чадвиком, указывают именно на этот район — он находится на побережье Адриатики, которую примерно с 1600 года до н. э. бороздили суда, доставлявшие с севера янтарь. Вполне вероятно, что именно так к ним попали также рубящие мечи и броши.

Эта область все еще недостаточно исследована. По всей видимости, она находилась вне зоны распространения микенской культуры, но создается такое впечатление, что здесь существовала культура, родственная той, что получила распространение в эпоху раннего железного века на территории Македонии, и уходящая корнями в ту же самую домикенскую культуру, которая появилась в Фессалии незадолго до 2000 года до н. э. Она охватывала весь северо-запад Греции, и наличие здесь импортных микенских вещей, таких как меч из Додоны, свидетельствует о наличии контактов с более высокоразвитой цивилизацией Пелопоннеса. Следует отметить, что весьма интересная культура с расписной геометрической керамикой на самом деле проникает в долину Сперхея, которая, согласно Гомеру, была населена эллинами и ахейцами. Очевидно, ее носители прибыли с запада, сумев пересечь горный хребет Тимфрестос. У нас есть основания полагать, что ахейцы XV столетия и более раннего времени были среди создателей нескольких археологических культур в Западной Греции, памятники которых были открыты в Левкасе и Лианокладхи в долине Сперхея, а также некоторых других, пока еще не обнаруженных. В таком случае их можно отнести к южной ветви целого ряда западногреческих племен, среди которых наши протодорийцы в Македонии представляют собой их северный фланг. В таком случае находит свое объяснение близкое родство между дорическим и западногреческими ахейскими диалектами.

Если эта точка зрения верна, то ахейцы не были первым эллинами в Элладе, поскольку, как выясняется, они были представителями западногреческих племен. Получается, что эллины должны были жить на Пелопоннесе еще до того, как ахейские династии смогли утвердиться в Микенах, Тиринфе и Лакедемоне. Нам все еще предстоит найти предков аркадцев, ионийцев и эолийцев.

Наши ахейцы были наследниками микенской цивилизации. Территория распространения последней в XV веке до н. э. охватывала всю материковую Грецию, кроме долины Сперхея, внутренней части Фессалии и северо-запада

Греции, поглотив более древние местные культуры. Многие свои достижения микенская цивилизация заимствовала у минойской цивилизации Крита. Минойское искусство, религия и письменность получили такое широкое распространение у собственно «эллинских» культур, что речь может идти о завоевании и колонизации жителями Крита материка. Однако в течение микенского периода чувствуется и влияние местной культуры. Имеется большое число явлений, которые нельзя объяснить только влиянием Крита (бороды и стелы эпохи шахтных гробниц, ульевидные гробницы следующего периода и так называемый мегарон). Однако влияние прежних традиций и необъясненные особенности представляются несущественными по сравнению с минойским влиянием. Религиозная символика гробниц и дворцов в точности воспроизводит древние критские культы. Искусство росписи керамики, обработки драгоценных камней и изделий из золота, вне всякого сомнения, было заимствовано у минойцев. Фрески, сохранившиеся на стенах дворцов на континенте, скорее всего, были созданы художниками с острова. Они изображают женщин в минойских одеждах, а мужчин — с красным цветом кожи, что весьма напоминает средиземноморский тип, представленный и на стенах дворца в Кноссе. Древняя минойская письменность, или один из ее вариантов, нанесена на вазах местного изготовления в Тиринфе, Микенах, Фивах и Орхомене. И эти новые веяния появляются во дворцах и больших гробницах, которые, очевидно, принадлежали представителям новых династий.

Все это находит убедительное объяснение в том случае, если признать, что минойские правители смогли утвердиться на материке, и, соответственно, признать колонизацию Эллады критянами, которые, впрочем, были не очень многочисленными. Поэтому возникает вопрос, были ли эти минойские колонисты и их правители индоевропейцами? Минойская цивилизация на Крите развивалась непрерывно с 4-го тысячелетия до н. э. и была, по сути своей, средиземноморской.

По всей видимости, с момента своего возникновения и до своей гибели она была неиндоевропейской. Только дешифровка минойских текстов сможет окончательно прояс-

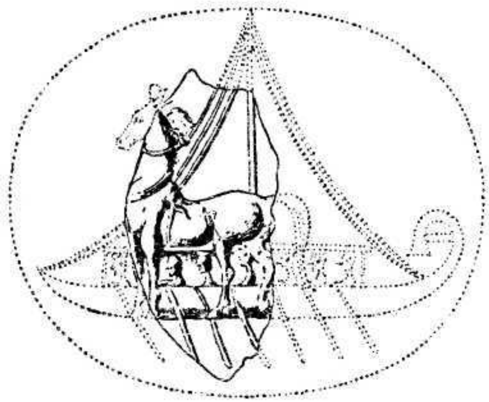

Рис. 7. Изображение коня на критской печати

нить этот вопрос, но, если судить по кипрскому силлабарию, который был позднейшим вариантом этого письма, он не предназначался для передачи индоевропейского языка[1]. Опять-таки минойская религия с доминировавшим в ней культом Богини-Матери мало чем напоминает индоевропейский пантеон, во главе которого стояло мужское божество. Тот факт, что на Крите в течение долгого времени сохранялись языки и культы, чуждые для населения остальной Греции, подтверждает нашу точку зрения. Наконец, лошадь, которую мы с полным правом склонны рассматривать как самое характерное для индоевропейцев животное, попала на остров очень поздно (рис. 7).

Конечно, на Крит время от времени вторгались различные группы завоевателей. Так, например, в течение периода, известного нам как раннеминойский, 3300—2200 годы до н. э., количество брахицефалов, которые, возможно, попали туда из Анатолии, на острове сильно возросло, и некоторые минойские правители более позднего времени

[1] Благодаря усилиям английского исследователя Майкла Вентриса, дешифровавшего в 1957 г. минойскую письменность, было установлено, что ее более ранний вариант, так называемое линейное письмо *А,* передает неизвестный нам неиндоевропейский язык, а на линейном письме *В* зафиксированы древнейшие из дошедших до нас памятники греческого языка. *(Примеч. пер.)*

явно принадлежали к анатолийскому типу. В конце раннеминойского периода появляются свидетельства переселения большой группы населения с более северных островов в Эгеиду. Наконец, в конце второго среднеминойского периода критские дворцы были разрушены, возможно, разграблены и смогли возродиться только в последующую эпоху. Причем нельзя исключать того, что в любом из этих пунктов появилась новая династия, а вместе с ней и новый этнос. Тем не менее в развитии культуры прослеживается определенная преемственность вплоть до прихода ахейцев около 1250 года до н. э. Неиндоевропейские элементы характеризуют минойскую культуру в целом. Поэтому у нас нет оснований считать, что она была создана индоевропейцами. Следовательно, и минойские правители, и переселенцы, которые утвердились в Элладе между 1600 и 1400 годами до н. э., не могли быть индоевропейцами. Именно они могли принести с собой те негреческие топонимы, которые Фик называет этеокритскими. Однако, будучи крайне немногочисленными, захватчики в конечном итоге могли принять язык местного населения, точно так же как и распространенный на континенте тип дома.

Та же самая аргументация, если применить ее к Криту, позволяет нам устранить из числа претендентов на звание эллинов древнее население, которое создало кикладскую культуру на Эгейских островах. Античные авторы знали, что эти острова были населены негреческими варварами, которых они называли лелегами и карийцами. Этот же вывод также позволяет нам исключить из числа претендентов еще один народ, который жил в домикенский период на материке. Древний морской народ, который занимал Пелопоннес, Центральную Грецию и Левкады между 2500 и 1900 годами до н. э., был родственным жителям островов. С этими морскими странниками можно связать догреческие топонимы на материке и на западных островах, которые Фик называет лелегами в соответствии с кикладо-анатолийскими аналогиями. Поэтому ни микенцы XVI—XV столетий, ни население Эллады 3-го тысячелетия, вероятно, не были создателями собственно эллинской культуры в Греции.

Микенцы пришли на смену этому населению Эллады 3-го тысячелетия, которое испытывало определенное влияние со стороны других этносов и культур, они же, в свою очередь, покорили прежних обитателей Эллады. Могла ли хоть одна из этих археологических культур принадлежать индоевропейцам?

Археологические данные свидетельствуют о том, что древнейшим населением материковой Греции был пастушеский народ, живший в Фессалии, Центральной Греции и Аркадии. Он там появляется в 3-м или в самом конце 4-го тысячелетия, и самым заметным его достижением было использование великолепной расписной керамики. У нас нет данных, свидетельствующих о том, что потомки этого неолитического населения продолжали жить в Элладе вплоть до появления там эллинов, но в последней главе мы попытаемся выяснить, были ли они, как, впрочем, и другие народы, применявшие в быту расписную керамику, индоевропейцами. В некоторых частях Греции этот пастушеский народ сменил новый народ, также расписывавший свою керамику, который прибыл на Балканы извне и который ввел в обиход спиральный орнамент и новый тип дома — мегарон, который впоследствии стал привычным для Греции и послужил прототипом классического храма в антах. Вполне возможно, что этот новый народ и мог быть собственно эллинами. Однако нельзя быть уверенным в том, что их культура просуществовала на этой территории вплоть до появления здесь дорийцев и ахейцев. Более подробно мы займемся рассмотрением этого вопроса в главе V. Здесь мы должны отметить, что Фик выделяет фракийские названия среди греческих топонимов. Вторая волна населения с расписной керамикой прибыла в Фессалию из Фракии, оставив часть родственного ей населения на территории Болгарии. Возникает соблазн связать фракийские названия именно с ним (позднее мы увидим, что не все «фракийцы» были индоевропейцами).

Около 2300 года до н. э. или вскоре после того, как новая волна населения достигла территории Пелопоннеса, в Фессалии происходят новые примечательные изменения. Расписная керамика выходит из моды, и новые типы сосудов — кубки с высокими ручками и кувшины с усеченными горлышками — приходят ей на смену, причем заметна тенденция к увеличению размеров ручек. В то же самое

время появляются первые шлифованные каменные топоры и навершия булав. Эта культура представляла собой часть огромной культурной общности, протянувшейся через весь Балканский полуостров от Дарданелл до Адриатики. Отдельные ее «языки» отмечены в долине Дуная, Северной Италии и даже в Апулии. Присущие ей формы керамики, получившие распространение в Фессалии, показывают, что она синхронна протодорийской культуре в Македонии и ахейской культуре Левкаса, где она продолжает существовать на протяжении всего микенского периода, послужив основой формирования культуры раннего железного века Фессалии. Вот на этой основе и развились все три упоминавшиеся выше культуры.

Ее влияние в определенные периоды, возможно, распространялось даже на Западную Грецию, где присущие ей типы керамики следуют за раннеэлладскими формами в Левкасе, в это же самое время близкие ей формы известны в Кефаллении и на акрополе Пилоса, где, согласно Гомеру, правил Нестор. И не только это — третья фессалийская культура была одной из прародительниц так называемой «минийской», или среднеэлладской, культуры Центральной Греции. Создатели последней изгнали население раннеэлладского периода из Орхомен около 1900 года до н. э. и доминировали в этой области вплоть до появления там минойцев в XVI столетии. Этот же самый народ смог захватить по крайней мере часть Пелопоннеса — Кораку и некоторые другие деревни вблизи Коринфа, Аргоса, Микен, Тиринфа, — а также часть Аттики и остров Эгина. Однако завоеватели не уничтожили носителей раннеэлладской культуры на юге, эти «минийцы» были у них правящей кастой до тех пор, пока первые минойские завоеватели не захватили Микены около 1600 года до н, э., и продолжали играть важную роль в таких глухих уголках, как Кораку, даже в ахейский период. Таким образом, вскоре после 2000 года до н. э. на территории Балканского полуострова сложилось некое культурное единство, которого там ранее не было и которое вновь исчезло после 1500 года до н. э. В пределах этого культурною единства и мог существовать единый праязык, от которого развились более поздние греческие диалекты.

В любом случае можно быть уверенным, что многие формы керамики, отличающие более поздние культуры, которые мы уже обозначили как эллинские, восходят к этой эпохе единства; например, колоколовидный кратер, столь характерный для ахейского периода, часто встречается среди «минийской» керамики Центральной Греции и в Этолии. Следует отметить также протодорийские кувшины с усеченными горлышками и сосуды с ручками в виде фантастических животных из Македонии. Таким образом, ахейская и протодорийская культуры принадлежали тому же самому народу, который создал культуру третьего периода в Фессалии. Население этой культуры микенского периода, а также остатки «минийской» культуры в Фессалии могут рассматриваться как предки эолийцев. Наконец, экспансия в южном направлении «минийской» цивилизации на территории Аттики и Пелопоннеса способствовала эллинизации носителей раннеэлладской культуры, которые явились предками ионийцев и жителей Аркадии. Минойские завоеватели не смогли, как я полагаю, уничтожить язык своих подданных и, возможно, в конечном итоге сами приняли его. В любом случае, кажется, что население, колонизовавшее Кипр и которое, в строгом смысле, скорее было микенцами, чем минойцами, перенесло с собой кипро-аркадский диалект, и это было еще в то время, когда минойская письменность все еще была в употреблении.

Таким образом, мы склоняемся к мнению, что первыми настоящими эллинами были создатели третьей культуры в Фессалии. Если с ним согласиться, то получается, что протоэллины впервые выделяются среди всех прочих народов около 2300 года до н. э.[1]

[1] Этот вывод пока следует считать предварительным. Вероятность того, что все эллины пришли на территорию Эллады в течение «темных веков», все еще исключать нельзя. От окончательных выводов следует воздержаться вплоть до проведения дальнейших исследований в Азии, Македонии и восточной части Малой Азии, которые в данном случае играют ключевую роль. Исследования там только начинаются, и от них можно ожидать самых неожиданных результатов. Еще более важными представляются исследования на все еще перспективной в этом плане территории Эпира и Албании. Впоследствии можно будет провести комплексное исследование на основании письменных и археологических источников.

ФРАКИЙЦЫ И ФРИГИЙЦЫ

К северу от эллинов еще со времен Гомера проживали различные племена, которые античные авторы обобщенно называли фракийцами. Из их языка мы знаем только несколько слов и имен собственных. Этот скудный материал используется для того, чтобы доказать наличие индоевропейского элемента среди населения Фракии. На основании любопытных общественных и религиозных обычаев, о которых сообщают классические авторы, можно сделать вывод, что индоевропейцы во Фракии были сильно смешаны с чужеродными элементами.

Культура Фракии в энеолитическую эпоху, как ее называют, хорошо известна. В ее основе лежала та же самая культура, что и так называемая вторая культура с расписной керамикой, которая распространилась на территории Фессалии около 2600 года до н. э. Но здесь она смешалась с другими племенами, часть которых проникла из долины Дуная, другие, поклонявшиеся фаллосу как символу плодородия, — из Анатолии; племена, принесшие с собой боевые каменные топоры, пришли с севера и востока. Эта смешанная цивилизация скотоводов и земледельцев просуществовала в изолированных долинах в течение многих столетий. Возможно, что потомки ее носителей продолжали там жить даже в классические времена. Ее создатели, подобно историческим фракийцам, имели обычай раскрашивать свое тело, и в некотором смысле их самих можно считать фракийцами. Однако из этого автоматически не следует, что они были индоевропейцами. Энеолитическая цивилизация, насколько нам известно, просуществовала во Фракии до конца 2-го тысячелетия до н. э.; памятники бронзового века там пока не обнаружены.

Первое достоверное свидетельство о проникновении на территорию Фракии чужеродной культуры относится уже к развитому железному веку. Присутствие пришельцев засвидетельствовано погребениями, содержащими очковидные броши и другие предметы типа фибулы, представленной на рис. 8, 7, которая более или менее напоминает центральноевропейские фибулы, оставленные носителями гальштатской культуры. Случайные находки на территории Болгарии

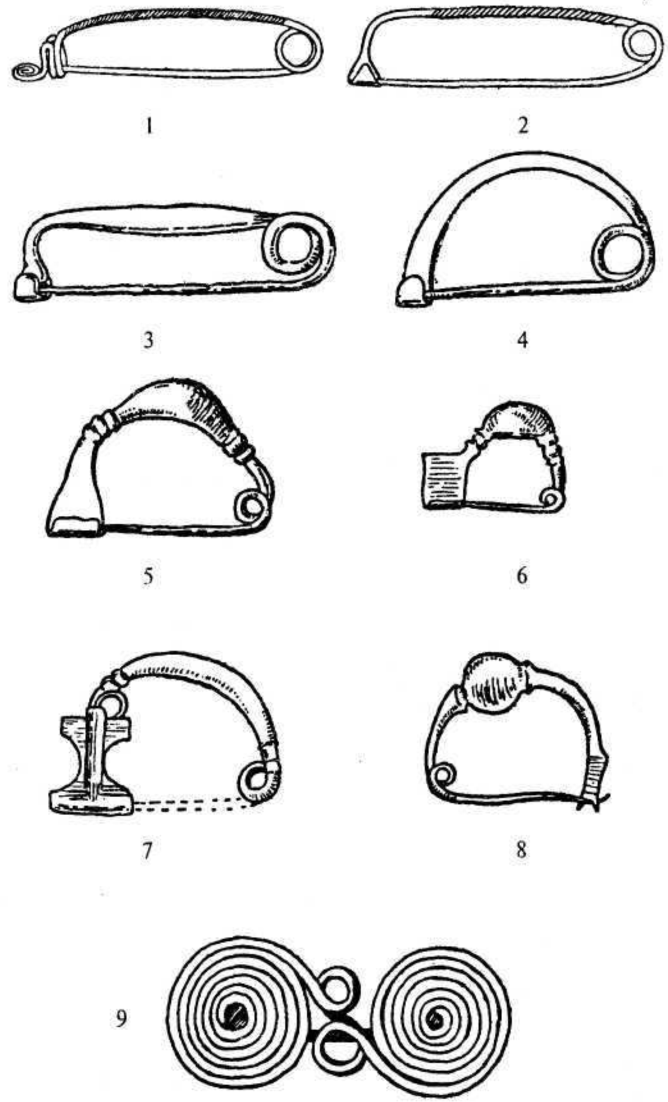

Рис. 8. Броши: *1—2* — Италия (XV—XIII вв. до н. э.); *3—5* — Крит (склепы в районе Врокастро); *6* — Крит (Врокастро, остатки кремации); *7—8* — Болгария; *9* — Македония

бронзовых изделий с теми же самыми характерными особенностями, как у боевых кельтов и мечей, «антенновидными» навершиями (типа представленного на рис. 25, 6), служат весомыми доказательствами вторжения во Фракию из Центральной Европы, а не оттуда — в Грецию.

Но даже в этом случае мы напрасно будем искать фракийские мечи, которые были известны во время Гомера. Для окончательного решения вопроса о том, присутствовал ли индоевропейский элемент во Фракии в эпоху энеолита, или же он там появился только в железном веке, мы должны дождаться результатов новых исследований. В настоящее время можно только строить предположения по этому поводу.

Если мы направимся далее через проливы, в северо-западную часть Малой Азии, то найдем там, помимо греков, живших в прибрежных областях, еще и группу индоевропейских племен, которые отчетливо выделяются среди своих соседей и которых историческая традиция тесно связывала с Фракией. Наиболее многочисленными из них были фригийцы, которые при Мидасе в VIII веке до н. э, смогли создать обширное государство. Дошедшие до нас реликты фригийского языка свидетельствуют о том, что он принадлежал к индоевропейской семье языков. По своим характерным особенностям он обнаруживает близкое родство с греческим языком, фригийцы даже использовали некоторые греческие слова. Следует также отметить его родство со славянскими языками, а некоторые особенности сближают фригийский язык с хеттским языком Nasili. Фригийцы, кроме того, поклонялись индоевропейским божествам: их главный бог Багайос, точно так же, как лунное божество Мен, носит ярко выраженное индоевропейское имя. С другой стороны, важная роль, которую играла в их пантеоне Богиня-Мать, и свидетельства о существовании у них матриархата являются неиндоевропейскими чертами.

Античные авторы единодушно утверждали, что фригийцы прибыли из Фракии, где жило племя бригов, от которого и происходит название Фригия (Bhruges). Но это переселение должно было состояться еще до конца 2-го тысячелетия до н. э., поскольку в «Каталоге кораблей» Гомера фригийцы упоминаются среди союзников Приама в его войне против ахейцев (около 1200 года до н. э.), и, таким образом, они должны были прибыть ему на помощь из собственно Фригии. Сведения Гомера относительно этнологии Троады полностью подтверждаются списком союзников хеттов, с которыми пришлось иметь дело Рамсесу II во время его сирийской кампании в 1287 году до н. э. Фараон хвастался тем, что победил следующие народы — илиуна (или ариуна), дерденов, лука, педов, келекеш, меса и мавунна. Эти контингенты, входившие в состав армии хеттов, совпадают с названиями городов и народов, упомянутыми а Илиаде, — Илион, дарданы, ликийцы, лелеги, киликийцы, мизийцы и минии. Следовательно, египетские источники полностью подтверждают сведения Гомера, касающиеся политических объединений, существовавших во 2-м тысячелетии до н. э. Поэтому мы можем признать, что фригийцы уже жили в Малой Азии около 1200 года до н. э.

Но география Троады, описанная Гомером, ставит перед нами другие проблемы. Во-первых, обращает на себя внимание относительная компактность и наличие союзнических отношений населения этой части Малой Азии против населения остальной части Анатолии. Это находится в полном соответствии с отсутствием всяких сведений об этих народах в хеттских архивах и отсутствием на территории их проживания хеттских памятников. Это говорит о том, что на эти районы власть правителей Богазкея не распространялась. Во-вторых, несоответствия между географией Троады героической и античной эпохи предполагает переселение народов з южном направлении; некоторые сведения об этом сохранились у Страбона. Причины этого переселения следует искать не только в победе ахейцев над своими противниками, но также и в нашествии треров из Фракии. Наконец, возникает вопрос: были ли другие союзники Приама, помимо фригийцев, индоевропейцами, или же это были неиндоевропейские народы, которыми правили арии? В случае с некоторыми из упомянутых племен — лелегами, пеласгами, киликийцами — отрицательный ответ напрашивается сам собой. С другой стороны, Гомер дает героям, которые сражались- на стороне троянцев, бесспорно греческие имена, в некотором смысле даже более греческие, чем те, которые носили многие из ахейцев. Конечно, истина может заключаться в том, что греческий поэт дал этим персонажам греческие

имена, точно так же как и Шекспир давал некоторым из своих персонажей английские имена — Квинс, Догберри и так далее, хотя они были афинянами или сицилийцами. Тем не менее весьма любопытно, что рассматриваемые названия племен принадлежат к очень специфической группе греческих названий, такие же названия встречаются преимущественно на севере Греции, в Фессалии, Эпире и прежде всего в Македонии. Создается впечатление, что и у других малоазийских народов, таких как лелеги и фригийцы, живших на северо-западе Малой Азии, правящий класс состоял из индоевропейцев, которые по своей этнической принадлежности были эллинами или же представителями близкородственных им племен. Это ни в коем случае не противоречит традиции, связывавшей происхождение мизийцев, дарданов и вифинцев с северной частью Балкан, если вспомнить связи Троады с культурой, которую мы называем протоэллинской.

Что может сказать археология по этому вопросу и особенно относительно западных связей? В архитектурных памятниках классической Фригии можно обнаружить микенское влияние: геральдическая композиция в виде стоящих друг против друга львов напоминает скульптуры на Львиных воротах в Микенах. Но в том и в другом случае они могли быть пережитками очень древней традиции, получившей распространение на обоих берегах Эгейского моря. Во фригийских курганах VIII или VII столетий до н. э., раскопанных вблизи Гордиона, столицы Мидаса, из всех обнаруженных там вещей только фибулы и броши напоминают западные образцы. Однако они не являются копиями тех типов, которые получили распространение в раннем железном веке во Фракии, а представляют собой дальнейшую эволюцию более древних образцов лучевидной формы, подобных тому, который изображен на рис. 8, 4. Эти предметы появляются в Элладе в послемикенский период, они также известны на Кавказе, но являются совершенно нетипичными для Фракии. С другой стороны, среди ваз из фригийских курганов встречаются кувшины с усеченными горлышками, характерные для Фессалии и Македонии. Опять-таки они могли появиться там в силу западных влияний, но в равной степени могли быть следствием эволюции более древних местных образцов, как,

например, в случае с другим любопытным сосудом, найденным вместе с ними, — кувшином с ситом в горлышке, предназначенным для того, чтобы фильтровать национальный напиток — пиво. Этот тип сосудов появляется здесь еще во 2-м тысячелетии. Таким образом, большинство характерных элементов фригийской культуры уходит корнями в местную традицию и никак не связано с вторжением из Фракии в железном веке.

Что касается вторжения из Европы, то у нас имеется неоспоримое свидетельство его реальности, найденное в Трое. Но его следует связать с трерами; группа варваров поселилась на руинах гомеровской Трои и принесла с собой в Троаду моду украшать керамику деталями в виде больших роговидных налепов; этот стиль появился в эпоху позднего бронзового и раннего железного веков в Силезии и сопредельных областях. Эта культура распространилась даже на территорию России, и новые обитатели Трои могли познакомиться с этим стилем еще в Европе. В этом случае их отождествление с трерами не вызывало бы сомнений.

Приятно вновь встретиться с трерами, но для получения более убедительных доказательств западного влияния, на которое указывает историческая традиция, мы должны, очевидно, углубиться в землю Трои. Фригийцы уже жили в Анатолии ко времени начала Троянской войны, но поселения треров возникли на руинах Трои микенского времени, которую разграбили ахейцы. В этом городе микенской эпохи мы находим редкие микенские и минойские вазы, датирующиеся в пределах от XVI до XIV столетия до н. э., но наличие этого импорта не предполагает колонизации с Запада; основная масса керамики находит ближайшие аналогии у миниев Греции. Ее распространение может быть связано с колонизационным потоком, параллельным тому, который принес с собой эти же изделия и на территорию Эллады. Но наиболее авторитетные исследователи считают, что ее истоки следует искать в пяти древних городах, на руинах которых возникла Троя Гомера. Именно в этих более древних слоях следует искать следы связей между Малой Азией и Европой, которые нас так интересуют. И такие свидетельства там действительно находят, особенно в слоях, относящихся к поселению, известному

как Троя II. В это же самое время керамика из этого города обнаруживает несомненные черты сходства с керамикой из небольшого кургана в Бозевике, на территории Фригии. Также в Трое II встречаются и прототипы фригийских ваз из Гордиона.

Тем не менее остаются некоторые сомнения в наличии контактов, которые связывали Европу и северо-западную часть Малой Азии в эту эпоху. Несколько типов керамики являются общими для Трои II, Македонии и Фессалии в период распространения протоэллинской культуры. Другие группы вещей — каменные фаллосы, глиняные печати, используемые для нанесения краски на тело человека, некоторые типы топоров из камня и рога -- встречаются как в Трое, так и на поселениях медного века во Фракии, о которых мы уже упоминали выше. С другой стороны, культура Трои является синкретической, и азиатское влияние на нее наиболее заметно. Настоящая фракийская расписная керамика никогда не пересекала проливы, и наиболее примечательными изделиями европейского происхождения в Гиссарлыке являются каменные топоры.

Следовательно, необходимо признать, что данных, свидетельствующих о вторжении в Троаду из Европы, у нас пока недостаточно. Мы можем только утверждать, что единая культурная общность существовала на обоих берегах Дарданелл около 2000 года до н. э. В более позднее время ее проследить не удается. Полное отсутствие на обоих берегах проливов типов керамики, соответствующих среднему этапу бронзового века Центральной Европы, и большая редкость здесь и там форм керамики раннего железного века являются весьма важными фактами, свидетельствующими против подобных контактов. Если наличие традиционных связей между северо-западной оконечностью Малой Азии и Балканами не подтверждается данными археологии, то мы должны положиться на свидетельства, относящиеся к более раннему периоду. Поразительно, что подобные подтверждения следует искать в том же археологическом контексте, в котором корни эллинской культуры были прослежены далее к западу. Предположение, что троянцы были греками, работает в пользу нашей теории происхождения эллинов.

ЛИГУРИЙЦЫ И ИТАЛИКИ

Как и в других частях Средиземноморья, неиндоевропейские народы оставили свидетельства своего присутствия в виде топонимов и на Апеннинском полуострове. С ними можно связать археологические культуры, существовавшие как на юге, так и на севере Италии, созданные представителями средиземноморской расы, — сикулы на юге, лигуры на севере. Кроме того, иллирийцы, которые также были индоевропейцами, в исторические времена жили на юге Италии. Нет ничего невероятного в том, что часть культур медного и бронзового века Апулии, которые имеют явные аналогии с культурой, существовавшей в восточной части Балкан около 2300 года до н. э. и которую мы считаем протоэллинской, могла принадлежать иллирийцам. Однако это очень спорный вопрос, который мы не будем здесь обсуждать. Мы займемся поисками предков умбров, осков и римлян, которые, благодаря определенному консерватизму последних, могут быть установлены с некоторой степенью вероятности.

Италийские диалекты исторических времен делятся на две группы, различающиеся по произношению индоевропейского лабиовелярного звука *к*. Латины и фалисканы Центральной Италии сохранили этот звук как *qu* и поэтому называются q-италиками; жившие к югу и востоку от них оски и умбры смягчали звук *к*, который у них превращался в *р*, и поэтому их называли р-италиками. Несмотря на эти фонетические различия, италийские диалекты объединены в единую группу языков на основании наличия между ними многих общих черт, хотя у них есть много фонетических и грамматических особенностей, сближающих их с кельтскими языками. Кроме того, наличие нескольких общественных, политических и религиозных институтов, общих для латинов, осков и умбров, могут свидетельствовать о том, что некогда они представляли собой единый народ.

Эти племена не играли заметной роли в истории вплоть до V столетия до н. э. Но благодаря консерватизму римлян мы имеем возможность методами археологии удревнить время появления их предков почти на тысячу лет.

В XV веке до н. э. новый народ появился в долине реки По, где ранее обитали люди средиземноморского типа. В отличие от своих предшественников и соседей лигуров пришельцы кремировали своих умерших, помещая пепел в погребальные урны, которые стояли рядом друг с другом на двух кладбищах, имевшихся возле каждой деревни. Сами деревни состояли из свайных строений, стоявших на сухой земле, — археологам они известны как terremare. Они всегда сооружались в соответствии с определенным планом. Позднее по их подобию устраивались римские лагеря: поселение было окружено рвом (он назывался fossa, в римском лагере он именовался castra) и валом (vallum), по нему проходили две главные дороги, пересекавшиеся под прямым углом (cardo и decumanus), в то время как в юго-восточной части поселения, где низкая насыпь (arx) непосредственно соприкасалась со рвом, были вырыты жертвенная траншея и ямы. Точные соответствия в плане между этими поселениями и римскими castra давали основания самым серьезным исследователям ранних этапов истории Италии отождествить их строителей с италиками и предками римлян. Подобно римлянам, terramaricoli (так итальянцы называют жителей terremare) предстают перед нами хорошо организованными, дисциплинированными, набожными и трудолюбивыми крестьянами, пастухами и металлургами, имевшими в качестве оружия, как для обороны, так и для наступления, копье и щит; кроме того, они смогли приручить лошадей.

Terramaricoli, вероятно, распространились по всей территории Италии в течение XV—XIV столетий до н. э., хотя представители средиземноморской расы не подвергались истреблению. Настоящий terramara, идентичный в плане с аналогичными поселениями в долине реки По, был основан далеко на юге, вблизи Таранто, незадолго до конца микенского периода в Греции; керамика и бронзовые изделия, извлеченные из его руин, относятся к североитальянским типам. В период позднего бронзового века (приблизительно XII столетие до н. э.) поля погребальных урн, подобные тем, которые получили распространение на севере, и содержавшие в качестве погребального инвентаря бронзовые булавки и другие предметы, производные от

типов, характерных для terremare, появляются в Тиммари вблизи Таранто и в Пианелло в Марше. Материалы, найденные в последнем из этих памятников, во многом напоминают находки из погребений раннего железного века на холмах близ Альба-Лонги, а этот район, как известно, занимает особое место в римской традиции. Материалы из Альбы обнаруживают связь с материалами из ранних погребений на римском Форуме. Эта цепочка кладбищ, при сопоставлении с вышеупомянутыми историческими реликтами, вполне определенно свидетельствует о том, что римляне были потомками terramaricoli.

Но были ли terramaricoli также предками умбров, осков и p-италиков? Были ли они предками всех италиков или только предками латинов? Это вопрос представляется весьма спорным. Гельбиг, Пигорини, Колини и Пит дают на него утвердительный ответ. В раннем железном веке области Реджио-Эмилия и Тоскана были заселены народом, который кремировал умерших. Принадлежавшая ему археологическая культура получила название вилланова. Почти не вызывает сомнения, что носители этой культуры были умбрами. Доктор Рэндалл Маклвер недавно доказал, что в Тоскане погребения с кремациями культуры вилланова через некоторое время сменились погребениями с трупоположениями, которые он приписывает этрускам. Плиний сообщает нам, что этруски захватили триста городов у умбров. В таком случае носители культуры вилланова, которых этруски изгнали, и должны быть умбрами. В то же самое время Пит и только что упомянутые итальянские ученые полагают, что культура вилланова, точно так же как и культура народа, оставившего после себя погребения в Альбе, была наследницей культуры terramaricoli, и поэтому носители культуры вилланова были потомками италиков, живших в долине реки По. В качестве промежуточных звеньев они указывают на два некрополя с кремациями бронзового века в Бисмантове и Фонтанелле, имеющие аналогии на севере Италии.

Модестов, Рэндалл Маклвер и некоторые другие исследователи, напротив, утверждают, что появление культуры вилланова связано с новой волной пришельцев, прибывших из Центральной Европы. По всей видимости, они не

имеют никакого отношения к созданию прототипа культуры вилланова в Венгрии или где-нибудь еще. Все же я могу сообщить, что возможный прототип характерных для культуры вилланова погребальных урн на самом деле можно найти среди керамических изделий эпохи среднего бронзового века в Венгрии. Гарольд Пике также привлек наше внимание к распространению определенного типа рубящих мечей с лезвием листовидной формы, который, как он полагает, попал в Италию благодаря р~италикам. Однако я не нашел археологических свидетельств в пользу этого предположения; решение вопроса относительно того, было ли одно или два вторжения из Центральной Европы, может частично зависеть от нашего подхода к решению вопроса относительно того времени, которое было необходимо для разделения протоиталиков на *q*- и р-группы.

Если культуру вилланова рассматривать как пришлую и если удастся доказать, что ее носители принадлежали к группе р-италиков, то тогда точка зрения Модестова была бы наиболее приемлемой. Но пока это не доказано. Пит убедительно показал, что культура раннего железного века на территории расселения осков — Пицения и Кампания — не является культурой вилланова, как таковой, и даже не связана с ее более ранней стадией. Кроме того, в этих областях погребальный обряд заключался в кремации, а не в трупоположении. И если цивилизация осков столь сильно отличалась от современной ей цивилизации родственных им умбров, то тогда крайне трудно доказать, что последние прибыли сюда только в раннем железном веке.

Тем не менее распространение обряда трупоположения на территории, заселенной осками, вызывает недоумение. Чтобы объяснить это, фон Дун сформулировал теорию, согласно которой как оски, так и умбры были новой волной пришельцев, которые хоронили своих умерших и попали на территорию Италии только после того, как культура вилланова достигла своего апогея. Как мы уже видели, обряд трупоположения приходит на смену обряду кремации на части территории, занятой культурой вилланова. Но мы

согласились с Рэндаллом Маклвером, что обряд трупоположения был характерен для этрусков. Поэтому мы не можем принять гипотезу фон Дуна и должны в другом месте искать объяснение происхождения погребального обряда осков.

Я склонен предполагать, что народ, живший в Южной Италии и хоронивший своих умерших по обряду трупоположения, был потомком древней средиземноморской расы, которая предавала земле умерших еще с неолитических времен. Чтобы объяснить превращение пиценов и кампанов в осков, я вынужден напомнить о переселении в эпоху бронзового века италиков, которое прослеживается по материалам из Таранто, Тиммари и Пианелло, где, как мы уже говорили, располагались поселения terramaricoli. Не вызывает сомнения, что, по крайней мере в сфере металлургии, культура пришельцев (кельты) с севера, для которых были характерны броши и топоры, сменила предшествующую ей культуру, которая ранее была ориентирована на юго-восток (можно предполагать, что культуры раннего железного века произошли от культур эпохи средней и поздней бронзы). То же самое можно сказать и в отношении языка. Скорее всего, завоеватели не превратились в правящее меньшинство, а постепенно смешались с покоренным народом, который в культурном отношении был гораздо более развит, чем лигуры Верхней Италии.

Если согласиться с подобным предположением, то получается, что культуры Умбрии, Лация, Кампании и побережья Пицены восходят к началу железного века и могут быть связаны между собой только через культуру бронзового века, от которой они все произошли (на основании изложенной здесь гипотезы). Из этого следует, что единство италийского языка должно быть отнесено к более раннему периоду, когда существовало также и культурное единство. Это культурное единство могло существовать в эпоху среднего и позднего бронзового века, когда представители единой культуры расселились с одного конца Италии в другой. Эта общая культура принадлежала terramaricoli. Следовательно, я склонен видеть в terremare долины

реки По памятники, оставленные все еще не разделившимися италиками, а в жителях terramara вблизи Таранто и некрополей Тиммари — часть протоосков. Некрополи близ Пианелло и на холмах Альбы могли принадлежать протолатинам, а в Фонтанелле и в Бисмантове — протоумбрам. С последними я склонен связывать не только культуру вилланова на территории Этрурии и Умбрии, но также и древнейшие захоронения в Эсте; таким образом, иллирийским венетам могли бы принадлежать захоронения только второго этапа железного века на последнем некрополе.

Отождествив протоиталиков с населением долины реки По, можем ли мы проследить их более раннюю историю? Особенности конструкции terremare предполагают, что их создатели находились в определенной степени родства с народом, который создавал свайные постройки на альпийских озерах в эпоху позднего каменного века. Подобные постройки были и на озерах Италии в эпоху медного века и на всем протяжении бронзового века. Но материалы из terremare свидетельствуют о том, что они не связаны не только с этой группой памятников, но и с аналогичными памятниками на территории Швейцарии. Скорее следы ведут в Черногорию, Хорватию или Боснию. В последней из упомянутых областей приозерные жители эпохи позднего бронзового века использовали керамику, во многом напоминавшую ту, которая была в ходу и у жителей италийских terremare. Однако данные хронологии противоречат предположению, что материалы из Боснии являются более ранними, чем находки из Италии. Скорее речь может идти о синхронном развитии родственных культур. В некотором смысле эта культура, в свою очередь, связана с той балканской культурой, которую мы можем проследить вплоть до 2200 года до н. э. и которая оказала особое влияние на культуру раннего железного века в Македонии. С другой стороны, некоторые намеки указывают на то, что истоки создателей культуры terremare следует искать в Баварии или же Моравии и Галиции. Но с этой стороны было бы тщетно пытаться распутать запутанный моток пряжи. Для этого мы должны призвать на помощь другого союзника.

СВЕДЕНИЯ О «НАРОДАХ МОРЯ» И СЕВЕРНЫХ СТРАН В ЕГИПЕТСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Невозможно закончить рассмотрение вопроса о расселении индоевропейских народов в бассейне Средиземного моря, не сказав нескольких слов о пришельцах с севера, которые упоминаются в египетских источниках, датирующихся в пределах между XV и XII столетиями до н. э. Фараонам 19-й и 20-й династий пришлось отражать их ожесточенный натиск. Они представляли собой новый этнический тип, ранее не виданный на берегах Средиземного моря. Их изображения на древних монументах явно отличаются от местного типа; они принесли с собой новое вооружение. Нет сомнения, что появление этих захватчиков на побережье Египта явилось следствием неких потрясений, произошедших на северных берегах Средиземного моря; более поздние фараоны весьма эмоционально заявляют, что «народы с островов» были весьма беспокойными. Весьма вероятно, что эта неугомонность была вызвана вторжением индоевропейцев или неких новых групп населения из внутренних областей Европы. Все же пока не ясно, имеют ли эти события прямое отношение к нашей теме, к тому же среди специалистов нет единства по вопросу интерпретации египетских источников.

Первыми из «северян», которые появились на границах Египта, были шардана, упомянутые в форме ширдана в письмах из архива в Телль-эль-Амарне (приблизительно 1400 год до н. э.). В этих же самых документах упоминается и название дануна, которое весьма напоминает название греческого племени данайцев, но не исключено, что в данном случае имеется в виду племя, жившее в Ханаане, в то время как шеклал, упоминаемые в это же самое время, могли быть тем же самым народом, что и шакалаша более поздних источников. В начале XIII столетия упоминания о шардана опять появляются в источниках, на сей раз как о наемниках в армии Рамсеса II. Этот контингент был сформирован из числа военнопленных, захваченных фараоном на западных границах дельты в ходе предыдущей кампании. Они служили в качестве телохранителей у Рамсеса во время сирийской экспедиции

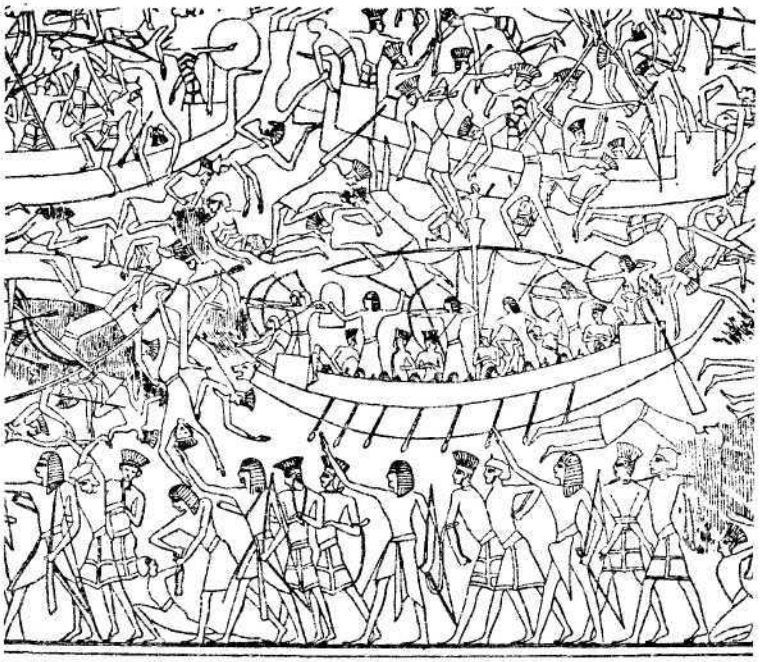

Рис. 9. Вторжение «народов моря», отбитое египтянами (Мединет-Абу, 1192 г. до н. э.)

1287 года до н. э., в ходе которой была разгромлена коалиция народов, вторгшихся с территории Троады. Затем, в 1229 году до н. э,, новые отряды шардана, теперь вступившие в союз с шакалаша, турша, акайваша, луку и ливийцами, были разбиты фараоном Мернептахом на западной границе. Египта. Наконец, в 1192 году до н. э. Рамсес III разбил коалицию захватчиков, наступавших со стороны как суши, так и моря, включавшую в свой состав такие народы, как пуласати, уашаша и данауна.

Точная идентификация этих народов и локализации их исконных земель вызывает большие разногласия. Ситуация с последними из упомянутых нами народов более или менее ясна. Пуласати — это жители Крита, о чем египетские изображения свидетельствуют достаточно ясно (рис. 10).

Рис. 10. Изображение головы филистимлянина в головном уборе

В конечном итоге под именем филистимлян они обосновались в Палестине, куда они принесли с собой уже упоминавшуюся нами керамику с росписью в виде метоп. Danauna — это данайцы, одно из греческих племен. Возможно, они представляли собой разрозненные отряды, находившиеся под командованием Агамемнона, возвратившиеся изпод Трои, так как в Одиссее говорится о пиратских набегах на Египет в тот период времени как о вполне обычном деле. Отождествление текра и уашаша с известными нам народами вызывает больше разногласий. Первых можно идентифицировать с тевкреанами, жившими недалеко от Трои. Но доктор Холл и некоторые другие исследователи предпочитают видеть в них критское племя, которое, возможно, обитало в районе современного Закро. Их головные уборы принадлежат к тому же самому типу, что и у филистимлян (фото 7). К тому же название племени тевкров появляется в греческой литературе только у Галлиена, который далее сообщает, что они прибыли в Троаду с Крита. Наконец, уашаша могли быть осками из Италии или же аксианами с Крита.

Наш подход к решению этой проблемы будет зависеть от решения вопроса о происхождении тех народов, натиск которых пришлось отражать Мернептаху. Среди них выделяются ахейцы, тиррены (этруски), жители Сардинии, Сицилии и ликийцы. До сих пор остается нерешенным вопрос, пришли ли этруски, сардины и сикулы в Египет со своих исконных мест обитания на западе, или они все еще только находились на пути туда. С одной стороны, обращает на себя внимание, что они напали на Египет с запада. Кроме того, ясно, что хорошо известные бронзовые статуэтки, найденные на Сардинии, одна из которых вое-

произведена на фото 4, изображают тот же самый народ, который сражался против фараонов или же служил у них в качестве наемников.

С другой стороны, наиболее достоверная традиция связывает происхождение этрусков с Анатолией. В таком случае народ шардана мог быть сарданами из Лидии, а шакалаша — жителями города Сагалассоса в Писидии. Мы могли бы предположить, что эти три племени предприняли путешествие морским путем, чтобы напасть на Египет, однако, встретив негостеприимный прием у Мернептаха, они продолжили свое путешествие, дав свои имена Этрурии, Сардинии и Сицилии.

Окончательно эта проблема будет решена только тогда, когда будет точно определена датировка бронзовых статуэток с Сардинии. В настоящее время можно сказать только то, что эти статуэтки относятся к заключительной стадии местного бронзового века. Но истоки этой цивилизации уходят в конец 3-го тысячелетия до н. э., время, когда минойское влияние, несомненно, распространялось и на Сардинию. Мы можем добавить, что мечи шарданов, известные нам по изображениям на египетских памятниках, по бронзовой статуэтке с Сардинии и случайным находкам в Палестине (рис. 11), не предназначались для нанесения рубящих ударов, подобно оружию, получившему распространение в Греции в XIII столетии до н. э., а еще раньше и в континентальной Европе.

Этот тип меча мог появиться в результате эволюции кинжалов, получивших распространение в Западной Европе (рис. 12, 3). Известны они были в эпоху медного века и на Сардинии, куда они могли попасть в XVI столетии под минойским влиянием.

Если согласиться с гипотезой о западном происхождении шарданов и их союзников, то массовый исход племен из Италии и смежных с ней островов мог быть вызван давлением италийских племен, двигавшихся в южном направлении; мы уже говорили о том, что последние завладели всем полуостровом в XIV столетии. В таком случае можно согласиться с отождествлением уашаша с осками. Мы уже отмечали, что предки осков достигли Таранто около 1400 года до н. э., и некоторые находки на их поселениях могут свидетельствовать о наличии связей с Восточным Средиземноморьем.

Нельзя с уверенностью утверждать то, что любой из этих народов (кроме, возможно, ахейцев) принадлежал к числу индоевропейских. Действительно, вожди коалиции, противостоявшей Мернептаху, носили бесспорно ливийские имена и могли быть предками современных берберов. В то же самое время западные противники фараонов изображались на египетских памятниках как блондины. Конечно, нельзя исключать возможность того, что беспокойные индоевропейцы смешались с североафриканскими племенами. То же самое можно сказать и о филистимлянах. Хотя предположение об их критском происхождении получило всеобщее признание, и их лица являются типично минойскими, самые древние образцы их пернатого головного убора (не считая тех, которые представлены на диске из Феста неизвестного происхождения) происходят из Микен. Профессор Риджвей давно указал, что история о «гиганте» Голиафе могла появиться вследствие того впечатления, которое произвели на евреев высокие индоевропейцы. Если мы правильно определили дату ахейского вторжения, то связь между появлением керамики с росписью в виде метоп на территории Палестины с наличием среди этих захватчиков эллинского элемента не кажется столь уж маловероятной. И если гивиты на самом деле были ахейцами, то присутствие некоторого числа индоевропейцев среди филистимлян можно было бы считать установленным.

Рис. 11. Меч, приписываемый шарданам, найденный в Палестине (Британский музей)

Происхождение всех этих явлений, о которых мы только что говорили, связано с Центральной и Северной Европой. Но пускаться в блуждания по дебрям доисторических культур, открытых здесь археологами, нет смысла до тех пор, пока наша дорога не будет освещена данными родственной дисциплины.

АХЕЙСКИЙ ПЕРИОД

Здесь приведены только самые общие сведения, на которых основаны наши представления об «ахейском периоде». С точки зрения археологии можно сказать, что эта эпоха начинается с прекращения регулярных торговых связей, отмеченных импортом микенских ваз в Египет, и установлением более воинственных отношений, описанных в поэмах Гомера. Именно тогда входят в употребление рубящие мечи, подобные которым представлены на рис. 25, 3—4,

Поворотный момент, по мнению Форсдайка, относится приблизительно к 1250 году до н. э. После этого можно проследить постепенную эволюцию керамики и фибул вплоть до расцвета геометрического периода; вместе с Форсдайком мы можем выделить следующие этапы, которые, разумеется, накладываются один на другой:

А. Керамика позднемикенского периода; фибулы как на рис. 8, 1—4; бронзовые мечи как на рис. 25, 3—4; железо встречается редко; захоронения в склепах, возможно кремация в Мулиана на Крите; Микены и другие крепости все еще функционируют. Фибулы типов 1—2 найдены в Микенах, типа 3 — в Микенах, Кефаллении, Дельфах, Фивах и Вардино в Македонии, типа 4 — в Мулиане на Крите.

В. Послемикенская керамика (все еще использовались кувшины с усеченными горлышками и кубки на ножках); фибулы типа тех, что представлены на рис. 8, 3—5; бронзовое и железное оружие; захоронения и кремации в склепах — Врокастро на Крите, Саламин, Ассарлык в Карий и т. д. Именно к этому времени, вероятно, относится и клад в Тиринфе. Керамика этого стиля использовалась в цитадели Микен вплоть до ее гибели.

С. Протогеометрическая керамика без всяких признаков микенского влияния. В северной части Греции отчасти синхронна с керамикой периода *В,* которая встречается в плитовых могилах и склепах, содержащих также фибулы типов 4—5, железные украшения и несожженные трупы (Феотоку, Мармариани и Скирос); определенно позже в остатках кострищ в Галосе во Фтии (Фессалия), а также в урнах из Врокастро на Крите, содержащих фибулы типа рис. 8, 6, железные мечи и кремированные кости.

Мы рассматриваем стадию *А* как бесспорно ахейскую, а характерный для нее набор керамики как результат приспособления микенских изделий к вкусам нового правящего класса, чей приход к власти, например в Орхоменах, возможно, предшествовал окончательному утверждению нового стиля. Послемикенская керамика, по сути дела, является продолжением предшествующих ей традиций и могла быть в ходу у того общества, которое истощило свои ресурсы, а затем и погибло в результате Троянской войны. Керамика филистимлян, как кажется, проделала ту же эволюцию (ср. рис. 6). В Южной Греции протогеометрический стиль так близко соприкасается с вышеупомянутым, что у нас нет оснований предполагать смену населения, хотя местные геометрические стили, которые возникли там самостоятельно, появились в период стабилизации обстановки после потрясений, вызванных переселением сюда дорийцев. В Северной Греции, точно так же как и в Македонии, керамика протогеометрического стиля старше местных изделий, изготовленных под влиянием микенских традиций. Только на Крите в урнах, найденных во Врокастро, между вышеупомянутыми типами керамики заметен четкий разрыв, что может быть связано с приходом туда дорийцев.

Глава 4

ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВРЕМЕН ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ОБЩНОСТИ ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИКИ

В последних двух главах мы рассматривали индоевропейские народы, появляющиеся из темноты предыстории. Мы полагали, что на Среднем Востоке нам удалось уловить первые слабые отзвуки индоевропейской речи на плоскогорьях Ирана, которые прозвучали там в начале 2-го тысячелетия до н. э. К 1500 году до н. э. становится ясно, что уже произошло разделение индоевропейских языков на группы сатем и кентум и что индоиранский диалект не очень сильно отличается от того санскрита, на котором звучали Веды. В Греции, по нашему мнению, мы смогли выделить культуру эллинов, возникшую еще до конца III тысячелетия до н. э. Что касается западной части Малой Азии, то мы выяснили, что вторжение туда фригийцев вряд ли произошло намного позже. Наконец, мы признали, что италики как отдельный народ выделились в Верхней Италии к 1500 году до н. э. Следовательно, мы можем сделать вывод, что расселение индоевропейских народов началось около 2500 года до н. э.

Но те индоевропейские народы, которых мы выявили, уже на заре истории оказались разбросанными на громадные расстояния друг от друга, а их предки все еще скрываются, во мраке неизвестности. На Среднем Востоке мы не смогли выделить связанную с ними археологическую культуру, хотя обратили внимание на тот факт, что распространение лошади шло параллельно с распространением индоевропейских языков. В Европе, хотя и удалось связать определенные культуры с эллинами и италиками, корни их различны. Попытка проследить индуктивным методом происхождение индоевропейцев от тех мест, где они раньше всего появляются на арене истории, приводит нас к насто-

ящему лабиринту, состоящему из сложных и смешанных между собой культур, каждая из которых имеет свою собственную продолжительную и запутанную историю. Не существует такой нити, которая смогла бы вывести нас из этого лабиринта, мы держим в руках множество переплетенных и перепутанных между собой нитей, ведущих нас по расходящимся в разные стороны дорожкам. Чтобы распутать этот клубок, мы должны прибегнуть к помощи дедуктивного метода, то есть мы должны искать в более древних и в более простых стадиях доисторической цивилизации ту культурную группу, которая поможет нам соединить и собрать вместе свободные концы мотка пряжи.

В этих поисках нашим проводником станет палеолингвистика. Эта наука утверждает, что может восстановить ту природную среду, в которой жила все еще неразделенная индоевропейская общность, а также реконструировать духовную и материальную культуру ее носителей. Слова и названия, которые встречаются во множестве отдельных индоевропейских языков, должным образом преобразовываются в соответствии с законами фонетики, и на их основе составляется словарь самых ранних индоевропейцев. Получается, что предметы и понятия, обозначенные этими словами, были знакомы предкам индоевропейских народов. Сумма таких терминов отображает культуру первобытного народа.

Конечно, необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, сумма сохранившихся понятий может дать только фрагментарную картину, своего рода контуры той полной ярких красок жизни, которой жили праиндоевропейцы. Вследствие миграций, смешивания с другими народами, торговых контактов с другими цивилизациями, изолированного развития в определенной местности, специализации искусств и культов многие слова были утеряны и заменены другими. Нужно также сделать скидку и на то, что значения многих слов со временем менялись. Наконец, даже строгое соблюдение соответствующих фонетических законов не гарантирует нас от ошибок. Никогда нельзя исключать вероятности того, что рассматриваемое слово вошло в несколько языков путем заимствований уже после того, как их носители отделились от единого древа, но при этом

настолько рано, что звуковые изменения его не коснулись. Это вполне могло бы произойти в случае с языками тех индоевропейцев, которые жили на территории Европы. С ранних времен они занимают смежные территории и, возможно, в некоторых случаях были общими наследниками неиндоевропейской культуры. По этой причине многие филологи со времен Фика признают принадлежащими родительской речи только те слова, которые встречаются как в индоиранских, так и в европейских языках. Шредер призывает довольствоваться только теми словами, которые встречаются в языках групп сатем и кентум. И конечно, возможность такого заимствования особенно влияет на культурные термины, которые вызывают у нас особый интерес.

В таком случае получается, что та картина индоевропейской цивилизации, которую рисуют нам филологи, в лучшем случае не совсем достоверна. Неоднократно предпринимались попытки заполнить лакуны с помощью этнографии. Путем сравнения обычаев, верований, социальных институтов и промыслов нескольких индоевропейских народов предпринимались попытки выделить некие общие черты, унаследованные от периода их совместного существования. Не отрицая значения данных, полученных с помощью сравнительного языкознания, я считаю эту попытку ошибочной. Единственные индоевропейские народы, о которых действительно сохранилась информация в ранних источниках, — индоиранцы, греки и римляне — были, как мы знаем, пришельцами в те области, где существовали более древние цивилизации, наследниками которых они в определенной степени стали и которые оказали на них сильное влияние. Сведения о кельтах, германцах, славянах и литовцах появляются у нас только после того, как они в течение многих столетий поддерживали торговые связи со Средиземноморьем и непрерывно смешивались друг с другом. Причем, по крайней мере в некоторых случаях, с доиндоевропейским населением, которое до этого жило в этих областях. В каждом конкретном случае чрезвычайно трудно сказать, что именно культура какого-нибудь индоевропейского народа заимствовала от проживавшего ранее на этой территории народа, какие ее черты

являются следствием культурного заимствования, а какие она унаследовала от своих предков. Фактически некая средняя культура, выведенная этими сравнительными методами, не может претендовать на то, чтобы являться истинно индоевропейской, как нельзя, например, утверждать, что некие общие черты, наблюдаемые у всех племен банту, присущи только банту. Она столь примитивна, что могла бы принадлежать почти любому первобытному племени, проживавшему где-нибудь в Сибири или в доколумбовой Америке,

Чтобы проиллюстрировать последнее утверждение, обратимся к изучению индоевропейской культуры и религии. В этой области сравнение обычаев и верований может привести нас только к неким усредненным величинам, с помощью которых невозможно охарактеризовать определенное общество. Различные школы социологов найдут в результатах такого сравнительного анализа основания приписать индоевропейцам свои собственные представления. Например, описание мистической энергии, называемой меланезийцами mana, может различаться как воплощение божественной мощи у римлян и литовцев или же как сила maya, присущая божеству типа Варуны, ее же можно рассматривать и как чары Одина. Сторонник анимистических верований найдет подтверждения почитания ими духов предков, который выражался в культе мертвых, существование которого так убедительно доказал Шредер. Следует признать, что вера в магические силы и духов играла определенную роль в религии индоевропейцев, как, впрочем, и у других первобытных народов. Поэтому их нельзя рассматривать как присущие исключительно индоевропейским народам.

Но данные сравнительного языкознания позволяют признать, что в религии индоевропейцев, помимо магии и анимистических верований, были и более важные персонажи — реальные боги. По всей видимости, индоевропейцы более или менее персонифицировали и индивидуализировали небожителей, которых они называли daevos, «яркие существа». Среди них было по крайней мере одно божество с антропоморфным обликом, Dyeus pater, Небесный Отец. Он, вероятно, был до некоторой степени племенным или

даже общеиндоевропейским божеством. Он сохраняет ведущую роль у греков и римлян; на Востоке в доведические времена его место занял Варуна, тогда как в Ригведе он уступает воинственному Индре, а в послеведическую эпоху Индра, в свою очередь, уступает место Вишне и Рудре. Культы других божеств прослеживаются менее отчетливо. Варуну можно сопоставить с Οὐρανός, и различия в функциях этого божеетва и Dyeus, ясно прослеживаемые в Индии и Греции, могут указывать на наличие в древности у Отца Неба соперника. Воинственные боги грозы (Marutah и Mavors) и богини Рассвета (Usas, 'Ηώς) относятся к числу наиболее гипотетических божеств. Небесные Близнецы (Asvinau, Dioscuri), связанные как с искусством верховой езды, так и мореплавания, наделены подобными чертами в ведических гимнах, в гимнах Гомера и в архаичных литовских песнопениях, так что существование их культа в первобытный период кажется автору вполне вероятным. С другой стороны, никаких следов существования богини Земли, которая могла быть супругой и спутницей Отца Неба, по данным палеолингвистики не прослеживается.

Открытие факта наличия этих божеств у индоевропейцев имеет, конечно, немаловажное значение. Если есть хоть доля истины в предположениях Дюркхейма, Фрейзера, Перри и других социологов, то существование у них культа персонифицированного Отца Неба является свидетельством того, что они находились на относительно высокой стадии интеллектуального развития. Произошел ли он от некоего духа или призрака, обожествленного предка или культурного героя или же был заимствован наряду с другими достижениями цивилизации из Месопотамии, он остается заметной и важной фигурой. Данные социологии позволяют утверждать, что его наличие является отражением некой формы политического единства индоевропейцев, которые поклонялись ему.

Фактически данные лингвистики свидетельствуют о том, что и социальная структура индоевропейцев претерпела некоторую эволюцию. Многие социологи утверждают, что система счета родства по женской линии всегда и везде предшествовала установлению более привычной нам патрилинейной системы. Однако в такую глубокую древность данные сравнительного языкознания заглянуть не позволяют; индоевропейские обозначения степеней родства получили исключительно широкое распространение и сохраняют замечательную однородность значений во всех лингвистических группах. Все без исключения они обозначают степени родства по мужской линии. Мы можем сделать однозначный вывод, что семья у индоевропейцев была патрилинейной и патриархальной. Вероятно, в свете выражения «братские жены» мы можем сделать вывод, что это было большое объединение, совокупность нескольких поколений, живших вместе под началом самого старшего представителя по мужской линии или «отца семейства» под одной крышей типа общего домашнего хозяйства (zadruga) у балканских славян, или же если это была группа кочевого населения, то они управляли ею как библейские патриархи.

Для более точной классификации у нас не хватает данных. Набор значений слов от корня uik — «входить», которое колеблется от «семейства» до «деревни» или «района», может указывать на наличие у индоевропейцев некоторой разновидности местного самоуправления. Возможно, это были территориальные кланы, сформировавшиеся на основе больших семейств; хотя подобный принцип организации общества несовместим с кочевым образом жизни, все же не ясно, связывали ли такую группу с определенным районом занятия сельским хозяйством, или же речь должна идти только о совместном владении пастбищами. Точно такие же проблемы возникают перед нами, если мы обратимся к словам типа sebh и genos, которые, возможно, следует переводить как «родство» и «племя». Не исключено, что над патриархальной семьей или кланом стоял племенной или другой вождь, который считался как бы земным воплощением высшего божества. Однако в индоевропейских языках существовал корень reg, производные от которого обозначают такое понятие, как «верховный правитель» у индийцев, италиков и кельтов. Таким образом, индоевропейская религия и общество относятся к той стадии развития, которая, может быть, еще и не достигла особых высот, но она не так уж и примитивна, как это можно было бы предполагать.

Если мы обратимся к вопросу о материальной культуре этого общества, подобные выводы получают поддержку, а область наших поисков суживается во времени. Сразу становится ясно, что индоевропейцев еще не было в эпоху палеолита или древнекаменного века. Поэтому нам не обязательно углубляться в столь давние времена, которые предшествовали современной геологической эпохе. Эпоха палеолита охватывает четвертичный период и в Европе завершается примерно в то время, когда ледники наконец отступили с территории Франции и Северной Германии. Население того периода занималось в основном собирательством и охотой. Такие способы ведения хозяйства, как разведение домашних животных и выращивание злаков, впервые появляются только в эпоху неолита, или новокаменного века.

Теперь не вызывает сомнения, что у индоевропейцев были домашние животные. Не только обозначения для собак, рогатого скота, овец и лошадей и, возможно, также коз, свиней, уток и гусей совпадают во многих индоевропейских языках, но также и обозначения для «мерина»; наличие терминов, обозначающих особей мужского и женского пола, свидетельствуют об их знакомстве с животноводством. Имеются также слова для обозначения масла и, возможно, процесса доения, но, что весьма любопытно, не для молока. Данные сравнительной этнографии совершенно ясно свидетельствуют о том, что рогатый скот играл важную роль в хозяйстве индоевропейцев. У индийцев ведических времен, иранцев эпохи создания Авесты, греков гомеровских времен, римлян, кельтов, германцев и у славян рогатый скот считался основным источником богатства. Данные лингвистики свидетельствуют о том, что рогатый скот служил эквивалентом ценности у римлян и англосаксов (pecunia, feoh), а у ранних индийцев слово «битва» (gavisti) в буквальном переводе означает «борьба за коров». И в гимнах Зороастра Дух Коров персонифицирует арийскую справедливость в диалоге. Тот же самый аргумент показывает, что индоевропейцы одомашнили лошадь, которую они называли «быстрой». Лошадь действительно выступает как чисто арийское животное в ранней истории Месопотамии, в Ведах и у Гомера; в Иране Дарий

в первую очередь хвастался тем, что сделал свою землю «богатой лошадьми» («uvaspa»), а затем уже упоминал, что она «богата людьми» («uvamartiya»). По всей вероятности, индоевропейцы имели также специальные слова для обозначения женских особей у животных (asva, equa, aszwa), и Фейст отмечает, что очень часто индоевропейские личные имена в Индии, Иране, Греции и Галлии содержат в себе в качестве компонента слово «лошадь». С другой стороны, тот факт, что индоевропейцы смогли приручить также и свинью, отрицается Шредером; в самых древних индийских и иранских источниках встречается только термин для обозначения дикого кабана.

Здесь мы подходим к вопросу о наличии у индоевропейцев земледелия. В отличие от развитой пастушеской терминологии во всех индоевропейских языках земледельческие термины, общие для азиатских и европейских языков, встречаются крайне редко. Можно отметить только слова, обозначающие некий вид злака и, возможно, «плуг» и «борозда», в то время как в обеих ветвях индоевропейской семьи языков встречается общий корень, который обозначает более специализированные операции, такие как толчение и помол зерна. В то же самое время, согласно Шредеру, индоевропейцы знали только три времени года — холодный период (зиму), весну и горячее лето, — но не имели названия для времени сбора урожая, осени. По сравнению с недостатком общих для Европы и Азии терминов в европейских языках, как группы кентум, так и сатем, имеется богатая терминология, связанная с земледелием, и множество названий культурных растений.

Интерпретация всех этих фактов все еще является предметом споров. Приверженцы теории азиатской или южнорусской прародины индоевропейцев полагают, что в эпоху своей общности они были полукочевыми пастухами, которые только иногда задерживались на одном месте, чтобы обработать почву грубыми и примитивными методами (приусадебный участок). Переход к регулярным занятиям земледелием, как они предполагают, произошел впервые на территории Украины или в Центральной Европе уже после того, как индоиранцы отделились от родительского стебля. Это вполне возможно, и я думаю, что в таком случае

лучше согласиться с предположением, что многие сельскохозяйственные термины были заимствованы первыми индоевропейцами у того сельскохозяйственного народа, который в эпоху неолита занимал Балканы и всю Центральную Европу, распространяясь на север, вплоть до Магдебурга в Саксонии.

С другой стороны, у приверженцев теории европейской колыбели индоевропейцев теперь есть основания утверждать, что для них примитивное земледелие играло столь же важную роль, как и скотоводство. Старая концепция, согласно которой стадия кочевого скотоводства была обязательным этапом между присваивающим хозяйством, основу которого составляли охота и рыбная ловля, и оседлым земледелием, больше не вызывает доверия. По крайней мере, в некоторых случаях, судя по результатам раскопок на поселениях культуры Анау в Туркестане, занятия земледелием предшествовали занятиям животноводством. Некоторые исследователи, такие как В.Дж. Перри, идут еще дальше, утверждая, что занятия скотоводством повсеместно следуют за занятиями земледелием и переход к ним был обусловлен либо неблагоприятными климатическими условиями, либо изменением политической обстановки. В таком случае можно утверждать, что индоиранцы, изгнанные из земледельческих областей Европы в евразийские степи, впоследствии утратили примитивную индоевропейскую земледельческую терминологию в период вынужденного номадизма. Лично я не верил в то, что любой односторонний приоритет одного способа ведения хозяйства по сравнению с другим может быть расценен как исторический факт, ни в то, что можно вывести априори, были ли индоевропейцы первоначально скотоводами или земледельцами. В любом случае нельзя исключать того, что они могли заниматься земледелием, хотя, может быть, и в ограниченных масштабах. В то же самое время широкое распространение индоевропейских языков точно так же предполагает и то, что некоторые из их носителей прошли через стадию номадизма, хотя и не такого ярко выраженного типа, как у монголов Центральной Азии. По моему мнению, тот способ ведения хозяйства, который мы можем наблюдать у многих скотоводческих племен Судана и других частей Африки, больше всего напоминает жизнь первых индоевропейцев.

Помимо этих источников пропитания, которые уходят корнями в неолит, можно предполагать, что еще не разделенные индоевропейцы временами не брезговали и занятием охотой. Хотя, надо сказать, специальной индоевропейской охотничьей терминологии нам неизвестно. Отсутствие обозначений для рыбы может указывать на то, что индоевропейцы не разнообразили свой рацион обитателями морей и рек; о ловле рыбы никогда не говорится в Ведах или в Авесте, обращает на себя внимание и то отвращение к рыбе, которое испытывали греки гомеровских времен. Тем не менее одно название породы рыб встречается как в Европе, так и в Азии. На тохарском языке слово «рыба» звучало как laks, — это то же самое, что на древнегерманском laks, а на литовском — laszisza, «лосось». Также весьма любопытно и то, что в индоиранских и европейских языках нет общего термина для обозначения соли. Все же в последних, а также в тохарском языке известен общий термин для обозначения этого вещества, sel. Наконец, индоевропейцы наслаждались напитком medhu, который делали из меда, хотя слово для обозначения пчелы не сохранилось.

Наличие производящего хозяйства характеризует культуру индоевропейцев как неолитическую, но на самом деле они смогли продвинуться в своем развитии даже дальше, так как им был знаком по крайней мере один металл. Медь представлена двумя терминами — ayos и roudhos, хотя оба слова, вероятно, являются заимствованиями. Коссинна считает, что они вошли в употребление уже после распада индоевропейской общности. Фейст полагает, что золото и серебро им также были известны; во всяком случае, слова, производные от общих корней, gher или ghel — «желтый» и reg — «блестящий», уже в очень раннее время использовались для обозначения драгоценных металлов. Но хотя нет никаких сомнений в том, что индоевропейцы знали металл и орудия труда из металла, однако они, вероятно, использовались редко, причем сами индоевропейцы не умели его выплавлять и пользовались привозными изделиями. С одной стороны, нет специфической индоевропейской терми-

нологии для металлургии; а с другой — названия некоторых орудий восходят к тому периоду, когда камень все еще использовался для изготовления орудий труда и оружия. Например, древнегерманское слово sahsaz — «рубящее оружие» (сохранившееся в верхнегерманских диалектах как mezzirahs — «лезвие»), происходит от того же самого корня, что и латинское слово saxum — «камень». Кроме того, значение слова ahmon колеблется между обозначением оружия из металла и камня (литовское asmuo — «лезвие», санскритское asman — «камень», «засов», греческое ἄκμων «наковальня»). Таким образом, в период распада индоевропейской общности носители ее культуры все еще находились на стадии перехода от использования камня к применению металла. Археологи называют эту эпоху энеолитом. Это важнейшая точка отсчета, хотя надо сказать, что эпохи неолита, энеолита, бронзового и железного веков не сменяли друг друга в строгой хронологической последовательности, а часто накладывались друг на друга в том смысле, что черты, присущие одной эпохе, часто можно проследить и в другой.

Индоевропейские названия инструментов и оружия, то есть тех предметов, с которыми приходится иметь дело археологу, подтверждают предшествующие выводы. Среди орудий труда чаще всего встречаются шило и скребок. Характерным оружием индоевропейцев были дубина или булава, аркан, лук, копье или пика, кинжал и топор. Особое внимание следует обратить на два обстоятельства: наличие большого числа терминов, характерных как для греков, так и для индоиранцев, а также взаимозамена значений слов «копье» и «меч», поскольку то и другое обозначалось одним словом каш. На основании этого можно сделать вывод, что первоначально меч у индоевропейцев был не рубящим, а колющим оружием. Вполне вероятно, что специфический тип заостренного лезвия из камня или меди, столь обычный в энеолитический период, одинаково хорошо мог использоваться как кинжал или острие копья, в зависимости от длины ручки, к которой оно было прикреплено.

Вывод о том, что индоевропейцы изготовляли глиняную посуду, можно было бы сделать уже на основании всех вышеупомянутых фактов, даже без ссылок, приведенных

Шредером, хотя, конечно, определить ее формы только на основании лингвистических данных не представляется возможным. Индоевропейцы также активно использовали для своих нужд и дерево. Интересно, что единственное индоевропейское обозначение ремесла, которое до нас дошло, — это плотник. Одним из его изделий, сохранившим детальную терминологию, было колесное транспортное средство. Насколько нам позволяют судить данные лингвистики, это могло быть чем-то средним между жилой кибиткой кочевника и боевой колесницей, связанной с появлением самых ранних индоевропейцев в Месопотамии, а также весьма характерной для индийцев ведических времен и ахейцев Гомера. Вероятно, плотника могли также приглашать для постройки лодки, обозначение которой сохранилось во многих языках. Однако опять следует сделать оговорку, что, хотя слово для обозначения весла сохранилось, значение naus может колебаться от лодки-долбленки, использовавшейся для плавания по реке, до большого судна, предназначавшегося для морских путешествий.

Ткачество может быть обозначено группой терминов, производных от корней vi, vebh, которые связаны с такими понятиями, как «шерсть» и, возможно, «веретено».

Реконструкция типа дома, в котором жили индоевропейцы, представляет большой интерес. Сохранились специальные термины для двери, портика и столба, как, впрочем, и в целом для всего жилища. Эти жилища, конечно, представляли собой нечто более существенное, чем временное жилище кочевника, возможно, дом с перекрытиями, подобный тому, что изображен на фото 8, А. Это своего рода прототип ахейского мегарона. Отмечая наличие в индоевропейских языках таких слов, как sala, cella, holl, Шредер предполагает наличие у их носителей жилищ типа землянок, которые были хорошо известны по всей доисторической Европе. На наличие у индоевропейцев стен в виде плетня, обмазанных глиной, по мнению Фейста. указывает наличие группы слов, производных от корня digh — «мазать», но они могли скорее иметь отношение к сооружению земляных защитных сооружений. Имеются также термины, обозначающие если не деревню или город, то, по крайней мере, некоторый тип крепостей или убежищ, защищенных валами.

Теперь мы должны приступить к поиску народа, который больше не занимался простым собирательством и не вел кочевой образ жизни, но который уже добился больших достижений в области искусств, имел определенную форму политической организации и развитые религиозные верования. Нам было бы значительно легче его искать, если бы удалось доказать, что своему прогрессу он хотя бы отчасти обязан одной из великих цивилизаций, которые возникли на Древнем Востоке в весьма отдаленные времена и достижения которых, согласно широко распространенному мнению, заимствовали культуры других народов. Как нам кажется, это вполне возможно. Названия металлов дают нам один из ключей. Слово ayos может происходить от Alasya — древнее название Кипра, земля которого богата медью. В данном случае это говорит о том, что влияние великих доисторических цивилизаций Эгеиды, которые оставили глубокий след в культуре всей Европы, испытывали на себе и все еще неразделенные индоевропейцы. Но их связи с цивилизациями Месопотамии были гораздо более тесными; об этом говорит не только наличие у индоевропейцев другого слова для обозначения меди — roudhos, которое происходит от шумерского слова urud(u), но также и то, что индоевропейские слова для обозначения быка, вола, звезды и топора, по всей видимости, имеют шумеро-аккадское происхождение. Конечно, в подобных случаях приходится считаться с вероятностью того, что они были заимствованы уже после обособления народов. В свете недавнего открытия в Индии культуры явно месопотамского облика вполне может быть, что индийцы и эллины независимо друг от друга заимствовали такое слово, как pilakku, при достижении, соответственно, долины Инда и бассейна Эгейского моря. Однако, по моему мнению, эти соответствия являются слишком многочисленными и слишком укоренившимися, чтобы их можно было объяснить подобным образом. Я полагаю, что индоевропейцы получили навыки скотоводства и металлургии, а также, возможно, некоторые элементы своей религии, непосредственно или косвенно от представителей той великой цивилизации, которая процветала в Месопотамии в 4-м тысячелетии до н. э. Если наше предположение верно, то это очень важный

ориентир не только для идентификации археологической культуры индоевропейцев, но также и для определения границ их прародины; месопотамское влияние, хотя оно и доминировало по всей Азии, не может быть отчетливо прослежено в континентальной Европе на территориях западнее Южной России. Более того, только в этом районе и в Анатолии влияние цивилизаций Месопотамии накладывалось на влияние цивилизации Эгеиды.

Набросав в общих чертах картину жизни первых индоевропейцев, попробуем теперь сузить наши поиски в пространстве, как мы это уже сделали во времени, то есть мы должны определить ту область, где некогда жили индоевропейцы. В данном случае ориентирами для нас послужат фауна, флора, климат и географические особенности их колыбели, которые удастся установить методами сравнительного языкознания.

Известная нам фауна прародины индоевропейцев, помимо домашних животных, перечисленных выше, включала в себя также волка, медведя, выдру, хорька, мышь, зайца, бобра, перепела, некую хищную птицу, змею. Названия всех этих животных встречаются как в индоиранских, так и в европейских языках. Однако это мало что дает. Упоминание о лошади, казалось бы, должно ограничить возможный район поисков территориями, лежащими к северу от цепочки евразийских гор; к югу от них лошадь появляется очень поздно, здесь наиболее типичным грузовым животным был осел, для которого у индоевропейцев не было даже обозначения. Опять-таки, поскольку индоевропейская лошадь была «быстрой» (ср. asva, ἵππος equus и āśu ὠκυς, acer — «быстро»), кажется более вероятным, что это могла быть степная лошадь Пржевальского либо лошадь, водившаяся в пустыне и останки которой были обнаружены в Анау (Equus caballus Pumpellyi), чем тучная германская лесная лошадь (Equus cab. Nehringi Duerst). В последнем случае нам пришлось бы переместить поиски колыбели индоевропейцев в восточном направлении. С другой стороны, если индоевропейцы действительно прибыли из Средней Азии, им должен был быть известен верблюд, так как в ходе американских раскопок в Туркестане останки этого животного были обнаружены в очень ранних слоях. Отсут-

ствие в индоевропейских языках слова для обозначения, льва (название этого животного было заимствовано греками у семитских народов и уже от них попало в другие европейские языки) позволяет исключить из района поисков Малую Азию, Месопотамию и Африку. Некоторые животные живут только в лесу, другие — в воде, но ареал обитания большинства из них настолько широк, что он оказывается бесполезным для наших поисков.

Если названия для черепахи, лосося и угря, которые встречаются только в европейских языках, принять в качестве свидетельства того, что они обитали на индоевропейской прародине, то на основании этого можно было бы сделать важные выводы. Шредер использовал упоминания о черепахе (χέλυς = старославянскому zely) для доказательства того, что колыбель индоевропейцев должна лежать к востоку от долготы 46°. Но профессор Коссинна указал, что скорлупу от черепашьих яиц находили в Свеаборге (Дания) при раскопках поселения неолитического времени. С другой стороны, вероятно, угорь, а уж тем более лосось не водятся в реках, впадающих в Черное море.

Что касается флоры, то данные о ней все еще весьма скудны. Индоевропейцы имели специальные термины для обозначения названий деревьев, за исключением, возможно, сосны, при этом ни одна порода дерева не определяется словом, общим в европейской и азиатской группах. Для последней, однако, общими являются названия для бука, сосны, ольхи, ясеня, орешника, вяза и клена. Из них только бук сыграл видную роль в истории поисков индоевропейской колыбели; он не растет в наши дни к востоку от воображаемой линии, протянувшейся от Кенигсберга до Крыма и простирающейся до Кавказа. На основании этого делался вывод, что индоевропейцы, вероятно, жили к западу от этой линии. Но, исходя из словарного запаса только европейских языков, остается непонятным, когда эта граница была установлена; в постледниковый период леса в Европе, кажется, несколькими волнами продвинулись в западном направлении. То же относится и к серебристой березе, которую профессор Бендер пытался использовать для доказательства своей теории, что колыбель индоевропейских народов находилась между Вислой и Неманом.

Климат колыбели был достаточно суровым, снег, точно так же как и дождь, был вполне привычным явлением, в то время как лето было жарким. Одним словом, климат был континентальным. Такие климатические условия характерны почти для всего евразийского континента к северу от Кавказских гор и к востоку от Альп.

Наконец, географические особенности колыбели удается определить не очень четко. Она изобиловала реками и ручьями, именно они, как кажется, представляли главное препятствие для передвижения. Большая вариация значений слова pont — от «путь» до «брод» или «мост» — подразумевает, что индоевропейцы часто пользовались для передвижения реками. Однако нет никакого термина для обозначения моря, общего для Европы и Азии. Только в последней из этих областей во многих языках имеется термин для обозначения моря или озера. Хотя у индоевропейцев имелся термин для обозначения лодки, у них нет глаголов, имеющих отношение к навигации. Корень per — «пересекать» часто используется в этой связи, и Шредер доказал, что лодка у индоевропейцев использовалась только для того, чтобы пересекать водные потоки. Тот же самый автор отрицает, что индоевропейцы жили в горной местности, и доказывает, что термин giri (санскр. Giri = старославянскому gore) обозначает «лес».

Наконец, следует обратить внимание на тот факт, что индоевропейские народы очень рано вступают в контакты с финскими народами. Это твердо установленный факт. Некоторые филологи, включая Исаака Тейлора и Коссинну, полагают, что индоевропейские и угро-финские языковые семьи произошли от общего древа. В любом случае можно быть уверенным, что финно-угры заимствовали много слов из индоевропейских языков. Их контакты, возможно (но не обязательно), начались еще в эпоху индоевропейской общности, а затем последние заимствовали отдельные индоиранские, славянские и германские слова. Индоевропейские заимствования из финских языков, среди которых в качестве примера приводится слово medhu, нельзя считать доказанными. Поскольку колыбель финских народов локализовать еще труднее, чем индоевропейских, установленный факт ранних контактов между этими двумя народа-

ми имеет небольшое практическое значение в настоящее время.

Природная среда, в которой обитала индоевропейская общность, представляла собой континентальную область, изрезанную реками, достаточно лесистую для того, чтобы предоставлять убежище медведям и бобрам, но достаточно открытую, чтобы там жили зайцы и быстрые лошади и чтобы там беспрепятственно мог двигаться колесный транспорт. Такая местность могла бы располагаться почти в любой точке Евразии, кроме средиземноморского бассейна, низменностей Среднего Востока или Западной Европы. Ни один из тех регионов, на который указывали лингвисты, пока не удается исключить из списка претендентов. Они включают Среднюю Азию, Бактрию, Армению, Анатолию, Южную Россию, Подунавье, Литву, Германию и Скандинавию. Все предложенные теории имеют свои слабые и сильные стороны.

В Средней Азии человек рано приручил верблюда, но там, как уже говорилось, отсутствует пчелиный мед. Если индоевропейцы произошли из Малой Азии, то мы должны были бы ожидать найти некоторые упоминания о них в клинописных табличках 3-го тысячелетия до н. э., и они должны были иметь в своем словарном запасе обозначение для льва. Значение занятий скотоводством, на основании которого Шредер в основном и строит свою теорию относительно того, что именно степи Южной России были колыбелью индоевропейцев, кажется преувеличенным. В то же самое время он, вероятно, ошибается, экстраполируя природные условия этих мест на доисторические времена. В 3-м тысячелетии до н. э. речные долины здесь должны были бы быть гораздо более лесистыми, чтобы отвечать требованиям колыбели индоевропейцев по данным сравнительного языкознания. К тому же в данном случае отсутствие лосося представляет собой неразрешимую проблему. Эти же самые возражения относятся и к долине Дуная. Польша и Литва, территория которых в доисторические времена была заболочена или покрыта густым лесом, выглядят гораздо менее привлекательными, когда рассматриваются в свете данных археологии, а не по современным учебникам географии. Это же относится и к Скандинавии.

Вместе с тем североевропейская лесная лошадь была медленной и тяжелой, а жизнь в этих местах в значительной степени зависела от рыболовства и мореплавания. Кроме того, как указывает де Морган, эти страны являются источниками янтаря, а индоевропейцы не имели специального термина для его обозначения.

Возражения могут вызвать все предложенные идентификации. Поэтому мы продолжим рассмотрение всех регионов в надежде обнаружить в одном из них археологическую культуру, отвечающую обрисованным нами условиям, а также народ, распространение которого в соответствующие области Европы и Азии может быть прослежено археологическими методами.

Глава 5
К ВОПРОСУ ОБ АЗИАТСКОЙ ПРАРОДИНЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Гипотеза об азиатском происхождении индоевропейских народов является., пожалуй, самой старшей из всех существующих, но при этом она хуже всех подкреплена доказательствами. Отчасти эта гипотеза основана на антропологической мифологии, корни которой восходят к библейской истории о Вавилонской башне. В том мире донаучных спекуляций было принято считать, что все народы происходят из Азии, которая рассматривалась в качестве их общей прародины, и предполагалось, что все переселения народов следовали за солнцем с востока на запад. До этого момента теория об азиатской колыбели индоевропейцев является только одним из необоснованных обобщений, с которым антропология и археология боролись в течение последних десятилетий. Мы теперь знаем, что отношения между Европой и Азией не были столь односторонними, как полагали наши предшественники, и что культурные достижения и народы перемещались в обоих направлениях.

Но теория об азиатской колыбели индоевропейцев основана не только исключительно на предубеждении. Предполагаемая глубокая древность санскрита и его очевидная лингвистическая чистота были мощными аргументами в руках ориенталистов и даже позволили Шлегелю (1808) утверждать, что праязык появился в Индии и распространился оттуда на запад. Подобные идеи неожиданно возникли и в трудах Сержи; он предполагает, что предки европейских ариев были расой брахицефалов, первоначально населявших область к северу от Гиндукуша. Там они познакомились с языком средиземноморских индийцев и принесли его вместе с собой в Европу. Но современная филология больше не рассматривает санскрит в качестве самого чистого потомка изначальной

индоевропейской речи. Хотя, конечно, следует отметить, что он на самом деле не очень далеко от него отстоит, частично благодаря очень ранней фиксации языка в метрической литературе. Но с точки зрения фонетики санскрит отражает родительскую речь менее точно, чем большинство европейских языков; например, при произношении слова «арий» должны различаться такие гласные звуки, как *а, е* и *о,* которые в санскрите все сливаются в *а.* Опять-таки характерный для индоиранских языков переход звука *к* в *s* восходит к XV столетию до н. э. и является ранним примером фонетического распада, указывающего на некоторые физиологические изменения его носителей по сравнению с их предками.

Еще более глубокое впечатление производило на филологов старшего поколения упоминание об Airyanam vaejanh, «родине ариев», в Авесте персов. От локализации этого весьма неопределенно указанного центра иранской жизни в Бактрии или Согдиане оставался единственный шаг к идентификации этих областей с колыбелью индоевропейцев. Действительно, для Потта, Ренана, Моммзена и Пиктета основанная на этом утверждении теория кажется вполне вероятной. Конечно, отчасти она явилась следствием неправильного распространения термина «арий» на всех носителей индоевропейских языков. Но хотя мы для удобства в данной книге и использовали это название именно в этом смысле, мы с самого начала сделали оговорку, что его использование в качестве самоназвания ранними индоевропейцами не доказано и вряд ли имело место. В качестве самоназвания оно характерно только для индоиранцев. Эта цитата из Авесты отмечена в ее последних главах, и, скорее всего, в данном случае речь идет о смутных воспоминаниях, связанных с переселением племени, к которому их авторы принадлежали.

Предположение о центральноазиатской прародине индоевропейцев, возникшее на основе анализа иранских источников, таким образом, лишено основания. С другой стороны, было справедливо отмечено, что арийские языки в Азии сегодня находятся в меньшинстве и возвышаются подобно островам в океане семитских, малоазийских, дравидийских, монгольских и китайских языков. Как мы видели, аналогичная картина на Среднем Востоке наблюдалась и на рассвете

истории. Даже если в начале нашей эры на индоевропейских языках говорили на обширных территориях, простиравшихся от Средиземноморья до границ Китая, связь между отдельными ее частями была потеряна в результате мусульманских и турецких завоеваний. Эти языки были почти исключительно индоиранскими диалектами, что явно контрастирует с разнообразием укоренившихся индоевропейских языков в Европе. Таким образом, вероятность того, что все индоевропейские языки возникли в Азии, существовала, но она казалась небольшой.

Открытие тохарского языка группы кентум в бассейне Тарима обесценило этот аргумент; оно вызвало из могилы древнего призрака азиатской гипотезы и придало ориенталистам новых сил. Самое простое объяснение присутствия языка группы кентум в Средней Азии заключается в том, что он представляет собой последнего из сохранившихся здесь наследников первоначального языка азиатских ариев. Доказать, что индоевропейцы пересекли по дороге из Европы весь Туркестан в относительно поздний доисторический период, довольно трудно. Если мы были правы в своем предположении, что скифы в этническом плане были монголами, то из этого следует, что тот миграционный путь, по которому в исторические времена проследовали в Европу гунны и турки, существовал уже в VIII столетии до н. э., и по нему народы двигались в западном направлении. Возможно, что он возник даже раньше, — не зря же многие авторы видят «нечто монгольское» в хеттах. В свете всего сказанного было бы легко понять, как этот поток, следовавший несколькими волнами, вынес индоевропейцев из Средней Азии, затем занес их в Европу или же запер их в горных долинах типа бассейна Тарима. Установленный ныне факт, что во внутренних районах Азии периодически бывают засухи, мог послужить причиной массовых миграций кочевников, а также, возможно, способствовал их переходу к чисто кочевому образу жизни. Такая засуха, возможно, инициировала процесс переселения из этих районов индоевропейских народов и их изоляции, а завершило его вторжение монголов. История Средней Азии ранее последних столетий до нашей эры все еще остается для нас чистым листом. Мы не знаем, на каких языках там говорили.

Наконец, старое изречение «Ex oriente lux» — «свет с Востока», которое некогда вдохновляло приверженцев теории азиатской прародины индоевропейцев, начало оправдывать себя.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ВТОРЖЕНИЕ БРАХИЦЕФАЛОВ

Более ранние исследователи арийской проблемы при рассмотрении понятия «этнос» трактовали его с точки зрения антропологии, а не в смысле его принадлежности к определенной культуре. Они полагались на чисто физические характеристики для идентификации определенной группы населения, которая, возможно, распространила индоевропейский язык. Конечно, расовые особенности, которые являются наиболее очевидными для дилетанта, — цвет глаз, оттенок кожи, структура волос — при изучении доисторических народов мало чем могут помочь. Для расовой классификации наших отдаленных предшественников этнолог должен полагаться исключительно на анализ более долговечной части тела — скелета, который при благоприятных условиях может сохраняться в течение тысяч лет. По костям, извлекаемым из доисторических могил, можно восстановить рост и другие физические характеристики древних людей. Антропологи придают большое значение реконструкции черепа, по которому можно установить расовые особенности. Наиболее признанным критерием является соотношение между шириной и длиной черепа, которое, переведенное в процентное соотношение, называется cephalic index. Черепа, у которых ширина составляет 80 или более процентов по отношению к их длине, называют брахицефальными, или короткоголовыми; в тех же случаях, когда подобное соотношение составляет 75 или менее процентов, черепа классифицируются как долихоцефальные, или длинноголовые; индексы между 75 и 80 процентами обозначают мезоцефальные черепа. Следует отметить, что в настоящее время антропометристы понимают, что одного черепного индекса недостаточно для определения этноса, и многие из них, такие как Сержи и Шлиц, предпочи-

тают полагаться исключительно на контур или другие детали устройства черепа. В любом случае сам по себе принцип соотношения между шириной и длиной черепа может послужить основой только для очень приблизительной классификации. В областях, которые нас интересуют, более дробное деление долихоцефалов на средиземноморский тип (люди обычно низкорослые и темнокожие) и северный (обычно высокие и светлые) также имеет большое значение.

Мы можем пренебречь мнением более ранних авторов, которые считали, что Европа в конце ледникового периода была полностью лишена населения и что неолитическая цивилизация была принесена на совершенно девственную землю новым населением, прибывшим из Азии. Уже давно было установлено, что потомки населения древнекаменного века составили значительный процент среди населения постледникового периода на нашем континенте. Прибыла ли любая из этих ранних групп населения из Азии, нас в принципе не касается, поскольку индоевропейцев в эпоху палеолита еще просто не существовало, они появились в эпоху энеолита или неолита.

В настоящее время получила широкое признание точка зрения, что своим появлением в Европе неолит обязан населению нового антропологического типа, пришедшего из Азии. Пришельцев можно определить как «неолитических брахицефалов». В неолитический период они фактически вклинились между низкорослыми долихоцефалами средиземноморского типа и высокими долихоцефалами севера. Именно этот пришлый народ и был объявлен индоевропейцами Сержи, де Морганом и некоторыми другими исследователями.

Однако столь упрощенный подход к делу больше не выдерживает критики. Предполагаемые пришельцы в целом не обладали той культурой, которую филологи приписывают индоевропейцам, они все еще находились на более низкой ступени развития, их главными занятиями были охота и лов рыбы, домашних животных они не держали. В нашем распоряжении теперь имеется значительное число черепов брахицефалов из Испании, Франции, Бельгии, Британии и Германии, которые относятся к донеолитической эпохе. Эти брахицефалы, хотя и жили в постледниковый период, все еще занимались только собирательством и охотой и даже не полировали камень или кремень. В свете данных, с которыми мы ознакомились в предыдущей главе, они не могли быть индоевропейцами. При этом их азиатское происхождение не кажется больше бесспорным. Босх Гимпера думает, что они могли прибыть из Северной Африки через Гибралтарский пролив с палеолитической группой населения, известной как капсиане. Этот короткоголовый тип получил особое распространение на западе. Но гораздо важнее то обстоятельство, что брахицефальный череп был недавно найден при раскопках палеолитической стоянки в Солютре (Франция). Таким образом, больше нет необходимости считать неолитических брахицефалов пришельцами или доказывать вероятность их вторжения для того, чтобы объяснять наличие в Европе представителей короткоголового типа. Идея использовать наличие этого типа для доказательства связей между Европой и Азией кажется непродуктивной.

Точно так же необоснованными выглядят и более ранние попытки добавить данные краниологического анализа к результатам исследования материальной и духовной культуры, имея в конечном итоге ту же самую цель. В своей классической работе «Формирование французской нации» де Мортильер отмечал, что первые представители короткоголового типа в Европе были доиндоевропейцами, но при этом предполагал, что новая волна этого же самого азиатского народа, принесшая с собой искусство металлургии и обряд кремации, ввела в обиход индоевропейскую речь в Европе. Но в данном утверждении мы можем сегодня найти сразу три ошибки. Во-первых, нет никакой жесткой взаимосвязи между кремацией и металлургией. В Центральной Европе обряд кремации встречается еще в эпоху неолита, в то время как в эпоху раннего бронзового века в погребениях от Британии до Крита преобладают трупоположения. Во-вторых, нет никаких доказательств того, что обряд кремации возник именно в Азии; даже в Индии самые древние погребения содержат несожженные тела. Еще меньше у нас оснований утверждать, что бронзовый век Европы был простым отражением бронзового века Азии. К 1700 году

до н. э., когда использование бронзы в континентальной Европе стало вполне привычным, наши предки изобрели целый ряд форм, которые не имеют аналогов на Востоке. В бассейне Эгейского моря, где следует искать корни бронзового века Европы, различия между Западом и Востоком наметились еще с середины 3-го тысячелетия, а к середине 2-го тысячелетия Запад явно стал одерживать верх[1]. Так что бронзовый век Европы имеет местные корни и не был принесен в готовом виде из Азии. Наконец, не наблюдается значительного увеличения брахицефальных черепов в погребениях бронзового века; в них продолжает преобладать длинноголовый тип, точно так же как и в неолитический период.

Однако в последующую энеолитическую эпоху в Центральной Европе явно брахицефальная раса заложила основы бронзового века. Эта раса, отличная от всех прочих не только строением черепов, но также и своей цивилизацией, известна как культура колоколовидных кубков или под названием «следопыты». Первое из этих названий происходит из отличительного типа сосудов, который всегда помещался в погребения носителей этой культуры, а второе основано на факте, что они повсеместно искали руды и драгоценные металлы; в Центральной Европе первые ценные изделия, изготовленные из золота и янтаря, найдены также в погребениях представителей этой культуры.

Но в континентальную Европу эти пришельцы — они не были очень многочисленными — прибыли не с востока, а с юго-запада. При распределении по территориям погребений выясняется, что большинство из них сосредоточено на юго-западе Германии, имеются они также в Силезии и вокруг Будапешта. Однако восточная граница этой культуры пока не определена, поэтому мы не можем исключить предположение о ее азиатских корнях. В данном вопросе решающую роль играет анализ погребального инвентаря. Самым типичным для носителей этой культуры изделием из металла является очень короткий, плоский, треугольной

[1] Бронза, представляющая собой сплав меди с десятью процентами олова, не была известна в Азии до 1700 г. до н. э. Не исключено, что секрет ее изготовления попал туда из Европы.

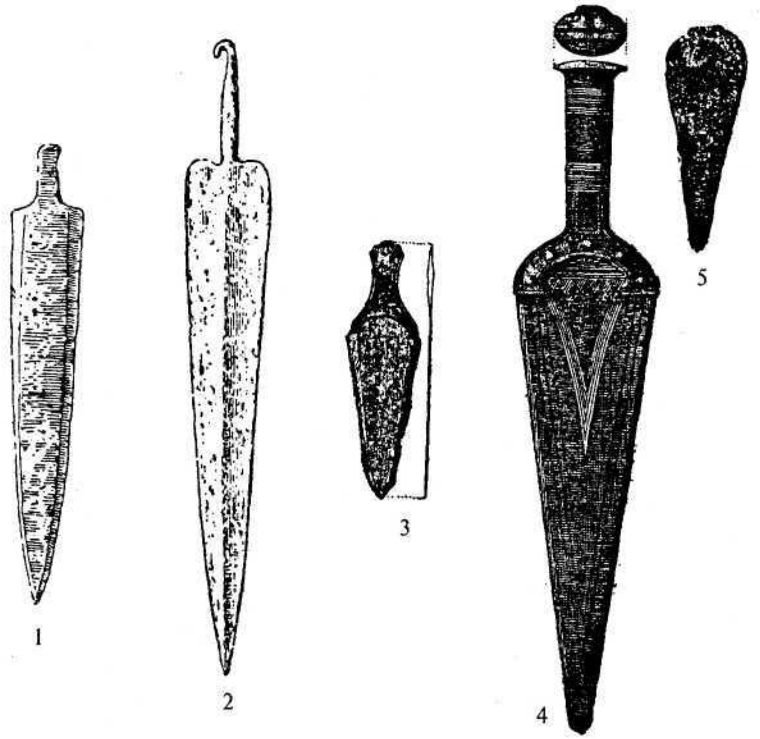

Рис. 12. Типы кинжалов: *1* — азиатский; *2* — кипрский; *3* — западноевропейский; *4* — италийский; *5* — центральноевропейский

формы кинжал с расширяющимся лезвием, без ярко выраженного плеча и, вероятно, вставлявшийся в деревянную или костяную рукоятку (рис. 12, 3). Это оружие сразу же обнаруживает несомненные черты различия с азиатским кинжалом, имевшим ярко выраженные плечики и узкое лезвие. Подобные кинжалы все в больших количествах находят от Элама и Анау до Сирии и Трои (рис. 12, 1). С другой стороны, кинжал «следопытов» весьма обычен для Западной Европы и, возможно, попал туда из Египта.

В этом можно усмотреть намек на то, что культура «следопытов» возникла в Восточном Средиземноморье, хотя в

Центральную Европу они попали не из этого региона. Как Пик, так и Гуиффриди-Руджиери считают, что тот тип, который, как кажется, был присущ носителям культуры колоколовидных кубков, первоначально появился в Эгеиде, где брахицефалы рано появляются на Кикладах и на Крите. Как предполагается, культура колоколовидных кубков возникла именно здесь, а далее ее носители отправились морским путем на запад через Средиземноморье и Атлантику. Присущий им физический тип и характерные элементы их культуры в очень раннее время появляются на Сицилии, Сардинии и юге Франции. Но наиболее ярко культура колоколовидных кубков проявляется в Центральной Испании. Создается такое впечатление, будто именно отсюда «следопыты» распространяли свои вазы и кинжалы в Бретань, на юг Франции, север Италии и в Центральную Европу. Если это так, то вряд ли можно будет оспорить утверждение, что именно брахицефальные «следопыты» распространили индоевропейские языки по всей Европе. Однако поначалу они появлялись повсюду на континенте только в небольших количествах; у них не было постоянных поселений, и, подобно арабам в Центральной Африке, они были просто вооруженными торговцами. Несомненно, что они несли с собой мощный цивилизационный импульс, но вряд ли смогли изменить речь аборигенов больше, чем арабы смогли повлиять на языки африканских племен. И во-вторых, главные центры носителей культуры колоколовидных кубков находились в тех частях Европы, где, по мнению филологов и историков, в исторические времена жили носители доиндоевропейских языков, например иберы. Даже сегодня в одном из центров культуры колоколовидных кубков, в Пиренеях, часть населения продолжает разговаривать на языке басков, который относится к числу неиндоевропейских. Брахицефализм, который был присущ этому народу, появляется среди населения Европы уже в энеолитическую эпоху, возможно, хотя бы отчасти благодаря нашим «следопытам». Нельзя не отметить, что баскское слово urraida — «медь» может быть родственно шумерскому термину urudu. На основании этого Пик предположил, что «следопыты» были шумерами.

Мы установили ту роль, которую сыграл в формировании европейской металлургии брахицефальный элемент, и вместе с тем исключили его из числа индоевропейцев. Возможно, здесь самое место упомянуть о мегалитической культуре, так как Пик связывает ее распространение со «следопытами». Рассматриваемые памятники, которые представляют собой огромные каменные гробницы, известные как дольмены, которые могли быть как открытыми, так и закрытыми, а также соединенные между собой монолитные столбы и каменные круги действительно представляют собой одно из самых заметных звеньев, связывавших между собой Европу и Азию, особенно Индию. В Европе мегалитические гробницы разбросаны вдоль берегов Северного моря и Атлантического океана, западной части Средиземного моря, вновь появляясь в Болгарии и на берегах Черного моря, откуда они через Кавказ тянутся в Северный Иран. В это же самое время другая группа мегалитических гробниц появляется в Северной Африке, Сирии и Палестине, а затем — что представляет для нас несомненный интерес — на юге Индии и в Ассаме. Большинство археологов полагает, что идея строить эти громоздкие гробницы распространялась вместе с неким морским народом, который отправился из Восточного Средиземноморья на поиски простых и драгоценных металлов; налицо явное совпадение между распределением памятников и районами их добычи. Предполагается, что эти путешественники древности основали торговые поселения или даже собственные династии там, где они нашли то, что искали, и распространили среди аборигенов присущий им культ мертвых и свои традиции архитектуры. В определенном смысле эта точка зрения кажется мне верной, но ни один из ее защитников не смог доказать, что эти искатели сокровищ и были индоевропейцами. Сирет называет их финикийцами, Пик именует «следопытами» и считает шумерами, Эллиот Смит ведет их происхождение от древних египтян, а Перри, развивая его взгляды, рассматривает их потомками дома фараона, «детьми Солнца». В таком случае приходится признать, что если идея возведения дольменов имеет восточное происхождение, то мореплаватели, которые способствовали ее распростране-

нию, никак не могли быть носителями индоевропейской речи.

Однако существует научная школа, которая утверждает, что истоки мегалитической архитектуры следует искать на севере или западе Европы, откуда она и распространялась в восточном направлении. Защитники теории североевропейской прародины индоевропейцев могли бы ухватиться за эту идею, так как она явно играет им на руку. Отмечалось, что мегалитические гробницы Скандинавии и Британии содержат исключительно материал неолитического времени; в Испании и на Кавказе в подобных гробницах находят изделия из меди, в то время как в Северной Африке и Индии среди погребального инвентаря встречаются и железные орудия. Кроме того, некоторые исследователи полагают, что скандинавские гробницы в типологическом плане являются самыми примитивными. На основании этого высказывались предложения полностью пересмотреть пути распространения дольменов и локализовать их первоначальный центр возникновения в Дании. Отсюда, как предполагается, высокие морские пираты с золотыми локонами, предшественники викингов, разместившись в прославленных долбленых лодках, отправлялись в Берберию и Индию. Вильке пытался доказать этот тезис, ссылаясь на близость некоторых типов керамики, а Кристиан, кажется, склонен был связать блондинов Ливии, известных египтянам и Геродоту, со строителями дольменов, прибывшими со скованного льдом севера. К сожалению, те аналогии, на которые указывает Вильке, выбраны произвольно из массы материала, причем без оглядки на их происхождение и датировку, поэтому они не вызывают доверия. Вместе с тем Хаддон отмечает, что дольмены не встречаются там, где светловолосые кабилы сохранились в наиболее чистом виде и где они наиболее многочисленны. В любом случае есть убедительные причины не связывать строителей дольменов — пришли ли они с севера или с юга — с индоевропейцами. Мегалитические памятники в Европе преимущественно располагаются на тех территориях, которые, по всеобщему мнению, оказались в зоне влияния индоевропейцев только в относительно позднее время, — Франция, Британия и Испания. В северо-западной части Африки и

в Палестине, как мы знаем, индоевропейцы не жили, и, наконец, в Индии дольмены расположены в тех областях, которые были завоеваны ариями в последнюю очередь; на севере дольмены вообще отсутствуют.

Из предшествующего анализа следует, что происхождение индоевропейцев или появление неолитической цивилизации в Европе с Азией не может быть доказано только на основании исследования форм черепов; брахицефализм не был присущ исключительно азиатам и не был характерной чертой индоевропейцев. В то же время мы познакомились с двумя группами населения, вполне возможно, что восточного (но не обязательно азиатского) происхождения, которые сыграли важную роль в деле распространения цивилизации на территории Европы, — носителями культуры колоколовидных кубков, которые прокладывали торговые маршруты во внутренних областях нашего континента, а также со строителями дольменов, морские предприятия которых, возможно, приобщили коренных обитателей побережья не только к культу мертвых, но и к некоторым другим достижениям цивилизации. Ни один из этих народов не принадлежал к числу индоевропейских и не был выходцем из Средней Азии. Но археологический материал из данной области, который в последнее время быстро накапливается, способен предоставить в наше распоряжение более надежные данные, чем простые измерения черепов. А на их основании можно будет построить и более достоверную теорию.

ВАЗОПИСЦЫ

На самой заре зарождения производящего хозяйства все еще неясные, но величественные контуры таинственной цивилизации, громадной по охвату территории, сыгравшей неоценимое значение для прогресса человечества, сегодня начинают появляться из тумана, который окутывает место действия, ранее скрытое последними отступившими к северу ледниками. Она возникает на пространствах от Желтого моря до Адриатики как первое проявление человечества, сделавшего большой шаг вперед, перейдя от со-

бирательства и охоты к производящим формам ведения хозяйства. Отличительной чертой, которая объединяет различные варианты этой цивилизации, является искусство вазописи. Кроме него можно отметить лишь немногие, если таковые вообще имеются, общие черты. Вазописцы везде возделывали землю, но пока не ясно, все ли они обладали домашними животными. На поселениях культуры Анау, в Туркестане например, остатки культурных растений обнаружены уже в самых ранних слоях, но кости домашних животных появляются гораздо позднее. Повсеместно на территории распространения их культуры вазописцы полировали камень и почти наверняка были знакомы с медью, но при этом характерные типы изделий, общие для всех ее областей, отсутствуют. У читателя может сложиться впечатление, что искусство расписывать вазы является единой связующей нитью, на которой держатся далекоидущие исторические выводы.

Однако стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. Открыть секрет искусства именно так раскрашивать глину стойкой несмываемой краской, что ее не только не мог уничтожить огонь, но под его воздействием она становилась даже еще прочнее, вряд ли можно было дважды. Одна вспышка гениальности в уме неизвестного нам изобретателя позволила сделать открытие, которое впоследствии породило искусство росписи аттических ваз и дултонского фарфора. С самого начала я должен отметить, что интересующая нас расписная керамика на всей территории своего распространения была далеко не однородна. В различных областях ее формы, техника изготовления, орнамент, назначение весьма разнятся между собой. При этом везде искусство росписи керамики появляется перед нами сразу в готовом виде, а затем, с эстетической точки зрения, в нем наблюдается только регресс. Тем не менее распространение этого великолепного искусства, я думаю, связано с распространением определенных культурных традиций, если не самих их носителей. Огромная территория ее охвата подразумевает наличие в этой культуре различных вариантов. Характерный для нее материал распространен вдоль 40° широты от 15° до 120° долготы! Раньше всего мы встречаемся с расписными горшками в кучах раковин и

прочего мусора, оставшихся от первобытных собирателей, живших на территории Японии.

Затем мы вновь встречаемся с ними в недавно открытой культуре Янь-Шао, получившей распространение в провинциях Гонань и Чай-Ли (Китай); далее к западу она встречается у истоков Хуанхэ в пограничных районах Каньшу (рис. 13). Далее нам придется пересечь теперь пустынные земли китайского Туркестана для того, чтобы вновь нащупать нашу нить в Прикаспии — на поселениях культуры Анау вблизи Мерва, в Хорасане и на реке Гельмунд в Сеистане. Наконец, преодолев большое белое пятно, мы вновь обнаруживаем целую цепочку центров распространения расписной керамики, которая начинается на Днепре возле Киева и тянется далее в Трансильванию, Болгарию, Фессалию и Южную Италию[1]. В то же самое время к югу от Кавказских гор расписные изделия появляются в Пенджабе, Белуджистане, Эламе, долинах Тигра и Евфрата, Каппадокии, Сирии, Палестине и в долине Нила. Подобное их распространение трудно понять с точки зрения современных природных условий Европы и Азии. Но за шесть или семь тысяч лет, которые прошли с тех пор, площадь пус-

Рис. 13. Расписные сосуды из провинции Хунань в Китае (по Андерсону)

[1] Крит, вероятно, из этого списка следует исключить, поскольку самая ранняя из найденной там керамики лишена росписи. Подобная традиция, по всей вероятности, попала туда из Египта, где она появляется гораздо раньше, или из Фессалии, где расписная керамика распространяется примерно в то же самое время, что и в самых ранних слоях Кносса.

Рис. 14. Расписные сосуды из слоя Сузы I

тынь и морей то сокращалась, то расширялась; то же самое можно сказать и о лесах. Некоторые поселения, например Анау, которое теперь находится в пустыне, или Петрени в бессарабской степи, ранее располагались в лесистой местности, и жившие в них люди охотились на диких кабанов. По всей видимости, создатели нашей культуры предпочитали жить на пустошах, окаймляющих леса, и избегали открытых пространств степи точно так же, как и пустынь.

В изменениях климата может таиться разгадка как причин, так и направлений миграций носителей этой культуры. Периодические засухи в Азии, изученные Элвортом Хантингдоном, были одним из тех факторов, который побудил человеческие коллективы, все еще находившиеся на промежуточном этапе между собирательством и зарождением производящего хозяйства, бродить из одного конца в другой пока еще слабо заселенного мира.

При этом распространение расписной керамики, даже самой ранней, в каждой области более ограничено во временном, чем в пространственном диапазоне. Удается выявить ряд последовательно сменявших друг друга культур, связанных с производством расписных изделий, которые существовали на одном поселении или группе поселений — два поселения в Сузах (Элам), четыре в Анау (Туркестан), два этапа в жизни поселения в Кукутени (Румыния) и на юге России в целом, два периода в Фессалии. Но далее искусство расписной керамики в нескольких областях начинает развиваться самостоятельно, причем в этом развитии не наблюдается никакой синхронности. В Эламе и в Египте сосуды начали раскрашивать примерно с 5000 года до н. э.; в Фессалии и на территории Украины, по всей видимости, не ранее 3000 года; самый ранний материал из Китая и закаспийских областей все еще надежно не датирован. Такие хронологические различия служат надежным предупреждением против поспешного отождествления подобной традиции с какой-нибудь одной этнической группой. За две тысячи лет могли произойти любые смешивания разных групп между собой. Процесс ее распространения, возможно, отчасти имел форму межплеменных заимствований. Все же в те отдаленные времена население земного шара было гораздо малочисленнее, чем сегодня, и еще меньше, чем в наши дни, напоминало единое целое, в котором культурные достижения могли бы свободно пропагандироваться. Известные нам данные о переселениях народов в древности заставляют нас придерживаться теории дисперсии нашего материала. Поэтому нет особой необходимости предполагать, что его распространению способствовала определенная этническая группа или группы.

Ответ на интересующий нас вопрос должен существенно помочь в решении проблемы локализации первоначального центра этого искусства. Упомянутые нами поселения удивительным образом группируются вокруг большого горного хребта, протянувшегося с востока на запад, который делит Евразию на две части. В настоящее время антропологи полагают, что тот же самый барьер разделял и области, где развивались две основные человеческие расы: к югу от хребта жили темнокожие евроафриканские долихоцефалы, а к северу от него — евразийские брахицефалы. Тогда решение только что поднятого вопроса должно заключаться в следующем: были ли первые мастера росписи ваз ев-

роафриканцами или евроазиатами? Сторонниками первой точки зрения, наряду со многими другими, являются Эллиот Смит и Перри, а второй — Кристиан и до некоторой степени Пик. На основании доступного для изучения краниологического материала едва ли можно сделать окончательные выводы. Черепа из захоронений, найденные при раскопках в Китае, Индии, Эламе и в Южной Месопотамии, пока еще не опубликованы. Ни одного захоронения взрослого человека рассматриваемого периода не обнаружено в Туркестане, на юге России или в Фессалии, и для этих областей мы должны положиться на случайные находки черепов или же скелетов младенцев, захороненных под полами помещений. Измерения существующего материала дают следующие результаты: младенцы из самого раннего поселения в Анау, жители Египта додинастического периода и мастера росписи ваз из Молфетты в Южной Италии принадлежали к долихоцефальному типу, классифицируемому Сержи как средиземноморский. Один из четырех черепов, найденных при раскопках в Болгарии, принадлежал, возможно, к последней стадии интересующей нас культуры. Вероятно, один из индивидуумов, найденных в Кукутени (Румыния), принадлежал к тому же самому типу. С другой стороны, два черепа из Болгарии, один из Кукутени и один из Левкаса в Западной Греции имеют явно брахицефальные признаки. Наконец, на первых двух из упомянутых поселений и на одном из поселений в Фессалии были найдены мезоцефальные черепа, причем череп из Болгарии принадлежал высокому мужчине, что может указывать на присутствие там неких этнических компонентов с севера.

Эти скудные данные показывают, по крайней мере, что, независимо от того, распространялся ли интересующий нас материал с помощью миграций населения или нет, это происходило не в этнологическом вакууме. Смешение различных групп населения, о возможности которого мы говорили выше, подтверждается материалами из Румынии и Болгарии. Наличие общих черт в скелетных остатках подтверждает ту точку зрения, что центр, из которого распространилось искусство росписи керамики, лежал к югу от цепи евразийских гор и что его носителями были пред-

ставители евроафриканской расы. Потомки этого народа все еще проживают не только в Индии и Иране, но и в средиземноморских странах. В то же самое время необходимо помнить и о том, что в Эламе в самый ранний период его истории проживал полунегроидный или негроидный народ, и доктор Кристиан склонен приписывать этому элементу ножи изогнутой формы, типа тех, что были найдены в Анау и в культуре Янь-Шао, и до сих пор бытующих в Малайзии и Судане. Тем не менее из этого отнюдь не следует, что именно в долине Нила зародилось искусство вазовой живописи. Египет находится на западном краю области ее распространения, далеко от ее центра. И при этом не обеспечивается тот баланс между производством продовольствия и простой охотой, которая должна была постулироваться, чтобы объяснить распространение искусства, И наконец, большие различия, которые мы можем наблюдать от поселения к поселению в формах керамики, технике ее изготовления, а также в других компонентах материальной культуры, — и особенно отсутствие вне Нильской долины в додинастический период специфических форм керамики, присущей египтянам техники шлифовки кремня или же весьма характерного для них, имеющего форму диска, навершия булавы, — исключают предположение о том, что все ее группы произошли именно оттуда.

Рис. 15. Раскрашенная ваза из слоя Сузы II

Исходя из известных нам данных, мы должны, по всей видимости, искать первоначальный центр ее распространения в Азии. Сузы, вероятно, расположены ближе всего к нему. Профессору Миру удалось раскопать там поселение охотников, только что перешедших к занятиям земледелием. Однако изделия и формы керамики из Суз не могут являться прототипами всех остальных. Мы должны продол-

жить поиски в другом месте, и здесь необходимо упомянуть о том, что профессору Обермайеру удалось проследить в Индии типологический ряд, ведущий от грубого «ручного топора», используемого человеком эпохи палеолита, к полированному «неолитическому» кельту.

Теперь мы имеем возможность задаться вопросом, который мог бы оправдать включение этого длинного экскурса в данную работу: было ли связано на первоначальном этапе распространение традиции расписывать керамику полностью или хотя бы частично с индоевропейцами? Несомненно, только что описанная цивилизация, хотя и в самых общих чертах, является одной из связующих нитей между теми территориями, которые индоевропейцы занимали в Азии и Европе. Все же в целом мастера росписи ваз не могли быть индоевропейцами. Так, например, древние египтяне принадлежали к совершенно другой языковой семье. Однако это не окончательный ответ на наш вопрос. Хотя в целом носители традиции расписной керамики не были индоевропейцами, они могли смешаться с индоевропейцами, например в Центральной Азии, и уже оттуда прийти в Европу в качестве таковых.

Азиатские поселения, где появляется расписная керамика, на самом деле находятся вблизи самых ранних центров, где появляются индоевропейцы. На одном из иранских диалектов, согдийском, говорили в Ганьсу в III столетии н. э.; этот же самый китайский район находится не очень далеко от владений тохаров. Мы уже отмечали значение новых открытий в Пенджабе, и теперь мы можем подчеркнуть значение неопубликованных находок с берегов Гельмунда в Сеистане, где могла располагаться Airyanam vaejanh. В Иране и Закаспийском регионе район распространения интересующей нас керамики совпадает с территориями, на которых возникла самая ранняя иранская культура. Наконец, юг России многими исследователями рассматривается как первый центр европейских индоевропейцев. Кроме того, мы пытались доказать, что предков эллинов следует искать в Фессалии.

И не только это; мастера росписи ваз, подобно индоевропейцам, владели искусством обработки меди, а по материалам из Анау выясняется, что этот же самый народ приручил

азиатского быка, азиатского уриала (барана таджикского), который станет основной породой овец «неолитической» Европы. И наконец, самый весомый аргумент из всех заключается в том, что пустынная лошадь, которая, согласно Дорсту, была одомашнена первой из скаковых лошадей, стала предком всех лошадей, распространившихся в бронзовом веке на территории Европы и Ближнего Востока. Эти животные были известны первым индоевропейцам, и вполне вероятно, что они появились в юго-восточной части Европы точно так же, как и искусство металлургии и росписи керамики, вместе с переселенцами из Средней Азии. Таким образом, расписная керамика оказывается важным связующим звеном между Европой и теми областями Азии, где некогда звучала индоевропейская речь. Роспись на керамике, по крайней мере в Закаспии и на юге России, изображает животных, характерных для индоевропейцев.

Однако это не означает, что наши поиски можно считать законченными. Устранив из нашего обзора расписную керамику Египта и Ханаана, мы стали немного ближе к единой в своей основе культуре. Эта культура, взятая в целом, оказала влияние на другие группы населения в Азии и Европе. Кроме того, как выясняется, некоторые домашние животные были общими как для Европы, так и для некоторых частей Азии. Как только мы покидаем область абстрактного единства, полученного путем всемерного преувеличения значения художественного оформления керамики, и вместо этого приступаем к рассмотрению конкретных культур, бессмысленность всего построения становится очевидной. При более пристальном рассмотрении целостная картина распадается на ряд составляющих. В то же самое время влияние чужеродных культур, о которых мы упоминали в главе 1, например минойцев Крита или исторических шумеров, не могло не оказать на них своего воздействия. Не вдаваясь в подробности керамического производства, так превосходно изложенные в монографиях Франкфорта, выскажу всего несколько замечаний.

Начнем с территории Европы, а точнее говоря, с области, расположенной между Днепром и Альпами, включая территорию Болгарии, где сложилась единая культурная провинция, к которой с небольшими оговорками можно

отнести и южную часть Италии, но при этом древнейшая культура Фессалии не имеет никакого отношения к северобалканской группе. Формы, техника изготовления и орнаментация ранней неолитической керамики Северной Греции и Трансильвании коренным образом различаются между собой. Нетрудно заметить разницу на примере материалов из Фессалии, когда северобалканская культура и характерная для нее керамика проникают в ее восточную часть во второй неолитический период. На севере керамика толстостенная и лишена ручек, тогда как на юге сосуды очень красивы и имеют по нескольку изящных ручек. На севере основными орнаментальными мотивами являются спираль и меандр, обычным является использование нескольких цветов; в Фессалии сосуды украшены орнаментом в виде простых полос и окрашены только в один цвет. Имеется еще несколько общих черт, характерных для обеих областей, помимо росписи сосудов: женские статуэтки из глины изготовлялись по обеим сторонам балканского хребта, общими являются также несколько типов кельтов; высушенные на солнце кирпичи также, возможно, использовались в обеих областях при строительстве. Случайно найденную каменную печать из Фессалии можно сравнить с глиняными печатями из Трансильвании и Болгарии. Но при этом типы статуэток совсем не идентичны, и здания с длинными портиками, характерные для Трансильвании, так и не появились в Греции.

Если предположить наличие связей между любой из этих европейских групп и Азией, исследователь окажется в затруднительном положении. Восточный материал делится на несколько различных культур. Культура Анау не более тесно связана с Сузами, чем с додинастическим Египтом. Культура Сузы I по отношению к ранней расписной керамике, найденной в Бушире на берегу Персидского залива и в Южной Вавилонии (Ур), представляет другую отличную группу, к которой, возможно, следует также отнести Белуджистан и Индию. Культура Сузы II, с другой стороны, по набору присущих ей керамических форм ближе всего связана с Северной Месопотамией и даже с территорией Палестины и Сирии, но существенно отличается от своей предшественницы — культуры Сузы I (ср. рис. 14 и 15).

Связана ли с ними расписная керамика из Китая, до сих пор не ясно. Две европейские группы обнаруживают наличие контактов со всеми этими азиатскими группами, но ни с одной из них они не были связаны теснее, чем с любой другой.

В Анау первые поселенцы действительно жили в кирпичных постройках, аналогии которым можно найти в некоторых европейских поселениях точно так же, как в Сузах и Индии. Кроме того, подобно жителям Фессалии, носителям некоторых ранних палестинских культур и жителям эгейского острова Мелос, они хоронили детей в больших сосудах под полами зданий. Но они не изготовляли никаких статуэток, не использовали штампов или глиняных печатей, не были знакомы со спиральным орнаментом; присущие им приемы изготовления керамики и набор ее форм весьма существенно отличаются от тех, которые получили распространение в Фессалии или в Северобалканско-Украинском регионе. В то же самое время они и все другие азиатские культуры с расписной керамикой, за исключением Китая, использовали полированные грушевидные или сфероидальные каменные навершия булав, которые были неизвестны в Юго-Восточной Европе в интересующий нас период. С другой стороны, если мы обратимся к материалам из третьего поселения в Анау (всего их было четыре в оазисе), то здесь европейские параллели являются более многочисленными; среди них выделим женские статуэтки, а также глиняные и каменные печати. Но к этому времени другие связи, которые объединяли Европу и Закаспийский регион, распались; верблюд в то время был уже одомашнен (он появляется даже на втором поселении Анау), расписная керамика становится редкой, в тот период преобладают одноцветные вазы, сделанные на гончарном круге.

Но женские статуэтки, печати и глиняные штампы появляются в Анау совместно с другими инновациями, которые имеют южное происхождение. Очевидно, именно с южным влиянием связано появление там имевшего форму полумесяца медного серпа с креплением в виде петли, подобного тому, что представлен на рис. 16, 1. Он находит аналогии в Кише, что в Вавилонии, и в Эламе во второй период, причем он изготовлен из того же сплава меди со

свинцом, который был характерен для шумеров. Вероятно, распространение гончарного круга также было связано с влиянием этих же областей. Но некоторые находки свидетельствуют о том, что влияния на культуру Анау шли и с юго-запада. Это утверждение, бесспорно, имеет отношение к булавке, заканчивающейся двойной спиралью, — троянско-кикладского типа — и к кувшину со сливом в виде изогнутого клюва, который обязан своим появлением если не влиянию Крита, то, по крайней мере, влиянию анатолийских традиций. Печати и статуэтки, возможно, также попали в Анау из тех же самых областей и оттуда же — в Европу. Фактически глиняные печати встречаются не только в Каппадокии, но также и в Трое, где керамику не раскрашивали. Следовательно, отнюдь не обязательно предполагать переселение части населения из Анау на третьей стадии существования этой культуры, чтобы объяснить европейские аналогии. Кроме того, подобные предположения кажутся весьма маловероятными как с точки зрения палеолингвистики, так и хронологии. Если какие-нибудь переселения и связывали Анау с западом, то, скорее всего, они шли в противоположном направлении, поскольку это поселение в целом датируется 2-м тысячелетием до н. э. При его раскопках находили полусферические пуговицы с петлей на внутренней части — это древний европейский тип, который вскоре появится на Кавказе наряду с другими бесспорно европейскими предметами.

Другие отдельные аналогии с европейским материалом можно найти в других азиатских культурах, но они всегда слишком немногочисленны. Спирали можно встретить в Армении, Пенджабе, в Закаспийском регионе и в области Хунань Китая (рис. 13), но ни в одном из этих случаев бегущая спираль не составляет основу орнамента, как в Трансильвании и на Украине. Меандр, который также, наряду со спиралью, встречается в двух последних областях, в Азии пока отмечен только в Ганьсу (Китай). С другой стороны, натуралистические мотивы характеризуют азиатскую керамику из Элама (рис. 15), Сирии и Ганьсу, но в Европе они лишь эпизодически встречаются среди геометрического орнамента во второй культурной фазе на Украине. Наоборот, росписи высоких подставок для сосудов и

сосудов на подставках, формы которых восходят к древнейшим образцам Северных Балкан, имеют убедительные аналогии в Месопотамии, но среди культовых изделий, которые могут быть шумерскими и никак не связаны с расписной керамикой. Кроме того, они встречаются без орнамента в Трое. Опять-таки сосуды в виде животных, найденные вместе с расписной керамикой в Европе, встречаются в Сузах и в Пенджабе; вероятно, истоки этой традиции следует искать в восточной части Малой Азии и на Кавказе.

В заключение упомяну о некоторых необъясненных параллелях между Китаем и Юго-Восточной Европой. Некоторые сосуды с ножками в виде треноги из Южной России (возможно, не старше второго периода) находят точные аналогии на китайских поселениях, но при этом не удается найти связующего звена между ними. Кроме того, жители ранних сельских поселений Китая носили бусы из раковин мидий, подобные украшения найдены совместно с расписной керамикой в Белуджистане и в Фессалии, тогда как доисторические каменные браслеты Китая имеют параллели в Египте, Фессалии и Италии.

Как нам представляется, уже достаточно было сказано для того, чтобы продемонстрировать тот очевидный факт, что попытки выкристаллизовать из общего комплекса, в котором встречается и расписная керамика, единственную и специфическую группу, общую для Европы и Азии, ведут в тупик. Мы можем все еще полагать, что искусство росписи керамики попало в Европу из Азии, и, возможно, даже с большей уверенностью, чем прежде, но мы не можем выделить какую-либо одну евроазийскую культуру, к тому же отличную от евроафриканских или афроазиатских культур. Так что мы вновь возвращаемся к тому абстрактному единству, с которого мы и начали наше исследование, и к тем же самым его гипотетическим носителям. В настоящее время у нас нет никаких оснований считать предков этих мигрантов в этническом или культурном плане индоевропейцами. С другой стороны, удается установить, что их наследники в нескольких случаях смешивались с неиндоевропейскими народами.

Это, очевидно, имело место в додинастическом Египте. Хотя их потомки и сохранились в исторические времена,

они не оставили никаких следов индоевропейской речи в египетском языке. Относительно самых ранних мастеров росписи ваз из Суз I и Южной Месопотамии мы не можем утверждать то же самое с той же уверенностью. Поттир склонен видеть в последних протоэламитов, в то время как доктор Холл все еще думает, что самым ранним доисторическим народом, населявшим Ур, возможно, были шумеры. Франкфорт не согласен с этими утверждениями, и его аргументы вызывают доверие. Этническая принадлежность жителей поселения Анау I нам неизвестна. Но население Суз II связано многочисленными нитями с древним населением, которое оставило свой след в дошумерских слоях Ашшура, в Каппадокии и в Северной Сирии и чей художественный стиль сохранился в Палестине, как М. Винсент недавно продемонстрировал в так называемом «втором семитском» периоде, который выделяет профессор Макалистер. То есть эта культура и эта расписная керамика принадлежали населению горной области, окружающей Плодородный Полумесяц на севере. Оставим в стороне вопрос о том, должно ли это население назваться «семитским», или же, скорее, это были малоазийские «протохетты» — некоторые представители этого народа носили косички, а подобный атрибут прически, как мы уже знаем, получил распространение среди хеттов. Для нас достаточно констатации того факта, что клинописные тексты не упоминают о присутствии индоевропейцев в этих областях в ранний период распространения расписной керамики или, как в случае с Палестиной, сообщают только как об отдельных пришельцах в эту сугубо семитскую область. Что касается китайской керамики, черепа, найденные вместе с ней, весьма напоминают, по утверждению Дадли Бакстона, «современные черепа населения Северного Китая», а сосуды на треногах, кажется, представляют собой прототипы треног из бронзы, получивших распространение во время ранних китайских династий.

Если большинство из самых ранних народов, расписывавших свою керамику, не были индоевропейцами, то весьма маловероятно, что изобретатели этого искусства, которые жили в Европе или переселились туда, также были индоевропейцами. Этот вывод подкреплен несколькими соображениями. Многочисленные женские статуэтки, найденные в Юго-Восточной Европе, указывают на существование там культа Богини-Матери, от которого в индоевропейской культовой терминологии не сохранилось никаких следов. Основой экономики носителей культур расписной керамики было сельское хозяйство, даже если вызывает сомнение наличие у жителей Суз I домашних животных — для индоевропейцев это был не основной источник пропитания. Важнейшее место среди домашних животных у носителей культур расписной керамики занимали свиньи; факт приручения свиньи индоевропейцами в это же самое время вызывает сомнение.

Идея, что распространение расписной керамики в Евразии было делом рук индоевропейцев, остается весьма привлекательной гипотезой. Однажды она будет опровергнута или подтверждена в ходе дальнейших раскопок в Иране и Средней Азии. Но пока вся совокупность имеющихся у нас данных свидетельствует против нее. Пока же в поисках ответа на интересующий нас вопрос мы обратимся к другим находкам, которые с большой долей вероятности могут быть связаны с индоевропейцами.

Хотя попытка объявить этих переселенцев из Азии индоевропейцами была ранее отклонена, следует отметить их роль в формировании цивилизации в Европе. Во-первых, было ли две волны переселенцев? Это, казалось бы, подразумевается различиями между первой неолитической культурой на территории Фессалии и на севере Балкан. Вместе с тем первая волна не оставила никаких следов своего пребывания ни на западном побережье Анатолии, ни на юге России. Пока еше нельзя исключать вероятности того, что две различные культуры принадлежали различным частям одного и того же народа; особенности более северной группы можно объяснить смешением с другой этнической группой, которую мы будем называть дунайской. Мы должны в любом случае предположить, что переселенцы, которые утвердились на Украине, в Трансильвании и в Болгарии, прибыли туда сухопутным путем из Средней Азии. Это не обязательно подразумевает, что они путешествовали по степям к северу от Каспия и Кавказа. Имеется и другой маршрут из Средней Азии, пролегающий к югу от Кавказского хребта через долины Куры и Рио-

ни (древнего Фасиса), а затем вдоль побережья Черного моря. Расписную керамику находили в Крыму, а в долине Аракса встречается керамика, роспись которой больше, чем любая другая из известных автору, напоминает ту, которая получила распространение в Европе и Азии, хотя она, очевидно, относится к более поздней эпохе. Факт признания переселения через эти долины помог бы объяснить близкие аналогии между культурой, принесенной в Европу, и той, что процветала в Северной Месопотамии. Безотносительно к тому, каким маршрутом следовали переселенцы, они только начали оседать на землю, когда достигли чрезвычайно плодородных лессовых земель — теперь пояс «чернозема», раскинувшийся между окраиной леса и западной границей степи (по ней следовали и другие кочевые народы).

Здесь, в долинах Днепра, Буга, Днестра, Прута и их притоков, они основали свои поселения, возделывали исключительно плодородную землю и, вполне вероятно, добавили к тем домашним животным, которых они привели с собой, еще и местную породу дикой свиньи. Они очень рано пересекли Карпаты, чтобы заселить истоки Альта в Трансильвании. И таким образом, они принесли с собой «неолитическую» цивилизацию в Центральную Европу. Однако крайне маловероятно, что они нашли эти области абсолютно пустынными, — есть признаки того, что они очень рано стали смешиваться с представителями других культур. Брахицефалы, наличие которых засвидетельствовано находками вышеупомянутых черепов из Болгарии и Румынии, возможно, преобладали среди первых мигрантов из Азии. Но некоторые особенности материала с Украины, Трансильвании и Болгарии, среди которых выделяется спиральный орнамент на керамике, позволяют нам предполагать, что эти азиаты смешались там с другими племенами, принадлежавшими к средиземноморской расе и стоявшими на более низкой ступени развития. С ними нам еще предстоит познакомиться ближе. Несколько позднее становятся заметными и признаки северного влияния на носителей культуры расписной керамики. Наконец, в Трансильвании эти земледельцы и скотоводы нашли в земле золото, и, возможно, наличие этого богатства позволило им установить торговые отношения с Эгеидой, Анатолией и даже

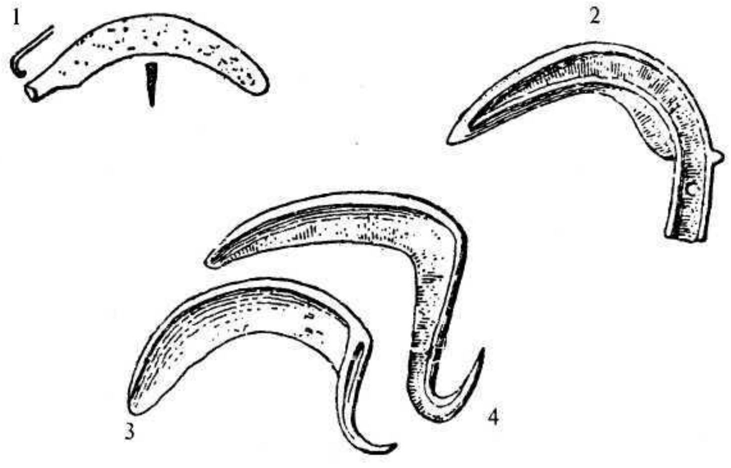

Рис. 16. Типы серпов: *1* — Месопотамия (Троя VI); *2* — Европа (Швейцария); *3* — Трансильвания; *4* — Кавказ

с Месопотамией и Египтом; эта цивилизация на берегах Альта рано расцвела и почти подошла к этапу возникновения городских центров.

Однако культура носителей расписной керамики в этой области оставалась по сути своей азиатской; даже в бронзовом веке здесь применяли серп, тип которого отличался от других европейских образцов. Его прототипом послужил серп в виде полумесяца с петлеобразной ручкой, который мы встречали в Эламе, Туркестане и Вавилонии (рис. 16). В конечном итоге замечательные цивилизации Юго-Восточной Европы были поглощены более западными культурами.

КАВКАЗ И ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В ЕВРОПЕ

Есть еще одна стадия культурного развития, в которой влияние переселенцев из Средней Азии, по мнению ряда исследователей, не вызывает сомнения, — изобретение выплавки железа. Некоторые из них склонны приписывать внедрение нового металла именно индоевропейцам, другие

полагают, что его принесла с собой последняя волна индоевропейских переселенцев из Азии; последних де Морган совершенно конкретно назвал кельтами.

Можно ли на самом деле доказать, что достижения железного века в Европе были принесены индоевропейскими переселенцами из Средней Азии, даже более конкретно — последней волной этой миграции? Общий тезис о его центральноазиатском происхождении будет рассмотрен. В конце концов, только в железном веке присутствие индоевропейских народов в Европе — эллинов, римлян, кельтов — не вызывает сомнения.

Сегодня считается общепризнанным, что самые ранние центры выплавки железа в крупных масштабах находились где-то в царстве хеттов, в северной части Малой Азии. В это же самое время цивилизация раннего железного века Центральной Европы, так называемая гальштатская культура, обнаруживает такие черты сходства с цивилизацией раннего железного века Кавказа, что их можно объяснить только переселением части населения с одного конца дунайско-южнорусской равнины на другой. Теперь установлено, что гальштатская культура принадлежала кельтам и иллирийцам и распространялась ими по территории Европы. Более того, культура геометрической керамики раннего железного века на территории Греции и культура вилланова на севере Италии, как мы уже говорили, по мнению некоторых исследователей, имели очень близкие связи с гальштатской культурой, что связывает их соответственно с эллинами и италиками. Если удастся доказать связи между Кавказом и Центральной Европой, причем зависимость последней из этих областей от первой, то факт восточного влияния на них можно будет считать почти доказанным.

Аналогии между материалом, найденным во время раскопок большого могильника, который исследовали Байерн, Вирхов и Шантре в Кобани, расположенной на дороге через Кавказ от Владикавказа до Тбилиси, и тем, что был обнаружен в некрополе гальштатской культуры в Верхней Австрии и других местах Центральной Европы, являются весьма многочисленными и точными. Но они распадаются на две совершенно отличные друг от друга группы. На

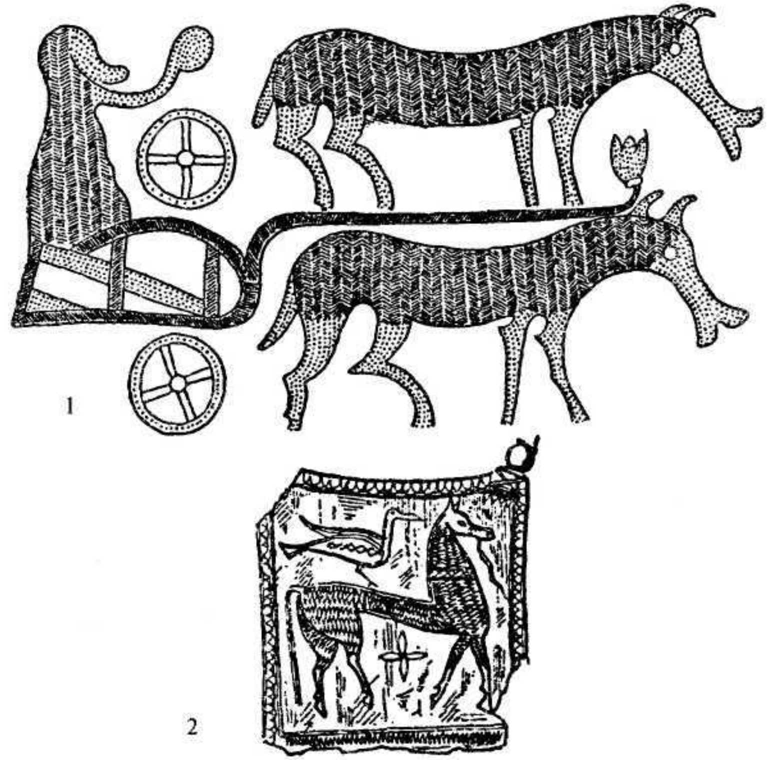

Рис. 17. Гравировка на бронзовых изделиях эпохи раннего железного века: *1* — пластина из Закавказья; *2* — пластина греческой фибулы

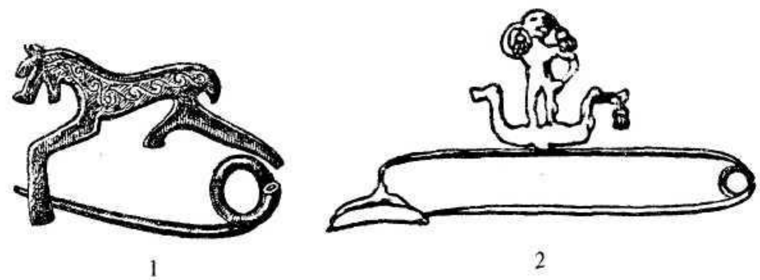

Рис. 18. Броши раннего железного века: *1* — кобанская культура; *2* — суессуола, Италия

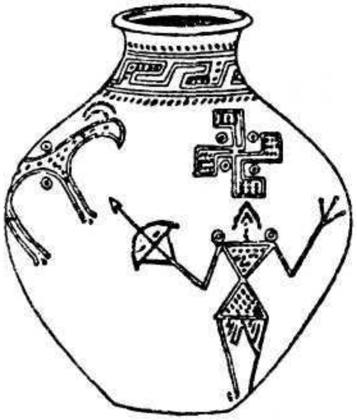

Рис. 19. Сосуд раннего железного века. Еленендорф, Закавказье

Кавказе мы находим, с одной стороны, предметы, которые встречаются на Западе в галльштатских и других современных им некрополях раннего железного века, а также другие типы вещей, которые в Европе встречаются в более ранний период, в эпоху среднего или даже раннего бронзового века. Такая двойственность едва ли совместима с доктриной односторонней зависимости Запада от Востока.

Сначала рассмотрим первую группу. Носители как кобанской, так и галльштатской культуры были великолепными наездниками; можно найти много примечательных соответствий в конской упряжи, обнаруженных в могильниках обеих культур. Особо хотелось бы обратить внимание на подвески, часто имевшие форму колокольчиков. Воины как кобанской, так и галльштатской культуры использовали особые бронзовые или железные мечи с выделяющейся рукояткой, заканчивавшейся навершием в форме полумесяца (рис. 25, 6).

Археологи называют такое оружие «антенновидными мечами». В отдельных случаях эфесы мечей в обеих областях были снабжены пластинами с рельефными украшениями. Но наиболее характерную общую для них черту следует искать в сфере искусства: в обеих областях поразительный декоративный стиль характеризует глиняную посуду и изделия из металла.

Причудливые животные — лошади, собаки и даже люди — запечатлены на бронзовых пластинках, украшавших ободы колесниц, вырезаны или нанесены краской на сосудах (рис. 19—21). Даже броши (фибулы) изготавливались в виде собаки или лошади (рис. 18). В то же самое время этому искусству были чужды пустые пространства, свобод-

Рис. 20. Сосуды раннего железного века. Лангенлебарн, Нижняя Австрия (галльштатская культура)

ное место между натуралистическими сценами на пластинках и сосудах заполнялось орнаментом в виде свастик, меандра, спиралей и концентрических кругов. Было бы легко дополнить список аналогий, но достаточно уже и того, что было сказано, чтобы обнаружить близость этих двух культур. К этому следует добавить, что кобанская культу-

Рис. 21. Сосуд раннего железного века. Греция (дипилонский стиль)

ра имеет несомненные черты сходства — стеклянные бусы, техника работы на бронзовых пластинах, стиль инкрустирования эфесов и пластин пояса цветной эмалью и некоторые типы кинжалов — с культурами Южного Кавказа и хеттов. Последние, очевидно, изобрели технологию выплавки железа, а звериный стиль является наследием более древней местной традиции. Принимая все это во внимание, следует признать, что идея о том, что гальштатская культура проникла в Европу с Кавказа, кажется неопровержимой.

И все же анализ всех фактов опровергает подобный вывод. Во-первых, материалы кобанской культуры объясняют происхождение только части вещей железного века Центральной Европы, оставляя в стороне Грецию и Италию. Например, у носителей гальштатской культуры наиболее типичным оружием был очень длинный меч с лезвием, предназначенным для рубки, в Европе этот тип встречается еще в эпоху среднего бронзового века (XIV—XIII века

до н. э.). На Кавказе мечи были, как правило, короткими — в длину не более 60 см — и обычно предназначались для колющих ударов. Опять-таки в Центральной Европе самой распространенной формой топора был «клювообразный кельт», который насаживался на изогнутое топорище. Этот тип отсутствует на Кавказе, где использовались топоры с более широким лезвием. Кроме того, гальштатские броши принадлежат к другим типам или же к более раннему этапу развития тех же самых типов, которые использовали и носители кобанской культуры.

Во-вторых, некоторые из тех явлений, о которых мы упоминали, появляются в Европе не на Дунае, а в Греции, что намного ближе к нему, чем Кавказ, и гораздо раньше, чем в кобанской культуре. Таким образом, железо вошло там в употребление в позднемикенский период совместно с простой фибулой, напоминавшей по виду смычок скрипки (рис. 8, 2—3); в кобанских могилах самый ранний тип фибул имел форму дуги (рис. 8, 4). Те же самые замечания относятся и к некоторым декоративным мотивам — этот список легко можно продолжить.

Но в-третьих, кобанская культура в гораздо большей степени зависела от европейской цивилизации бронзового века, чем железный век Европы, как можно было бы предположить, зависел от нее. То есть в кобанской культуре полностью сформировался целый ряд типов, развитие которых может быть прослежено в Европе, и нигде больше. Например, один тип кобанских кинжалов с бронзовой рукояткой, в месте соединения с которым лезвие имеет полукруглую форму, очевидно, представляет собой подражание «итальянскому» кинжалу (рис. 12, 4). Он получил распространение по всей Центральной Европе, проникая в раннем бронзовом веке (1700—1400 годы до н. э.) на восток вплоть до территории Литвы. Наиболее поразительной является находка бронзового меча этого типа в Муши-Эри, как раз к югу от территории распространения кобанской культуры. Рукоятка меча была составлена из чередующихся бронзовых и костяных колец (рис. 25, 7). Меч точно такого же типа был найден в Дании и относится к эпохе среднего бронзового века (1300 год до н. э.). Опять-таки вся серия украшений из кобанских могил — особенно руч-

ные браслеты с расходящимися концами или заканчивающиеся с двух сторон спиралями или двойными спиралями, широкие нарукавные браслеты из бронзы с четырьмя или пятью горизонтальными полосками на внешней стороне, украшенные орнаментом в виде цилиндров и спиралей, — встречаются в Венгрии, Силезии и Дании в эпоху среднего бронзового века, а некоторые даже и в эпоху раннего бронзового века. Также и булавки кобанской культуры, у которых ствол расширяется кверху, образуя широкую плоскую головку, являются только одним из вариантов того типа, который был известен в Венгрии уже в конце раннего бронзового века (до 1400 года до н. э.).

Все эти типы вещей и еще многие другие появляются на Кавказе в полностью сформированном виде, тогда как в Центральной Европе можно проследить несколько этапов их развития. В то же самое время кавказские находки датируются относительно западных материалов на основании находок фибул. Наиболее простые из них имеют вид полукруглой арки (подобно представленной на рис. 8, 4). Это вторичный тип в Европе, относящийся к эпохе позднего бронзового века, а в Греции к концу ахейского периода, и поэтому его следует датировать периодом времени не ранее 1200 года до н. э. Более древний тип, напоминающий смычок скрипки (рис. 8, 1—3), относящийся к эпохе среднего бронзового века в Европе и к микенскому периоду в Греции (1300 год до н. э.), не представлен среди материалов кобанской культуры. Следовательно, второй класс кавказско-дунайских параллелей представлен типами, которые появляются гораздо раньше в Центральной Европе, чем в кобанской культуре. То есть они попали туда с Запада, а не наоборот. И чтобы в этом отпали уже всякие сомнения, упомянем о том, что немного янтаря (вероятно, балтийского происхождения) было найдено в кобанских могилах.

Но и это еще не все. К югу от территории распространения кобанской культуры в ряде могильников были найдены материалы кобанской культуры более позднего этапа ее развития. Например, фибулы, которые являются дальнейшей эволюцией кобанских типов, иногда напоминая специфический местный вариант, в котором булавка является отдельным элементом и ее надо было просовывать

через два отверстия в дужке. На этих более южных памятниках влияние культур Центральной Европы менее очевидно, но все же в ряде случаев ощутимо. Например, именно из этой области сюда попал «датский» меч, а также глиняный кувшин с ярким орнаментом, который весьма напоминает некоторые сосуды эпохи позднего бронзового века из Баварии. Все это позволяет нам предположить, что некоторые элементы попали в кобанскую культуру с северо-запада и впоследствии продвинулись далее в том же самом направлении в сторону Закавказья.

Поэтому нет больше никаких причин предполагать, что кельты или любой другой индоевропейский народ переселились с Кавказа в Центральную Европу. Впрочем, призрак этой идеи все еще посещает Пика. Этот автор соглашается с тем, что кобанская культура в значительной степени сложилась под влиянием традиций, принесенных из Центральной Европы неким населением, которое он считает индоевропейцами. Вместе с тем он полагает, что часть его возвратилась с Кавказа к себе на родину и принесла с собой гальштатскую культуру в долину Дуная. Он наивно считает, что эта часть населения, восхищенная железом, которое показали им аборигены, живущие в долинах Кавказа, бросилась обратно, преодолев 1800 миль по степи, чтобы показать эту диковинку своим «родственникам» в Венгрии. Это трудно доказать. Некоторые народы, например готы, которые достигли Кавказа с Запада, кажется, так и остались там. Население кобанской культуры, очевидно, в конечном итоге переселилось за Кавказский хребет.

Остается выяснить еще один вопрос: предполагает ли наличие аналогий между кобанской и гальштатской культурами существование между ними прямых контактов. Я не думаю, что нужно ставить вопрос о прямом влиянии гальштатской культуры на кобанскую. Большинство европейских типов в области распространения последней появляются еще до эпохи железного века, и некоторые из них отсутствуют в погребениях эпохи железного века на Западе. С другой стороны, поскольку признано, что кобанская культура имеет корни в центральноевропейских культурах бронзового века, становится ясно, что многие типы вещей, общие для кобанской и гальштатской культур, имеют об-

щие прототипы, восходящие к более древнему периоду. Например, любопытный тип тесла с боковыми гранями, найденный в погребениях обеих культур, известен в рудиментарной форме в эпоху раннего бронзового века в долине Заале, а в эпоху энеолита — в Италии. Опять-таки полые полусферические бронзовые пуговицы с петлей на внутренней стороне, которые носили как представители гальштатской, так и кобанской культуры, найдены в Венгрии в слоях, которые барон фон Миске относит к раннему бронзовому веку. Таким образом, подобные черты сходства в значительной степени объяснимы как результат параллельного развития единой в своей основе культуры в разных областях.

Остальные черты сходства можно отчасти объяснить как результат влияний на обе области из общего центра. Искусство выплавки железа, несомненно, попало к населению кобанской культуры через Кавказский хребет из Малой Азии. У нас есть все основания полагать, что оно пришло в Европу из того же самого региона. Мы ранее уже высказывали предположение, что оно попало в Грецию из Анатолии. И так как торговля янтарем в то время уже существовала, сведения о новом металле, возможно, распространились через Адриатику в Центральную Европу благодаря наличию торговых связей. Весьма примечательно, что самые ранние центры производства железа в Европе возникли как раз вдоль «янтарной дороги». Но если это так, то другие общие явления, например выплавка украшений из металла, могли попасть в гальштатскую и кобанскую культуры независимо друг от друга из общего центра в Малой Азии или Ассирии. Влияние этих областей заметно в эпоху раннего железного века как в Греции, так и в Италии, и наиболее компетентные исследователи считают, что гальштатская культура существовала позднее, а не ранее геометрического периода в Греции или первого этапа культуры вилланова в Италии. Типичная гальштатская птица имеется на кубке из «клада» в Тиринфе; возможно, что эта находка отмечает ее место отдыха в ходе перелета из своего восточного гнезда в Центральную Европу.

Так что распространение искусства выплавки железа в Центральной Европе, как и металлургии вообще, произошло благодаря торговле. При этом единственный известный

нам этнический поток между Кавказом и долиной Дуная, как предполагается, двигался с Запада на Восток. В этом случае нам необходимо помнить, что пространства Южной России в то время не были необитаемой пустыней. Мы позднее увидим, что они были заняты кочевым населением, которому самой судьбой было уготовлено стать посредниками в передаче культурных достижений между Западом и Востоком.

ВОЗМОЖНОСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ПЛОСКОГОРЬЯ

Данные археологии оказались не в состоянии обеспечить ожидаемую поддержку теории о центральноазиатской колыбели индоевропейцев. Но есть другой уголок Азии, который также может претендовать на то, что именно он послужил тем этническим резервуаром, из которого выплеснулась часть неолитического населения Европы, и среди них, возможно, были индоевропейцы. Среди антропологов этой страны недавно наметилась тенденция выделять на плоскогорьях Малой Азии область, населенную брахицефальной альпийской расой. В то же самое время открытие индоевропейских языков групп сатем и кентум на окраине анатолийского плато побудило профессора Сэйса выдвинуть теорию, что колыбель индоевропейских народов находилась не в Средней Азии, а в Малой Азии.

В настоящее время можно предполагать несколько волн переселений из этой области в Центральную Европу. Согласно профессору Майрсу, первые переселенцы в горные области Европы, которые пришли туда из Малой Азии, принесли с собой основы сельского хозяйства и обычай сооружать свайные постройки на берегах озер и болот. Как известно, такие свайные поселения характерны для неолита Швейцарии и Баварии. Профессор Майрс может указать на наличие такого же типа построек в Македонии и на Кавказе в исторические времена. Кроме того, альпийские приозерные жители были брахицефалами. Однако я не могу согласиться с тем, что идея свайных построек была обязательно принесена из Азии, а также с тем, что это подтвер-

ждает переселение части населения из Азии, по крайней мере в интересующий нас период.

Специфическое влияние окружающей среды должно было побудить первобытного человека создать такой тип жилья. Необходимые условия для этого сложились в Северной Европе после того, как ледники отступили, оставив после себя мир болот и влажных лесов, которые почти вынудили жителей этих областей строить для себя такие искусственные гнезда. Фактически мы находим, что раньше всего подобные конструкции возникли на берегах Балтийского моря, обитатели которых еще не достигли стадии неолита. Именно от них произошли настоящие свайные постройки. Для этого надо было найти сухое место, причем оно должно было располагаться недалеко от того водоема, где водилась рыба, от которой первобытные люди в значительной степени зависели. Эта донеолитическая балтийская группа населения иногда делала подобие плотов из бревен и устанавливала их на деревьях, на них они и жили. То же самое делали и их прямые потомки в Швеции и Дании в эпоху развитого неолита. Но последние внесли некоторые усовершенствования. Плот из бревен был впервые установлен на понтон, который по углам крепился подпорками. Но такой понтон вскоре оказывался затопленным, и нужно было неоднократно добавлять новые слои бревен, чтобы пол был сухим. Так продолжалось до тех пор, пока не изобрели свайные конструкции, упиравшиеся в дно озера. Такие примитивные конструкции известны в Дании, Швейцарии и Вюртемберге. При основании новых поселений было сделано изобретение, которое значительно сэкономило затраты труда. Вместо того чтобы делать основание поселения из многих горизонтальных слоев бревен, достаточно было соорудить единственную платформу, которая покоилась на сваях, — это требовало гораздо меньшего количества деревьев, с большим трудом срубленных каменными топорами. Возможно, что именно так и возникли классические свайные постройки.

Среди донеолитических строителей плотов на балтийском побережье были брахицефалы, точно так же как и среди неолитических обитателей свайных построек в Альпах. В то же самое время у нас есть основания полагать, что родственные группы охотников и рыболовов широко распространились по

лесам и болотам Северной Европы в ранний постледниковый период. Некоторые из них, как мы можем предположить, добрались до Рейна, к горной зоне в поисках мест, богатых пресноводной рыбой и дичью во время, когда соленые воды Северного моря пробились в Балтийскую впадину и климат стал более умеренным. В горных районах они нашли пресноводные озера, на берегах которых и обосновались, пройдя в развитии своей домашней архитектуры те же стадии, что и родственные им группы населения в Скандинавии. Таким образом, появление озерных жилищ в Швейцарии можно объяснить без всяких предположений о переселении туда части населения из Малой Азии в неолитические времена.

Кроме того, есть положительное свидетельство против гипотезы о таком переселении. Во-первых, озерные поселения в южных частях альпийской зоны, Черногории, Боснии и Македонии, вполне вероятно, появились гораздо позже, чем таковые в Швейцарии, Вюртембурге и Скандинавии, — не ранее того момента, как можно было бы ожидать, когда обитатели свайных построек прибыли с юго-востока. Во-вторых, неолитические элементы на ачьпийских и шведских озерных поселениях совершенно разные; среди их общих черт можно упомянуть только архитектуру и некоторые «палеолитические» пережитки — костяные гарпуны, свистульки из фаланг и так далее. Это означает, что достижения неолита не были занесены совместно с традицией сооружения свайных построек, но были приобретены по отдельности несколькими группами обитателей этих свайных построек у более развитых в культурном отношении народов. Таковыми в Скандинавии могли быть строители мегалитических гробниц вдоль побережья, а в Швейцарии и Вюртембурге — жители долины Дуная, о которых у нас еще пойдет речь. Таким образом, мы видим, что первоначально жители альпийской зоны занимались собирательством и охотой в лесах, болотах и горах, а затем познакомились с достижениями неолита у своих более развитых соседей. Следовательно, если они прибыли из Малой Азии, то они не были индоевропейцами.

Но те жители долины Дуная, о которых мы только что упоминали, могли быть сами по себе переселенцами из Малой Азии. Оки враждовали в древности с носителями культуры расписной керамики из Азии и, возможно, смешались

с ними в Юго-Восточной Европе. Не вызывает сомнения, что они распространились из долины Дуная по всей Центральной Европе, принеся вместе с собой знания о навыках разведения домашних животных и выращивании культурных растений в Малую Польшу, Силезию, Центральную Германию, Рейнскую область и Бельгию. Некоторые общие черты культуры объединяют этих жителей долины Дуная с Малой Азией; особенно бросаются в глаза их глиняные сосуды, которые, очевидно, подражают форме тыкв. Тыква не растет к северу от Балкан, так что прототипы дунайской глиняной посуды следует искать южнее. Профессор Майрс имеет основания утверждать, что их первичный центр должен был находиться где-нибудь в западной части Малой Азии или в Сирии, где подобные тыквообразные формы существовали в течение долгого времени, а в некоторых случаях используются и сегодня. Конечно, анатолийские и сирийские образцы не идентичны дунайским и не могут рассматриваться в качестве прототипов последних, которые, при наличии богатой фантазии, могли бы навести нас на мысль, что они являются пережитками палеолитического искусства в этой области. Самое большее, что можно отметить, — это сходство дунайской керамики с керамикой из Малой Азии. И в то же время другие специфические черты дунайской культуры являются явно средиземноморскими.

Чтобы разобраться в сути проблемы, желательно было бы выяснить, к какой этнической группе принадлежали жители долины Дуная. Гарольд Пик считает, что они были альпийскими брахицефалами, и его точку зрения разделяют Майрс и Флер. Этот предполагаемый брахицефализм рассматривается в качестве дополнительного свидетельства в пользу анатолийского происхождения этого народа. Но взгляды Пика, как нам представляется, опираются на неправильные представления; я не могу найти никаких свидетельств присутствия короткоголовых на центральноевропейских лессовых землях в эту эпоху. Скелетный материал действительно является скудным; только несколько погребений со скорченными скелетами, которые сопровождались характерными для дунайской культуры керамикой и вещами, были найдены в Сербии, Моравии и Нижней Австрии. Ни один из имеющихся у нас черепов не является

брахицефальным; все они сравнительно длинноголовые и больше всего напоминают в этом и в других отношениях гораздо большие серии черепов, найденные с дунайской керамикой в погребениях намного более позднего времени Центральной и Юго-Западной Германии. Поэтому остается выяснить, к какой долихоцефальной расе эти жители долины Дуная принадлежали. Доктор Шлиц отнес их к североевропейской расе, одна из групп которой обосновалась на севере. Не вызывает сомнения, что истинные жители севера на самом деле смешались с жителями Подунавья, но только позднее. Самые ранние черепа, которые в данном случае интересуют нас, здесь принадлежали низкорослым индивидуумам, которые больше напоминают в нескольких отношениях, как и сам Шлиц был вынужден признать, жителей Средиземноморья, чем высокорослых жителей севера.

Правильность последнего предположения подтверждается явно южным характером культурного наследия жителей Подунавья, которое связывает их с другими средиземноморскими народами. Мало того что их керамика подражает южной тыкве, но и характерные для нее черная роспись и выгравированные изображения сразу вызывают ассоциации с критскими и североафриканскими образцами, впрочем, точно так же, как и с анатолийскими. Опять-таки жители долины Дуная изготовляли женские статуэтки из глины, и они обнаруживают тенденцию к передаче полных форм, которые мы видим у ранних статуэток с Крита и Египта, — эта особенность и сегодня считается эталоном красоты у бушменов Южной Африки. Кроме того, этот континентальный народ даже в сердце Центральной Европы продолжал украшать себя раковинами средиземноморской мидии. Наконец, единственным оружием, которое было найдено на поселениях первых жителей долины Дуная, было навершие булавы, сделанное из плоского каменного диска, с просверленным в центре отверстием. В отличие от вытянутых или сферических типов эта форма навершия булавы является достаточно редкой и могла появиться где-нибудь в непосредственной близости от Нильской долины, поскольку этот тип получил распространение в Египте в додинастический и раннединастический пери-

оды. Вероятно, больше нигде на Древнем Востоке он не встречается.

Мы должны рассматривать жителей долины Дуная как представителей ветви евроафриканской расы. Это не исключает возможности того, что они прибыли в Европу непосредственно из Малой Азии, для чего им пришлось пересечь проливы Дарданеллы и Босфор или даже отправиться в путешествие в этот ранний период по сухопутному мосту, на месте которого теперь находится Архипелаг. Некоторым исследователям такая гипотеза позволила объяснить несомненное сходство между дунайской и анатолийской керамикой (это сходство также прослеживается с керамикой, которая получила распространение на Крите и Кикладах) и повторение некоторых долихоцефальных типов по обоим берегам Эгейского моря и к северу от Балкан, которым сербские исследователи дали сомнительное наименование пеласгов. Предполагаемое переселение должно было состояться в очень раннее время — даже еще до появления первой волны азиатских носителей культуры расписной керамики. Вызывает удивление, сколько достижений «неолитической» цивилизации эти протодунайцы принесли с собой. Среди них можно упомянуть сосуды тыквообразной формы, традицию почитания Богини-Матери, изображения которой не обязательно должны были представлять собой фигурки из обожженной глины, они могли изготовляться и из дерева. С ними можно также связать распространение определенного типа раковин и очень архаичного типа оружия. Типичный дунайский кельт из полированного камня получил распространение в южном направлении, по крайней мере до территории Фессалии, где он в первую очередь использовался как орудие труда. Мотыгу и культивирование хлебных злаков также можно добавить к списку их достижений. Нельзя исключать вероятности того, что «дунайцы» заимствовали навыки скотоводства и керамического производства у переселенцев из Азии, обосновавшихся в Трансильвании. В то же самое время орнамент в виде спирали, который получил распространение у последних, вероятно, явился следствием влияния жителей долины Дуная, которые не обязательно первоначально использовали его для орнаментации керамики.

Но следует помнить и о возможности того, что некоторые потомки палеолитических групп населения, которые на протяжении многих веков украшали кости спиралевидным орнаментом, могли все еще сохраниться на равнинах Центральной Европы, а затем смешаться с пришельцами с юга.

Должны ли мы считать индоевропейцами этот народ средиземноморского происхождения, который появляется в Анатолии и в долине Дуная? Для этого нет никаких убедительных оснований. Народ, живший в Средиземноморье, а затем переселившийся на Дунай, не был индоевропейским. При этом он не способствовал установлению прочных связей между Малой Азией и Европой. В первой из этих областей он был, в лучшем случае, лишь транзитным пассажиром. И их культура была слишком примитивной для индоевропейцев. Все, что они принесли с собой, было лишь рудиментами культа — несколько простых орудий труда и оружие, а также несколько злаков. Оснащенные таким образом переселенцы в Центральную Европу создавали свою собственную культуру на плодородных лессовых землях бассейна Дуная, испытывая при этом, возможно, влияние азиатских соседей, и вели торговлю с южными областями, благодаря которой к ним попадали средиземноморские раковины. Превратился ли этот народ в индоевропейцев в Центральной Европе, мы и хотим далее обсудить.

Сношения между Европой и северо-западной частью Малой Азии не прекратились с приходом протодунайцев. Помимо анатолийской культуры, отношения которой с населением Центральной Европы мы только что рассмотрели, там возникла, путем дифференциации и концентрации, более развитая цивилизация, самым известным памятником которой является Троя II (Гиссарлык). Эта цивилизация, бесспорно, оказала влияние на Фракию, Македонию, долину Дуная, Фессалию и через нее на Южную Италию в период, последующий за переселением второй волны носителей культуры расписной керамики в Северную Грецию, — то есть между 2500 и 1800 годами до н. э. Точки соприкосновения между Троей и Фракией были уже перечислены. В Фессалии к числу свидетельств влияния Трои следует отнести, во-первых, несколько типов сосудов, из

которых выделяются кубки с высокими ручками. Они известны и в Центральной Европе, но не в самых древних дунайских погребениях, а в погребениях второго периода — от Венгрии до Силезии и Баварии, далее их распространение можно проследить через Иллирийские горы в сторону Италии. Несомненно, что они представляют собой глиняные копии металлических ваз троянского типа. И с ними связаны в Центральной Европе медные украшения в форме двух спиралей, соединенных между собой подобно очкам, — они также находят аналогии в Трое. Другие типы вещей, которые находили при раскопках холма Гиссарлык, но которые не являются специфически троянскими, — сфероидальные навершия булав, полированные каменные и самые примитивные медные топоры — также появляются в Центральной Европе и Фессалии примерно в то же самое время. Несколько позднее новый поток переселенцев с юго-востока принес с собой в долину Дуная некоторые типы булавок, сережек и весьма любопытный кинжал кипрского происхождения с петлей у основания ручки (рис. 12, 2). Все эти типы вещей встречаются и в Трое. Но и это еще не все: Троя II не просто поддерживала односторонние отношения с Востоком. Булавка с головкой в виде двойной спирали, найденная на поселении Анау III, отмечена и в Гиссарлыке. И если она не была спефически троянской, то, по крайней мере, была эгейского, а не месопотамского происхождения.

Наконец, на обоих берегах Эгейского моря около 1800 года до н. э. наблюдаются сходные явления, кажущийся параллелизм которых можно было бы объяснить результатом импульсов, шедших из единого центра в Малой Азии, — я имею в виду плитовые гробницы, сложенные из больших каменных плит и содержащие скорченные скелеты, всегда сопровождаемые высокими сосудами на подставках. Аналогии им найдены среди строений Кархемиша на верхнем Евфрате, а также Орхомен и других городов Греции.

Во всех этих случаях мы наблюдаем черты сходства среди различий. Во Фракии троянские типы находятся в меньшинстве по сравнению со специфическими местными формами. В долине Дуная они появляются наряду с наследием более ранней культуры и влиянием других центров, находившихся

вне Малой Азии. Та же самая картина наблюдается и в Греции, прямое происхождение культуры плитовых гробниц из Трои ни в коем случае нельзя считать доказанным; весьма вероятно, что минийская керамика появляется в Трое под влиянием импульсов, шедших с северо-запада. Нельзя считать плитовые гробницы Кархемиша и находимые в них вещи результатом влияния Трои; точно так же техника изготовления керамики, найденной в них, и формы бронзовых изделий отличаются как от троянских, так и от греческих образцов. Наконец, наличие аналогий между Троей и Анау может являться следствием влияния некой промежуточной культуры на оба этих центра.

Тем не менее мы можем проследить в данный момент наличие таких широких культурных связей между обширными областями Европы и Ближнего Востока, которых никогда до этого, ни впоследствии достигнуть не удалось. Кроме того, этнический контекст, в котором эту взаимосвязь удается проследить, в некоторых случаях, весьма вероятно, имел отношение к индоевропейцам. В европейских культурных комплексах некоторые элементы, которые мы определяли как троянские, сохранились и вновь проявляются в итальянских terremare, которые мы склонны считать самыми ранними памятниками индоевропейцев на Апеннинском полуострове. В Греции и Македонии культура, в которой наши троянские аналогии проявляются, синхронна с той, которая, по одной из гипотез, могла принадлежать эллинам. Как мы отмечали выше, следы связей между Западной Анатолией и Фракией, например традиция, утверждающая родство между фригийцами и фракийцами, лучше всего прослеживаются в железном веке, в то время как некоторые типы вещей, уже получившие распространение в северо-западной части Малой Азии, сохраняются там, чтобы появиться снова в курганах Гордиона, который, несомненно, принадлежал фригийцам. Хетты испытывали на себе влияние индоевропейцев в течение некоторого времени во 2-м тысячелетии до н. э., и именно хеттам Вулли приписывает плитовые гробницы вокруг Кархемиша. Наконец, индоиранцы блуждали где-то к северу от Месопотамии приблизительно в это же время и, должно быть, позже включили Анау в состав своих владений.

Таким образом, связи с Западной Анатолией, которые могли быть установлены через Трою, объединяли множество областей, впоследствии занятых индоевропейцами. Вряд ли можно утверждать, что Троя сама по себе была центром протоарийской империи; этому противоречит то обстоятельство, что анатолийская цивилизация, периферийным центром которой и являлась Троя, не была протоиндоевропейской. Чтобы получить ответ на этот вопрос, мы вынуждены полагаться в очень значительной степени на материалы, собранные в самой Трое, добавляя к ним материалы с противоположного края малоазийского плато. Нужно помнить, что Гиссарлык представляет собой холм с остатками девяти последовательно существовавших на этом месте поселений, находки из которых проводивший здесь раскопки доктор Шлиман не очень точно различал между собой.

В слое Троя II, который нас интересует, заметно влияние разнообразных традиций. Мы встречаем сначала типы, напоминающие о неолитических материалах с Крита, сохранившиеся от того раннего периода, о котором мы уже упоминали; вместе с ними встречаются находки, которые явно появились под влиянием минойской цивилизации бронзового века. Вместе с тем связь с Древней Месопотамией засвидетельствована использованием кирпича при строительстве укреплений и целым рядом типов металлических изделий. Но цивилизация Трои в других аспектах, например в керамике, весьма отличается от шумеро-аккадской, а также от промежуточной культуры Каппадокии, где керамику раскрашивали. Анализ керамических изделий свидетельствует скорее о связи Трои с западной культурой, корни которой обнаруживаются на Кипре и в Северной Сирии. Это может быть анатолийская культура в том последнем смысле, который нас интересует.

Но есть убедительные причины отрицать, что она принадлежала индоевропейцам, точно так же как и шумеро-аккадская или каппадокийская цивилизации 3-го тысячелетия до н. э. Во-первых, Анатолия находилась в самом сердце владений Богини-Матери. Разве она не была представлена на самых древних памятниках культа в разных концах плоскогорья, от Трои и Кипра до Ашшура? Разве

ее культ не был характерен для этой области во все эпохи? Разве даже фригийцам, которые были индоевропейцами, не пришлось включить ее в свой пантеон? Трудно себе представить, чтобы любой народ, пришедший из Малой Азии, утратил всякие воспоминания о ней. Во-вторых, в исторические времена не только ее восточная часть была населена неарийскими народами, но также и на западном побережье Анатолии проживали остатки родственных народов, лелегов, карийцев, лидийцев и так далее. В то же самое время древнейшие топонимы этой области являются неиндоевропейскими, но включают в себя названия, которые, по мнению Фика, находят параллели среди доэллинских названий в Греции, но также и среди малоазийских названий, которые встречаются уже в 3-м тысячелетии до н. э. в клинописных табличках из Каппадокии. Получается, что малоазийское население занимало все плоскогорье. Анатолийская культура в целом должна быть приписана этому этносу, и мы можем узнать их потомков среди дарданов, сражавшихся против Рамсеса II, которые по своему внешнему облику напоминают хеттов (фото 7, А).

Но хотя эта анатолийская культура не может в целом считаться индоевропейской, мы были, возможно, не правы, называя Трою ее периферийным центром. Европейские аналогии находят соответствия в северо-западной части Анатолии. Возможно, мы должны более внимательно приглядеться к этой области в поисках их корней. По крайней мере, к XIII столетию до н. э. в этой области сформировалась некая политически изолированная от остальной территории Анатолии общность, как мы уже говорили в главе III. Но если мы обратим свой взор к северо-западному углу Троады и прилегающим к нему землям, в противоположность остальной части анатолийского полуострова, нас ожидает удивительный результат.

Когда мы пытаемся выделить элементы, которые, как предполагается, могли быть общими для всей территории полуострова, и сконцентрируем свое внимание на том, что является специфическим для его северо-западного угла, Троя больше не кажется азиатской колыбелью европейской культуры, а скорее форпостом европейской культуры на противоположном берегу проливов. Правители Трои жили в зда-

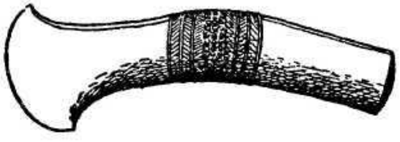

Рис. 22. Орнаментированный каменный боевой топор. Троя II

нии типа мегарона — длинная узкая комната с центральным очагом и с портиком, поддерживаемым колоннами; самые ранние датированные примеры строений подобного типа происходят из Трансильвании, и мы встречаем тот же самый тип и в Вюртембурге около 2000 года до н. э. (фото 8, А). Вероятно, еще раньше он появляется в Фессалии. Опять-таки троянские правители в качестве символа своей власти носили тяжелые боевые топоры из полудрагоценных камней, великолепно отполированные и украшенные богатой резьбой (рис. 22). Каменные боевые топоры действительно очень часто встречаются на руинах Трои и напоминают те экземпляры, которые находят в синхронном им некрополе Йортан в Мизии. Довольно странно найти такое неуклюжее оружие в городе бронзового века; в остальной части Эгеиды, в южной части Малой Азии и в Месопотамии такие топоры фактически неизвестны. Но в Европе, от Волги до Рейна, они встречаются в изобилии, и среди них представлены все известные в Трое типы. Эти европейские топоры не могли попасть в Трою (как я когда-то думал) посредством торговли. Почему должен был народ, обладавший богатыми запасами металлов, импортировать такое варварское оружие? Почему они должны были стать символами власти их правителей? Конечно, наличие этих топоров является свидетельством переселения из Европы народа, приученного в более дикой окружающей среде носить такие тяжелые орудия. Весьма примечательно, что этот элемент отличает цивилизацию северо-западной части Малой Азии от общего «малоазийского» культурного фона, с которым она имела много общего. С обладателями этих церемониальных топоров, возможно, следует связать утверждение той верховной власти, которая преобразовала деревню Трою I в город Трою II и в конечном итоге сплотила гетерогенные племена этой области в единую конфедерацию. Вот так Троада и ее внутренние районы стали частью большой европейской области распространения боевых топоров, простирающейся от Балтийского до Черного моря. Если такруи, которые напали

на Египет в 1192 году до н. э., были тевкрами из Троады, то именно они засвидетельствовали присутствие людей европейской внешности рядом с арменоидными дарданами (фото 7, Б).

Так что наш поиск теперь принимает совершенно новый аспект. Связано ли с европеизацией Трои или с же с наличием «малоазийского» субстрата то, что фессалийская, балканская, итальянская и дунайская культуры так или иначе были связаны между собой? С одной стороны, в Венгрии погребальный инвентарь имеет явные аналогии с Троей — кубки с высокими ручками, сфероидальные навершия булав и спиралевидный орнамент; отметим, что все они встречаются в погребениях той же самой высокой долихоцефальной расы, которая использовала боевые топоры в Скандинавии, Германии и России, и эта раса была, несомненно, европейской. С другой стороны, анатолийская культура в целом не проникала в Европу. Аналогии в керамике, которые мы перечислили, в действительности ограничены лишь имитациями троянских металлических ваз. Такие имитации, так же как и металлические спирали, булавки и серьги, найденные в Центральной Европе, вполне могли попасть туда в результате торговли. Троянцы использовали олово начиная с 10 процентов, этот металл встречается в составе их изделий из бронзы; они, возможно, сами изобрели этот сплав, воспользовавшись приемами, известными намного раньше шумерам, которые смешивали медь со свинцом в тех же самых пропорциях. Вполне вероятно, что троянцы получали это олово с территории Богемии. Это не означает, что они вторглись в Центральную Европу, точно так же как и наличие янтаря в минойских могилах или же минойских изделий из металла или их имитаций из глины, найденных в Тюрингии, не подразумевает наличие минойской колонии на Эльбе. Точно так же и находки греческих сосудов в Дании не означают существование греческой колонии на берегах Северного моря.

Конечно, отдельные разведчики из Трои, возможно, были первыми, которые обнаружили минеральные богатства Богемии, хотя их могли открыть и наши «следопыты», двигавшиеся с запада, но эксплуатация этих месторождений была целиком в руках местного населения. В любом

случае троянские булавки и кипрские кинжалы, которые были найдены в долине Дуная, поступили туда через Трою, и они являются своего рода ориентирами на древнем торговом пути. Мы можем полагать, что торговля текла по этой дороге вплоть до падения Трои II, которая, как кажется, совпадает со смещением торговых путей между Эгеидой и Богемией где-то между 1900 и 1600 годами до н. э. Теперь торговый маршрут начинался в районе Адриатики. Именно наличием торговых связей, а не переселением народов можно объяснить большинство случаев предполагаемого троянского влияния на Южную и Центральную Европу.

Но если согласиться с этим предположением, то теория о том, что возникновение фессало-иллирийско-дунайской культуры стало следствием вторжения из Малой Азии, оказывается несостоятельной. Культурный континуум больше не рассматривается как следствие проникновения азиатских культур в Европу; он может являться следствием взаимодействия европейской культуры с азиатским анклавом: восточные связи были связями с Троадой, отрезанной от анатолийского культурного комплекса в целом. Окончательное решение вопроса перемещается на европейскую почву. С этой точки зрения мы должны рассмотреть в следующей главе вопрос, как глубоко единство, которое охватывает север Греции, Македонию, Верхнюю Италию и долину Дуная, было пронизано теми же самыми элементами, что и европеизированная Троя, и также связано ли это с индоевропейцами.

ВНОВЬ К ВОПРОСУ ОБ АЗИАТСКОЙ ПРАРОДИНЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Выводы, сделанные в предшествующих разделах, добавляют веса гипотезе об азиатской колыбели индоевропейских народов. Материал, доступный в Европе исследователям первобытного общества, не позволяет, как когда-то ожидалось, утверждать, что волна переселенцев из Азии принесла с собой достижения цивилизаций Древнего Востока. Неолитическое население Европы в основном произошло от населения эпохи палеолита, которое уже включало в свой состав длинно- и короткоголовые типы. Вторжение брахицефалов переносится в более отдаленное прошлое. Если орды азиатов действительно перемещались в западном направлении в течение современной геологической эпохи, то они оставили мало свидетельств своего пребывания там — в отличие от более поздних скифов, сарматов и монголов. В неолитические времена только один поток переселенцев из Азии может быть прослежен методами археологии. Он принес с собой таинственные культуры с расписной керамикой в Фессалию, Трансильванию, Болгарию и на Украину. С тем же самым этническим потоком следует связать распространение некоторых очень важных достижений в Юго-Восточной Европе, особенно внедрение земледелия и разведение домашних животных, известных ранее в Азии. Но область, занятая этими пришельцами, была ограничена теми же территориями, которые занимали пришельцы из Азии и в исторические времена; мы не нашли весомых доказательств того, что распространение новых достижений было связано с азиатами, как таковыми. Сохранившись в нескольких уголках Европы, таких как Болгария, они, кажется, исчезают, в то время как новые достижения получили широкое распространение и были восприняты другими культурами. И при этом у нас нет весомых оснований отождествлять носителей культуры расписной керамики с индоевропейцами.

В то же самое время мы постулировали тезис о вторжении в Центральную Европу группы средиземноморского населения, пришедшего туда, возможно, через Анатолию, точно так же как другие потоки евроафриканских групп населения попадали в Западную Европу через Пиренейский полуостров даже в палеолитические времена. С представителями средиземноморской расы мы связываем развитие неолитической цивилизации в долине Дуная, которому, вероятно, способствовали и контакты с азиатскими культурами. Но опять-таки у нас нет никаких оснований считать протодунайцев, которые были пришельцами в Европе, индоевропейцами.

Третий большой импульс, который затрагивал Северную и Западную Европу и некоторые пункты на побережье Чер-

ного моря в период раннего неолита, а именно мегалитическая культура, кажется, еще меньше отвечает требованиям, предъявляемым к культуре индоевропейцев. Все пришлые элементы в ней были евроафриканскими по своей сути. Ее формирование только в незначительной степени явилось следствием этнических перемещений. Идея мегалитических гробниц и связанного с ними культа мертвых была, вполне вероятно, первоначально занесена мореплавателями с южных берегов Восточного Средиземноморья, где получила распространение египетская эсхатология, если не самими египтянами. Но в колонизации побережий, надо думать, строители мегалитов большого участия не принимали; фактически переселенцев было немного, но они обучили аборигенов азам своей религии и некоторым достижениям неолита, среди которых особое место занимало приручение мелкого рогатого скота. Ни пришельцы, которые принесли с собой культ мертвых и мегалитическую погребальную архитектуру, ни евроафриканские аборигены, которые восприняли эти идеи и распространили их на территорию Испании, Франции и Британии, не могут считаться индоевропейцами. Строителями дольменов список переселенцев в Европу, которые проникли на ее территорию в течение раннего неолитического периода, можно считать исчерпанным.

Так что для крупномасштабных переселений больше не остается места, хотя изменения в составе населения в пределах самой Европы были явлением довольно частым. В эту эпоху развитого неолита вторжения из Азии не прослеживаются с полной уверенностью. Хотелось бы обратить внимание на одну группу брахицефалов, которая прибыла не из Азии, а с Пиренейского полуострова, откуда они принесли с собой культуру колоколовидных кубков в Центральную Европу. После этого культуры бронзового века развивались сами по себе, причем достаточно быстро, хотя оружие и украшения попадали из Азии в Европу, но европейские типы также попадали в Азию, как показала наша экскурсия на Кавказ.

Но если наши поиски прародины индоевропейцев пока были неудачными, тем не менее их результат нельзя считать однозначно отрицательным. Мы наблюдали за процессом возникновения новой цивилизации в Европе, мы стали свидетелями смешивания со старыми палеолитическими группами населения новых компонентов, прибывших из Азии и Африки, и оценили культуру вновь прибывших. Они не имели никакого отношения к индоевропейцам. Следовательно, если пришлые элементы сами по себе не становились индоевропейцами в Европе, это не означает, что они не могли воспринять индоевропейскую культуру после их завоевания или ассимиляции индоевропейцами.

Глава 6

ПОЯВИЛИСЬ ЛИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ?

Сегодня азиатская гипотеза происхождения индоевропейцев отрицается большинством лингвистов; последняя глава показала, что археологических свидетельств в ее пользу также нет, — с оговорками, сделанными выше, что нам неизвестно никаких крупномасштабных волн переселений из Азии, которые можно было бы хотя бы с небольшой долей вероятности связать с индоевропейцами. Таким образом, мы вынуждены вслед за филологами вновь обратить свой взор на Европу.

Мы уже говорили о том, что неолитическое население Европы представляло собой настоящую мозаику из различных этнических групп. В культурном плане они еще больше различались между собой. С неолитических времен континент может быть разделен на множество областей, каждая из которых имела свои особенности в материальной культуре. В какой из возникающих цивилизаций неолитических времен мы должны искать первый центр проявления активности индоевропейцев? Для нас не имеет никакого значения, имели ли эти культуры местные корни, или же их создатели принесли их с собой откуда-нибудь. Индоевропейцы появились в этнической массе, которая, должно быть, изначально не была еще индоевропейской. Несколько областей неолитической Европы можно исключить из нашего обзора. Историки и филологи сходятся во мнении, что из этого списка можно убрать Средиземноморский бассейн, который был первоначально населен различными группами евроафриканского происхождения, их цивилизация была основана на морской торговле с ранними культурными центрами этой расы, Египтом и Критом. Эта область была заселена индоевропейцами довольно поздно. Те

же самые соображения заставляют нас пропустить и большую Западноевропейскую культурную область, где основным этническим элементом опять-таки были евроафриканцы, на формирование их культуры в основном оказала влияние средиземноморская мегалитическая культура. Фактически большинство исследователей в поисках прародины индоевропейцев обращает свой взор на один из трех регионов — Северная Европа, Восточная Европа и Центральная Европа. Мы начнем наш обзор с последнего из упомянутых регионов, потому что все дискуссии в предыдущей главе так или иначе возвращали нас в долину Дуная. Мы делаем это с большой готовностью, поскольку ряд аргументов в пользу того, что именно эта область и была прародиной индоевропейцев, в последнее время привел доктор Джайлс.

ГИПОТЕЗА ДОКТОРА ДЖАЙЛСА И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ ДОЛИНЫ ДУНАЯ

В качестве области, где индоевропейцы выделились из общей этнической массы, доктор Джайлс предлагает рассматривать лессовые земли между Карпатами на востоке, Балканами на юге, Альпами и Богемским лесом на западе, Рудными горами и северной частью Карпат на севере. Этот район, как он полагает, больше всего соответствует тем природным условиям, в которых сформировалась изначальная индоевропейская культура, в которой, на его взгляд, сельское хозяйство играло столь же важную роль, что и животноводство. Следовательно, индоевропейцы, или «странники», как он предпочитает их называть, распространились по Европе и Азии. Массовое переселение должно было начаться, как он думает, около 2500 года до н. э., и маршрут переселенцев, двигавшихся в восточном направлении, должен был пролегать через проливы Босфор и Дарданеллы, а далее — по горной местности в Малой Азии.

Выдающийся филолог не является археологом и не делает попытки проследить путь своих «странников» при помощи археологических материалов. Но область, которую он выделил, была фактически центром яркой культуры, раз-

витие которой как раз укладывается в очерченные им хронологические рамки. Эта культура, которую можно назвать Дунайской или, если быть более точным, Дунайской I, была создана теми ранними средиземноморскими колонистами, появление которых обсуждалось в последней главе и которые, как мы видели, возможно, в ранний период смешались с потомками палеолитического населения и испытывали культурные влияния как с востока, так и с юга. Этот народ селился исключительно на лессовой, исключительно плодородной почве, которая залегает на равнинах Центральной Европы на значительную глубину.

Мы можем охарактеризовать этих жителей долины Дуная как земледельцев, живущих в плодородных долинах. Их маленькие неукрепленные деревушки всегда располагались вблизи водных потоков и состояли из групп хижин, имевших подвальные помещения. Поблизости от них располагались маленькие наделы, свободное место для которых расчищалось с помощью каменных топоров, а затем их обрабатывали каменными мотыгами (типично дунайские «тапкообразные» кельты), чтобы вырастить на них зерно, которое на лессовых землях давало обильный урожай даже без особых усилий. По кустарниковым зарослям прилегающих холмов бродили стада крупного рогатого скота, овец и свиней, за которыми присматривали дети, точно так же как это происходит в Галиции и сегодня. Возможно, лошадь к тому времени была уже одомашнена и с ее помощью можно было догнать отбившихся от стада животных. Небольшие уловы рыбы несколько разнообразили рацион сельских жителей, но на диких животных, в том числе на медведей и волков, дунайцы, кажется, не охотились. Сельская община была маленькой, и в ней отсутствовало четкое разделение труда. Женщины, несомненно, изготовляли сосуды, подражающие тыквообразным сосудам их далеких предков.

Они украшали свои глиняные сосуды орнаментом в виде спиралей и меандра (рис. 23). Религиозные представления земледельцев, конечно, включали в себя культ Богини-Матери, глиняные изображения которой украшали хижины. За полями, как правило не очень далеко, находились другие поселения; отсутствие оружия (если не считать дисководных

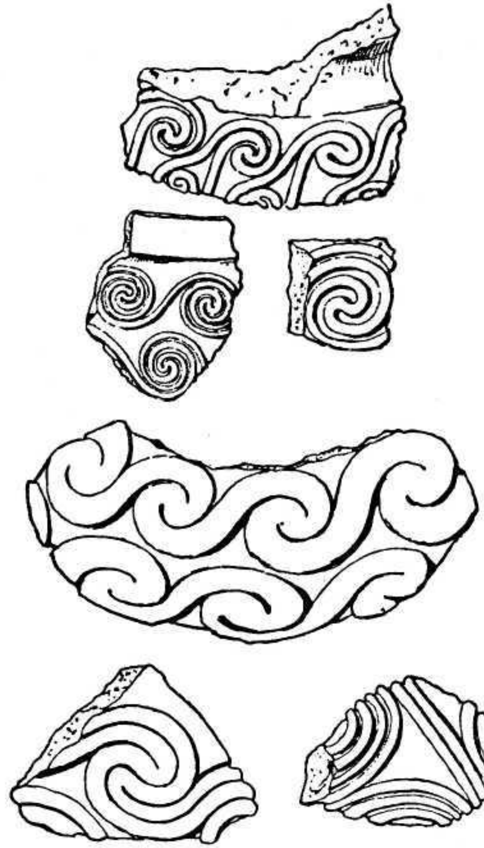

Рис. 23. Орнаментация дунайской керамики с поселения Бутмир (Босния)

наверший булав) наводит на мысль, что эти несколько групп жили во взаимном согласии. Но на заднем плане вырисовывался первобытный лес, почти непроницаемый для света летом и очень опасный зимой.

Несмотря на наличие леса, жители долины Дуная расселялись во все стороны. Однако плодородие девственных лессовых земель стало постепенно истощаться вследствие примитивных методов обработки. В любом случае естест-

венный прирост населения, которому способствовали столь благоприятные условия, вызывал потребность в еще более широкой колонизации. Новые поколения покидали свое поселение, как и ранние римляне Священной Весной, в поисках новых мест для жилья и пригодных для обработки земель. Переселенцы обычно следовали вдоль речных долин, а их нехитрый скарб перевозился на лодках-долбленках. За многие столетия их хозяйственной деятельности площадь лесов постепенно сокращалась, что приводило к засухам. В конечном итоге «дунайцы» пересекли Богемский лес и добрались до Рейна. Но на протяжении всей истории существования их культуры на занимаемой ими территории поддерживались мирные отношения. Браслеты из раковин Spondylus, о которых мы уже упоминали, должны были передаваться от деревни к деревне, возможно, это был ритуальный обмен символами, подобно тому как жители тихоокеанских островов передают друг другу kula. В ходе этой торговли «дунайцы» по чистой случайности могли стать обладателями различных медных безделушек.

Кроме того, «дунайцы» в ходе своих странствий вступали в контакты с другими этническими группами. На горных склонах, обращенных к западу, куда они могли попасть в ходе охоты на серн и оленей, жило малочисленное охотничье население, потомки донеолитических групп. Этот дикий горный народ заимствовал у «дунайцев» элементы более высокой цивилизации и постепенно стал оседать на земле. На территории Германии и Польши «дунайцы» вскоре встретились с высокорослыми людьми северной расы, которые, вероятно, уже занимались скотоводством. В некоторых случаях эти два народа перемешивались между собой, и северяне ассимилировали культуры земледельцев, как, например, это случилось на Рейне; везде северяне утвердились как повелители среди земледельцев и в конечном итоге наложили на мирную культуру «дунайцев» свой более воинственный отпечаток. На востоке в это время возникли азиатские культуры носителей расписной керамики, и взаимодействие между ними и «дунайцами» началось очень рано.

Были ли «дунайцы» индоевропейцами или «странниками» доктора Джайлса? Для начала позвольте нам обратить

внимание на их взаимоотношения с другими областями, позднее занятыми индоевропейцами. На европейских материалах рассмотрение вопроса с этой точки зрения ведет к весьма удовлетворительным результатам. «Дунайцы» занимали значительную часть Польши, весь юг Германии от Одера до Рейна и даже проникли в Бельгию, а возможно, также и в Восточную Пруссию. Всюду на этой обширной территории доминировала культура «дунайцев», даже там, где они смешивались с представителями других культур. В альпийской зоне обитатели приозерных свайных построек благодаря «дунайцам» освоили навыки скотоводства и земледелия, а также различных ремесел; так почему же они не могли освоить также и их речь? Территория лежавшей к югу Иллирии с самого начала была занята одним из вариантов культуры «дунайцев», как об этом свидетельствуют находки на знаменитом поселении Бутмир в Боснии. И так как италики культуры terremare прибыли с дунайской стороны Альп, у них также можно предполагать наличие «дунайских» элементов. Если обратиться на восток, то многие немецкие исследователи, такие как Шлиц, Хьюберт Шмидт, Менгин и Коссинна, склонны рассматривать расписную керамику из Трансильвании и Украины как следствие влияния «дунайцев», и, хотя мы не можем принять этот тезис, мы склонны признать возможность смешения «дунайцев» с носителями культур расписной керамики из Азии и вместе с тем наличие «дунайских» элементов во Фракии и в Фессалии. До этого момента реальное или предполагаемое расселение «дунайцев» весьма хорошо совпадает с нашими данными о ранних этапах распространения индоевропейских языков.

Их связи с Азией проследить намного труднее. Культура «дунайцев» имела ряд характерных признаков, и, кроме того, они сумели создать собственное искусство. Мы можем указать на некоторые памятники различных волн переселенцев, пересекавших Анатолию, которые доктор Джайлс использует для того, чтобы объяснить появление индоиранских языков, индоевропейских элементов в языке несили, а также фригийского и армянского языков. Хотя имеющегося в нашем распоряжении материала все еще недостаточно, общий характер культуры наиболее важной для нас области, северо-

западной оконечности Малой Азии, нам более или менее знаком. Простой осмотр находок из Трои и Йортана позволяет сделать вывод, что там не просматривается такого влияния культуры «дунайцев», которое мы видели в Бутмире, а также на территориях, простирающихся от Моравии до Бельгии. Мы видели в предыдущих главах, насколько прочными были связи, которые соединяли Анатолию и Европу в любом направлении. Мы действительно обнаружили период тесных контактов между Троей и долиной Дуная, точно так же как между Фракией и Фессалией. Но ни один из этих элементов не является отчетливо «дунайским» по происхождению. Некоторые из них появились из Трои, в то время как боевой топор, который является исконно европейским оружием, не характерен как для населения долины Дуная, так и Трои. Таким образом, необходимые связи между долиной Дуная и Древним Востоком не могут быть прослежены через Анатолию. Мы позднее увидим, что альтернативный маршрут через Южную Россию и Кавказ тем более следует исключить.

К тому же культура «дунайцев» на самом деле не соответствует той изначальной индоевропейской культуре, которую рисуют нам данные сравнительного языкознания. Мы не будем настаивать на том, что в их хозяйстве исключительно важное значение имели земледелие и свиноводство, которые доктор Джайлс приписывает своим «странникам». Но отсутствие наконечников стрел или другого оружия заслуживает внимания. Опять-таки наличие у земледельцев долины Дуная культа Богини-Матери является явно неиндоевропейской чертой. Но слово «земледелец» подводит итог всем утверждениям о том, что первые неолитические обитатели центральноевропейских лессовых земель могли быть индоевропейцами. Не соглашаясь с экстравагантными утверждениями «расовых психологов», необходимо отметить, что «дунайцы» должны были обладать определенным менталитетом, и этот менталитет был менталитетом крестьянина. Ярко выраженная земледельческая культура, которую мы описали, должна была выработать у ее создателей чисто крестьянский склад ума, который все еще очень распространен в Восточной Европе или в Китае. Присущий ему консерватизм и стойкая привязанность

к земле никак не вяжутся с любовью к странствиям и приключениям, без которых было бы невозможно распространить индоевропейские языки на большей половине земного шара.

Конечно, известны случаи, когда оседлые народы переходили к номадизму; возможно, что это случилось и с «дунайцами» и изменило их менталитет. Но в Европе такие резкие климатические изменения в течение современной геологической эпохи, которые побудили бы земледельцев пуститься на поиски приключений, не засвидетельствованы. Не вызывает сомнения, что дунайская культура сохранилась в Центральной Европе. Земледельцы появляются, насколько мы можем судить, всюду в доисторический период как инертная масса и вскоре становятся добычей целой череды завоевателей, как только они появляются на арене истории. Исторически земледельцы вновь и вновь попадали под власть новых правителей и часто покорно принимали язык, обычаи и верования завоевателей. Насколько мы можем судить, «дунайцы» и сами непрерывно смешивались с другими культурами, принимая в свой состав чуждые этнические и культурные типы. Большинство тех черт культуры, которые составляли основу цивилизации «дунайцев», сохранилось и продолжает существовать вплоть до сегодняшнего дня. Маловероятно, чтобы индоевропейский язык, который одновременно является продуктом и отражением индоевропейской психологии, возник у этих крестьян. Скорее следует ожидать, что индоевропейцы появились после того, как эти земледельцы смешались с другими, более подвижными элементами. Из этого не следует, что эти элементы сами были индоевропейцами до того, как они достигли Дуная.

ОБРЯД КРЕМАЦИИ

Если мы откажемся от отождествления Дунайской земледельческой культуры I с индоевропейцами, все еще остается вероятность того, что одна или несколько более поздних этнических групп, которые обосновались в долине Дуная, стали там индоевропейцами. Во всяком случае, так утверждает

Е. де Мишели. Он начинает свои рассуждения с очень примечательного явления, наблюдаемого в долине Дуная и в сопредельных областях в течение бронзового века, — с изменения погребального обряда, которое заключается в переходе от трупоположения к кремации. Способ избавления от мертвых часто рассматривается как один из самых характерных обычаев того или иного народа, который наиболее стойко сохраняется на протяжении долгого периода времени. Мы на самом деле наблюдаем появление практики сжигания тел в тех областях, где умерших ранее хоронили. Наш автор думает, что распространение нового обряда произошло в результате переселения некой группы населения и что этими переселенцами были индоевропейцы, расселившиеся из долины Дуная.

Де Мишели отмечает, точно так же как и мы, что обряд кремации был принесен в Италию terramaricoli, которые были индоевропейцами. За ними последовали умбры, которым принадлежала культура вилланова, и венеты, которые, подобно terramaricoli, прибыли из Центральной Европы. Что касается Греции, то можно упомянуть Риджвея, который утверждает, что ахейцы принесли с собой обряд кремации из той же части Европы. Автор показывает, что на западе погребения, содержавшие в себе кремации, которые в течение позднего бронзового и раннего железного веков распространяются по всей территории Франции и в конечном итоге достигают Испании, могут быть связаны с кельтами, прибывшими сюда с территорий к востоку от Альп и Рейна. В Скандинавии и в Северной Германии местное население стало сжигать своих мертвых примерно в то же самое время. Далее к востоку де Мишели выделяет поля погребальных урн, которые простирались от Богемии до Вислы и принадлежали славянам. Он предполагает, что этот обычай проник туда с территории Венгрии. В самой Венгрии обряд кремации хорошо засвидетельствован по крайней мере с эпохи средней бронзы. Таким образом, итальянский филолог представляет дело так, что носители обряда кремации распространялись во все стороны с территории Венгрии, и считает, что все они были индоевропейцами. В Азии индусы практиковали обряд кремации, и мы знаем теперь, что в долине Инда этот обряд сменил более древний обряд трупоположения. Промежуточ-

ные связи между ними действительно не прослеживаются, если не считать замены трупоположений на кремации около 1100 года до н. э. в Кархемише, которую можно расценивать как отражение прихода индоевропейцев, практиковавших кремации. Но сам обряд является материальным свидетельством.

Таким образом, тезис де Мишели касается наиболее выраженного культурного синтеза среди всех индоевропейских народов, которые нам известны. Он объясняет распространение культурных особенностей, исключительно хорошо согласующихся с распространением индоевропейских языков. Однако при ближайшем рассмотрении трудности кажутся почти непреодолимыми. Приведенные факты сами по себе не вызывают сомнения, но это — далеко не все факты. В свете более полных знаний кремация представляет собой гораздо более сложную проблему, чем мог представить ее себе автор, писавший свой труд в 1902 году.

Во-первых, обряд кремации появляется гораздо раньше, чем считает де Мишели. В Британии сожженные кости были найдены в неолитических длинных курганах, а затем в круглых курганах второй стадии нашего бронзового века, который синхронен с ранним бронзовым веком на континенте. В обоих случаях обряд появляется в Британии раньше, чем началось расселение кельтов, которым де Мишели приписывал его распространение на запад. Ситуация в Бретани почти такая же. В Центральной Европе она выглядит даже еще более запутанной. В долине Неккара сожженные человеческие кости были найдены рядом с сосудами, типичными для Дунайской культуры I; создается впечатление, что ее носители и представители некоторых других групп населения также кремировали в Богемии своих умерших. Кроме того, в курганах долины Рейна, принадлежащих северному народу боевых топоров, иногда встречаются кремированные кости. В Северной Германии пепел в погребальных урнах иногда находят в поздних мегалитических гробницах. В Тюрингии и Саксонии население Дунайской культуры II, использовавшее глиняную посуду и другие вещи, подобные тем, которые встречаются в погребениях с обрядом трупоположения могильника Ленгиель в Венгрии, сжигало тела своих мертвых, в то время

как другие поздние неолитические культуры долины Эльбы также принадлежали к приверженцам обряда кремации. Наконец, в Моравии колоколовидные кубки обычно сопровождают преданные земле тела «следопытов», но в одном или двух случаях они содержали кремированные останки. Все эти кремации в Центральной Европе в местном масштабе классифицируются как неолитические или халколитические и должны быть датированы не позднее чем периодом времени между 2400 и 1800 годами до н. э. Они связаны с материалом, который обычно находят вместе с преданными земле телами, принадлежавшими различным этническим типам, среди которых встречаются средиземноморцы («дунайцы»), скандинавы и «следопыты»! Еще больше запутывают ситуацию сообщения об отдельных случаях кремации с Ближнего Востока, где они датируются очень ранним временем — «неолитические» погребения в секторе Газа (Палестина), а около 2000 года до н. э. они появляются на «огненном некрополе» в Шургуле в Вавилонии (правда, последний случай вызывает сомнения). Эти разбросанные остатки невозможно связать между собой, подобно примерам из бронзового века, на которые доктор де Мишели ссылается.

Во-вторых, во многих случаях обряд трупоположения уступает место кремации без всяких других признаков разрыва преемственности в развитии культуры или присутствия новой расы. Таким образом, в Британии использование металла было введено короткоголовыми пришельцами с континента, которые строили круглые курганы (весьма отличающиеся от неолитических длинных курганов), но своих мертвых предавали земле. Вещи, найденные в сравнительно более поздних круглых курганах эпохи средней бронзы, скрывающих под собой сожженные кости, не содержат никаких признаков проникновения новых групп населения из Центральной Европы или откуда-нибудь еще. Скандинавские археологи решительно настаивают на полной непрерывности культурного развития между эпохой трупоположений и последующим периодом кремации в бронзовом веке в Дании и Швеции. Действительно, два способа погребения часто встречаются на различных уровнях одного и того же кургана. И не только это. Судя по скудному ос-

теологическому материалу, который остается от эпохи кремации, и более богатому материалу, который дошел до нас после возвращения к обряду трупоположения, можно сделать вывод, что черепа принадлежат тем же самым расовым типам, которые жили в Дании и Швеции с эпохи позднего неолита, когда мертвых хоронили в земле. Культурный континуитет даже еще более наглядно прослеживается в юго-западной части Германии. Курганы северного народа боевых топоров на Неккаре и на нижнем Майне дают нам наиболее показательный материал. Этот народ всегда придерживался традиции — будь это в Рейнской области или в Тюрингии, откуда их предки пришли, — разжигать большой костер, возможно для погребального пира, в траншее, предназначенной для захоронения трупа. Доктор Шлиц очень правдоподобно предположил, что через некоторое время эта традиция превратилась в обычай бросать труп в костер, а не ждать, пока он погаснет, как это было первоначально. Вот и возможное объяснение появления новой практики в данной местности. В Баварии кремация входила в привычку постепенно в течение бронзового века, и, чтобы проиллюстрировать это утверждение, мы можем привести несколько примеров переходного этапа: часть тела была захоронена несожженной, а часть была кремирована, и пепел, заключенный в урну, был помещен в ту же могилу.

Таким образом, обряд кремации не только появляется в разные времена, но и в удаленных друг от друга центрах, среди народов, очевидно принадлежавших различным этническим типам; его введение не связано с этническими изменениями; новый обряд развивается постепенно, как будто спонтанно и без резких колебаний. Экстраординарная сложность его распределения во времени и пространстве не дает основания однозначно предположить, что практика кремации связана с единой расой или распространялась из единого центра. Тем не менее это явление озадачивает. Все же остается вероятность того, что где-нибудь в доисторические времена жил народ, который всегда кремировал своих умерших, но по этой самой причине и еще потому, что использовал вещи из недолговечных материалов, таких как древесина и кожа, он остался неизвестным археологам. Майрс и Кристиан склоняются к мнению, что брахицефальная аль-

пийская раса, как в Европе, так и в Азии, регулярно практиковала обряд кремации. Захоронения такого типа, по общему признанию, очень трудно обнаружить. Нужно помнить, что захоронения взрослых людей до сих пор неизвестны в нескольких культурах с расписной керамикой — Анау в Туркестане и Фессалии и Юго-Восточной Европе — или же, например, у альпийских приозерных жителей. Разделение обряда на два типа в доисторической Европе и на Ближнем Востоке, конечно, нуждается в разъяснении. Полное изучение погребальных обрядов каппадокийских хеттов и обстоятельств, при которых кремация заменяет трупоположения в Пенджабе, может показать, что этот обряд тесно связан с решением индоевропейской проблемы. В настоящее время отождествление индоевропейцев с туманным и гипотетичным народом, который широко распространился, кажется по крайней мере преждевременным, и локализация его первоначального центра в Центральной Европе представляется совершенно необоснованной.

С другой стороны, вызывает сомнение, является ли обряд кремации на самом деле характерным обычаем определенного народа, как склонны полагать профессор Риджвей и большинство итальянских специалистов по первобытной истории. Утверждается, что сжигание трупа подразумевает специфическую веру в мир неба, куда душа усопшего перемещается с помощью огня, вместо того чтобы спускаться в подземный мир или пребывать в могиле. Нельзя сказать, что изучение погребальных обрядов «примитивных» народов подтвердило эту доктрину. Напротив, оно показало, что большое разнообразие погребальных обрядов существует среди родственных в культурном и физическом плане племен. В Америке некоторые индейцы кремируют своих усопших, некоторые избавляются от мертвых другими способами. Та же самая картина наблюдается среди меланезийцев и жителей тихоокеанских островов. В Австралии, где коренное население необычно однородно в этническом плане, кремация является всего лишь одним из многих обрядов. Даже в пределах одного племени он может применяться к определенному классу, в то время как другие члены того же самого племени предаются земле или выставляются на платформах и на деревьях. Что еще более

примечательно, трупоположения и кремации практиковали тасманские аборигены. Этот народ сохранил палеолитический облик своей культуры, не сумев подняться в культурном отношении выше, чем носители культуры европейского ориньяка. Такие примеры предупреждают нас, что не следует преувеличивать значения погребального обряда в качестве определения того или иного этноса. В случае с сибирскими аборигенами ясно, что сжигание трупов получило у них распространение потому, что это был самый эффективный способ избавиться от трупа, поскольку земля из-за постоянных морозов была слишком твердой, чтобы вырыть в ней могилу.

В любом случае нельзя доказать, что все индоевропейцы кремировали своих покойников и что все народы, практиковавшие обряд кремации, были индоевропейцами. В Боснии самые ранние курганы, которые обычно приписывают иллирийцам, скрывают под собой несожженные долихоцефальные останки. Погребения раннего железного века в Македонии, которые должны быть приписаны протодорийцам или их ближайшим родственникам, неизменно содержали трупоположения. В материковой Греции обряд кремации не обнаружен в некрополях раннегеометрического периода Тиринфа, Асине и Аргоса. Как мы уже упоминали выше, с одинаковой степенью вероятности можно предполагать, что эта традиция могла попасть в Грецию из Малой Азии и что она была занесена из Центральной Европы ахейцами или дорийцами. Самый ранний фригийский курган в Гордионе содержал несожженное тело. Напротив, ни ранние кремации из Палестины, ни сомнительные примеры из Шургуля в Месопотамии не могут быть приписаны индоевропейцам. И хотя население Кархемиша, которое начало кремировать покойников около 1100 года до н. э., может быть названо «хеттами», нет никаких доказательств того, что они смешались с тем же самым индоевропейским элементом, который оказывал влияние на хеттов в Каппадокии тремя или четырьмя столетиями ранее.

На основании этого поверхностного обзора погребальных обрядов, древних и современных, можно сделать следующие выводы: 1) никакой единый этнический компонент не удается выделить соматическим путем или посредством анали-

за его керамики или орудий, с которым можно связать все кремации даже в Центральной Европе в течение 3-го и 2-го тысячелетий до н. э., не говоря уже о таковых в Британии или на Ближнем Востоке и о современных примерах из Австралии и Америки; 2) замена трупоположений на обряд кремации не сопровождалась никакими этническими изменениями; 3) нельзя доказать, что практика сжигания трупов возникла в Центральной Европе и распространилась оттуда; 4) кремация не засвидетельствована для всех ранних индоевропейских народов, в то время как ее иногда практиковали и неиндоезропейцы. На этих основаниях привлекательная на первый взгляд гипотеза доктора де Мишели должна быть отвергнута.

СКАНДИНАВЫ В ДОЛИНЕ ДУНАЯ

Возможности Центральной Европы для решения интересующего нас вопроса все еще далеко не исчерпаны. В долине Дуная появлялись и другие культурные группы, которые пользовались наследием «дунайцев». В Венгрии и Моравии Дунайская культура I уступила место примерно в середине 3-го тысячелетия до н. э. новой группе населения, центр которой находился в Венгрии. Она сохранила многие старые элементы и смогла приобрести новые. Степень организации общества возросла, и в то же самое время оно стало более консолидированным. Это было необходимо, чтобы противостоять другим группам населения; поселения увеличиваются в размерах, рядом с ними располагаются большие некрополи, иногда возводятся оборонительные стены; начинают изготавливать боевое оружие. С точки зрения культуры эти новшества имеют двойной аспект: с одной стороны, своего рода варварская роспись сосудов, в которой краски наложены на поверхности вазы после ее полировки и обжига, — некоторые типы керамики, такие как сосуды на подставках, указывают на импульс, который шел на восток от носителей культуры расписной керамики из Трансильвании; с другой стороны, некоторые типы сосудов и наличие очковидных спиральных брошей из меди свидетельствуют о контактах с Троей II. Этнические

изменения обозначены присутствием высоких долихоцефальных скелетов северного типа в могильниках Бодрогкерештур около Токая и Ленгиель в округе Толна к югу от Будапешта.

Некоторые авторы, считающие, что индоевропейцы принадлежали к северной расе, все же полагают, что они представляли собой только одну из ее ветвей. Де Лапу выделил индоевропейскую область в Центральной Европе, куда представители этой северной расы постепенно проникали. Теперь в Венгрии мы имеем свидетельства этого проникновения. Культура, которую принесли северяне в Венгрию, показывает несомненные черты сходства с современными ей культурами Иллирии, Фессалии и Трои. Ее варианты можно далее проследить в Моравии, Силезии, Богемии, Саксонии и Баварии. Мы, таким образом, во второй период существования дунайской культуры можем проследить наличие у нее интенсивных связей с другими культурами, которых не было в первом периоде. Разве условия, которые постулируются доктором Джайлсом, теперь соблюдены? Я так не думаю.

Долина Дуная в ту эпоху, по всей видимости, не была тем самым центром, из которого культура начала распространяться в разные стороны и где новые элементы, привнесенные извне, получили дальнейшее развитие. Связи с Троей, например, свидетельствуют о том, что культурное влияние шло не на нее, а из нее. В то же время большинство европейских элементов в Трое нельзя рассматривать в качестве прямого наследия дунайской культуры. Каменные топоры с четкими гранями с территории Троады, кажется, не встречаются в Венгрии в это же самое время, но первые медные топоры действительно начинают тогда появляться. Создается впечатление, что мы наблюдаем две стороны одного и того же явления. Возможно, было проникновение жителей Северной Европы через территорию Болгарии в Троаду, отмеченное преимущественно каменными топорами, а также и в Венгрию, отмеченное долихоцефальными черепами и медными топорами. Если последняя волна достигла Венгрии с Востока через Карпаты, то она, возможно, принесла с собой эти элементы трансильванской культуры, которые затем варваризуются в Дунайской культуре II. Но в этом случае, если северяне и были индоевропейцами, нет никакой причины

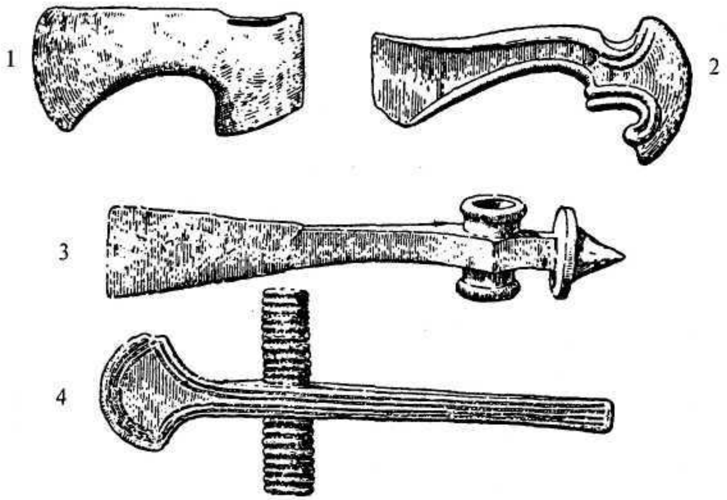

Рис. 24. Боевые топоры с территории Венгрии:
1 — медный век; *2—4* — бронзовый век

для того, чтобы распространять это наименование только на пришельцев из Венгрии, поскольку последние не добрались до Малой Азии. Они были, скорее, одной из групп переселенцев с севера, центр которого лежал вне долины Дуная. Не исключено, что этот центр и был колыбелью индоевропейцев.

Справедливость подобного утверждения наглядно видна в последующий период, когда переселение северных народов можно проследить на территории Моравии и Богемии. Переселенцы, которые появились там около 2000 года до н. э. несколькими группами, приносят с собой все достижения тогдашней цивилизации, предшествующее развитие которой можно во всех деталях проследить к северу и востоку от этих областей. Отважные охотники и пастухи завоевали земли, занятые земледельцами Дунайской культуры, и, в отличие от них, предпочитали возводить свои поселения на вершинах холмов. Эти мобильные племена принесли с собой новые типы сосудов — так называемой северной керамики с орнаментом набегающей волны; использовали кремень вместо камня для изготовления кельтов и имели роскошные боевые топоры из камня; иногда они насыпали курган над покойником. Подобные этнические элементы появляются в Трансильвании и Венгрии примерно в то же самое время, и в качестве следов своего пребывания завоеватели оставили после себя курганы, новые типы медных и каменных топоров, сосуды с волнообразным орнаментом, которые служат верным признаком их расселения. Причем они попали туда с юго-востока и востока, а также с севера. Долина Дуная была, таким образом, занята выходцами из Северной Европы, а не была тем центром, из которого группы северян перемещались в северном направлении.

Эти пришельцы с севера, должно быть, уже были индоевропейцами, если индоевропейцы и на самом деле были выходцами из Скандинавии; последующие культуры, как в Венгрии, так и в Богемии, возникли на основе культур третьего периода, которые мы только что упоминали. Позднее не было никаких массовых переселений вплоть до эпохи поздней бронзы. Культура бронзового века долины Дуная обнаруживает черты преемственности у местных культур неолитической и энеолитической эпох. Глиняная посуда раннего бронзового века из погребений Богемии, Саксонии, Силезии и Моравии происходит от североевропейской керамики, при этом определенное влияние на нее оказали также типы, характерные для «следопытов» и более ранней Дунайской культуры II, найденные в Ленгиеле; в погребениях раннего бронзового века находят каменные боевые топоры, изделия из рога, крайне редко изделия из бронзы, а в Восточной Венгрии типичным оружием бронзового века был металлический топор. Распространение металлургии не сопровождалось приходом сюда новых групп населения. Торговцы действительно прибывали — «следопыты», которые принесли колоколовидные кубки с запада, были весьма немногочисленны, — развитие культуры стимулировалось торговлей с Троей оловом, а с Критом и Грецией янтарем. Народ, который использовал металлы и занимался их обработкой, принадлежал в целом к более развитым группам населения. Во второй половине 2-го тысячелетия он обогнал в области металлургии ведущие центры Азии и Эгеиды, создал оригинальную серию форм. Среди них сле-

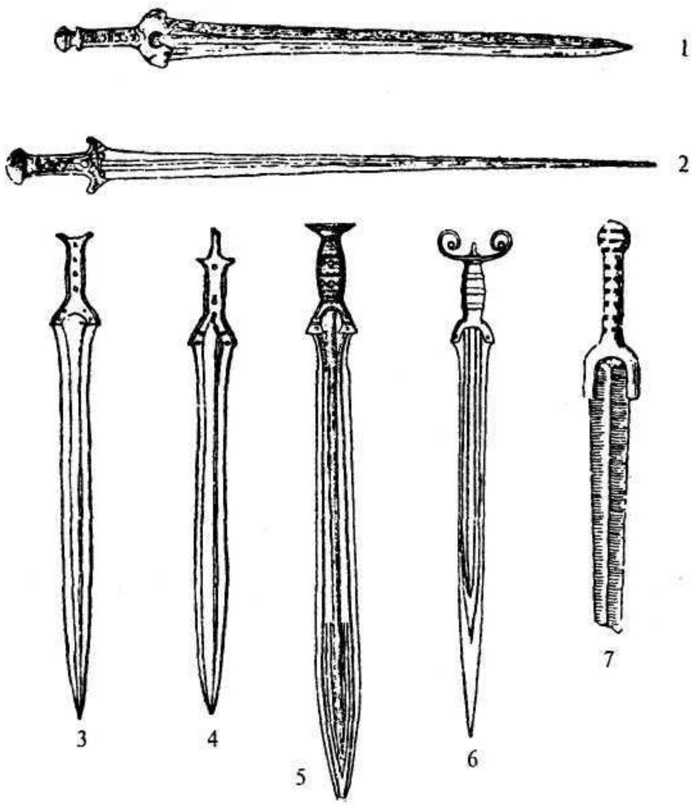

Рис. 25. Шпаги и мечи: *1—2* — минойско-микенский тип (Крит); *3* — ахейский тип (Микены); *4* — ахейский тип (Мулиана); *5* — позднебронзовый тип (Венгрия); *6* — меч с антенновидным навершием (Швейцария); *7* — Муши-Эри (Закавказье)

дует выделить превосходное оружие — рубящий меч, которому было суждено завоевать Эгеиду, а затем и Древний Восток и который вплоть до настоящего времени известен как рапира или шпага (рис. 25).

Рука об руку с этими культурными преобразованиями шел процесс социальной эволюции, который привел к появлению военной аристократии, которая установила свое господство над общинами земледельцев. В отличие от искусства

каменного века искусство бронзового века долины Дуная несет на себе отпечаток варварской изысканности. В то же самое время социальная структура усложнилась, теперь она включала в себя не только простых общинников, появились вожди, чье влияние и могущество постепенно росли. Важная роль отдельных личностей хорошо засвидетельствована для раннего бронзового века, когда появляются курганы правителей, в которые помещались богатые золотые украшения и великолепное оружие. Они возвышались среди простых грунтовых могил соплеменников. Очень вероятно, что концентрация власти вождями началась еще до прихода северян. Боевые топоры, которые тогда появились, подобно церемониальным топорам из Гиссарлыка, возможно, были символами власти. У нас есть некоторые указания на то, что те отважные скотоводы, которые в то время селились на холмах, утвердились в качестве правителей среди земледельцев, являвшихся наследниками более древней и примитивной культуры. Столкновения между оседлыми и кочевыми народами, а также социальные потрясения нарушили однородность земледельческих общин, жизнь стала разнообразнее, что привело к невиданному взлету во всех областях жизни культур бронзового века.

Ферментом, который привел в действие все эти процессы, некоторые исследователи склонны считать индоевропейцев. Но прежде чем их удастся отождествить с высокими скандинавами, появление которых мы уже описывали, следует упомянуть и о другой современной им группе пришельцев.

АЛЬПИЙСКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ В ДОЛИНЕ ДУНАЯ

В течение периода потрясений другие народы перешли к занятиям земледелием на лессовых землях Центральной Европы. Они были, очевидно, горцами, пришедшими с запада, и их можно назвать жителями Альп без всякого ущерба любым теориям об устройстве их черепов. Нужно разобраться, не были ли они индоевропейцами.

Родиной пришельцев, очевидно, была горная местность, и они были потомками того донеолитического народа, с ко-

торым мы познакомились в последней главе. От своих предков они унаследовали, как мы видели, привычку сооружать свайные постройки на берегах озер, а с некоторыми достижениями неолита они познакомились у земледельцев долины Дуная, чьи территории они теперь захватили. Оснащенные таким образом, они создали хорошо известную неолитическую цивилизацию швейцарских приозерных жителей, в то время как другие родственные им группы населения в рейнской долине, Бадене и Баварии строили укрепленные поселения на вершинах холмов и создали собственные культуры, названные по характерным памятникам соответственно Мишельбург и Альтейм. Эти неолитические культуры отставали в своем развитии по сравнению с Дунайской культурой I, но их создатели, которые одновременно занимались скотоводством, земледелием и охотой, дальше продвинулись в своем социальном развитии. Этому способствовало строительство свайных построек на берегах озер, что требовало высокой организации труда. Те поселения, которые располагались на суше, были укреплены валом и рвом, а находившиеся внутри укрепления хижины располагались правильными рядами. Все это предполагает наличие верховной власти, способной сплотить усилия всех членов коллектива. Этот тип социальной организации общества, подобно архитектуре, которая воплощает его, возможно, был обусловлен суровыми условиями жизни альпийцев в донеолитические времена.

К третьему периоду существования культуры в долине Дуная создатели этой горной цивилизации, хотя и раздробленной на множество культурных групп, начали расширять свою территорию. Это было неизбежно. Всегда существовал избыток населения в узких горных долинах, и оно вынуждено было искать себе применения на стороне, становясь разбойниками или поступая на службу в качестве наемников или прислуги. Итак, разрозненные группы обитателей поселений на холмах из Юго-Западной Германии достигли территории Богемии примерно в то же самое время, что и жители Северной Европы. Из Швейцарии часть населения переселилась на озера Северной Италии. Находки характерной керамики на нескольких поселениях в Нижней Австрии и, возможно, Моравии свидетельствуют о присутствии там части того же самого населения, которое пришло

с восточных склонов Альп. Свайные постройки имеются и в среднем течении Дуная, хотя точная их датировка и неизвестна, на берегах Дуная и Тисы, а также на озерах Каринтии, Карниолии и Штирии. К эпохе позднего бронзового века подобный тип жилища появляется в Боснии, а античные авторы сообщают нам, что в их времена подобные постройки существовали и в Македонии.

Теперь у нас есть весомые основания полагать, что альпийская зона была заселена праиндоевропейцами. Отсюда, примерно с территории, расположенной между Тюрингией и Истрией, начали расселяться по Европе кельты. Италики представляли собой их южную ветвь, и наличие у них жилищ типа terremare свидетельствует о том, что их предки некогда жили в свайных постройках. Опять-таки имеются несомненные черты сходства между керамикой боснийских озерных жителей и обитателей terremare, с одной стороны, и керамикой населения Македонии раннего железного века — с другой. Последних можно считать протодорийцами, если не протоэллинами, тогда как первых можно определить как италиков. Видимо, не случайно, что те же самые типы керамики, среди которых можно выделить сосуды с высокими ручками, можно проследить по всей Южной России до Днепра в скифских курганах на протяжении всего железного века. Более отдаленные аналогии можно найти в Венгрии, где они появляются в эпоху среднего бронзового века и продолжают существовать в гальштатский период. Таким образом, происхождение большого числа индоевропейских народов можно связать с группой альпийских культур. Между ними можно проследить даже более тесную взаимосвязь, если согласиться с точкой зрения Тейлора, что физический тип праиндоевропейцев больше всего напоминал тот тип пракельтов, который выделяет Риджвей, — высокие блондины, брахицефалы, — одна группа такого населения оставила после себя круглые курганы на территории Британии; этот тип изначально мог появиться в горах Европы.

Тем не менее отнюдь не просто проследить связи между жителями альпийской зоны с территориями к востоку и северу от нее. Во-первых, нельзя сделать конкретных выводов о преобладании того или иного погребального обря-

да; нам неизвестны ранние погребения приозерных жителей с территории Швейцарии, Верхней Австрии, Черногории и Боснии; то же самое относится и к обитателям сухопутных поселений альтеймского типа на территории Баварии. С другой стороны, родственные им группы населения мишельбургской культуры в Рейнской области и даже в Богемии никогда не сжигали своих умерших, а всегда хоронили их в ямах под жилищами, которые затем разрушались. Поэтому недопустимо утверждать, что эти жители Центральной Европы изначально практиковали обряд кремации, о возможности наличия которого говорилось выше. В то же самое время все эти альпийские культуры принадлежат к относительно позднему времени и многие черты своей культуры заимствовали в значительной степени у других групп населения, так что трудно сказать, какие именно из них являются изначально им присущими.

Альпийская цивилизация в своей ранней стадии не соответствует той культуре индоевропейцев, которая известна нам по данным сравнительного языкознания. Горная страна, пересеченная долинами и пропастями, плохо соответствует данным о раннем знакомстве индоевропейцев с лошадью. Костные останки этого животного не были найдены при раскопках древнейших поселений в Швейцарии. Мы склоняемся к точке зрения, что индоевропейцы лишь со временем заселили альпийскую зону.

У всех народов горных областей Европы можно обнаружить признаки смешения с населением Северной Европы, причем этот процесс начался еще до периода их повсеместного расселения. Рядом с поселениями мишельбургской культуры в Вюртемберге и Бадене часто возвышаются курганы, в которых находят керамику со шнуровым орнаментом и боевые топоры и которые могли служить местом погребения вождей северных племен. На поселениях баварской культуры Альтейм и в деревнях на озерах Верхней Австрии также часто встречаются каменные боевые топоры (ср. рис. 27, 5), прототипы которых следует искать на севере и востоке. Здесь, точно так же как и в Трое, они могли быть символами власти, которые носили вожди северных племен. Кроме того, подобные топоры встречаются в Верхней Италии как в terremare, так и в более раннее

время. Керамика с мишельбургских укрепленных поселений и селищ в Нижней Австрии также включает в себя типы, напоминающие керамику Северной Европы, которая, как мы уже знаем, проникала в долину Дуная и на древнейшие приозерные поселения в Черногории. Имеющая форму полумесяца ручка, столь характерная для итальянских terremare и позднейших приозерных поселений на территории Боснии, могла быть позаимствована или, по крайней мере, возникла под влиянием более ранних и более простых типов, появляющихся в северном контексте в Богемии, Моравии и Галиции. Характерный для мишельбургской культуры дом с портиком, который так напоминает греческий мегарон (фото 8, А), как полагает Рейнерт, имеет северное происхождение. Таким образом, на восточных склонах Альп мы находим многочисленные свидетельства культурных контактов между жителями этих мест и Северной Европы. В Швейцарии имеются и краниологические свидетельства в пользу этого; там мы находим курганы пришлого населения с керамикой и вещами тюрингского и рейнского типов, которые проникают на юг вплоть до кантона Цюрих. Там мы не только находим свайные поселения более позднего времени (даже на Женевском и Невшательском озерах, при раскопках которых находят характерные северные каменные топоры), но и типичные долихоцефальные черепа, что свидетельствует о проникновении населения Северной Европы в среду изначально брахицефального альпийского населения. Многие антропологи склонны считать, что высокие брахицефалы появляются здесь в результате смешения альпийской и северной рас.

Следовательно, присутствие северных элементов среди обитателей горной зоны в период позднего неолита следует признать как факт на основании культурных и антропометрических данных. Мы уже видели, что такой элемент способствовал установлению связей между Центральной Европой и другими областями. Поэтому, вероятно, не будет слишком опрометчивым видеть в нем, в том числе и в альпийском регионе, один из индоевропейских компонентов. То есть мы могли бы считать, что жители альпийской зоны стали индоевропейцами в результате смешения с при-

шельцами из Северной Европы, а оно могло явиться следствием их завоевания последними.

Перед нашими глазами прошел целый акт в театрализованном представлении под названием первобытная история Европы. Мы стали свидетелями зарождения на Центрально-Европейской равнине производящих форм хозяйства, которые освоили носители дунайской культуры. Мы смогли наблюдать за тем, как грубые охотники в горной зоне заимствовали достижения неолита у «дунайцев», а затем создали собственные культуры, одни носители которых жили в свайных поселках вблизи озер, а другие — в укрепленных поселениях на холмах. Мы обнаружили следы вторжений безымянных народов, основным оружием которых были каменные топоры, а также проследили, какие последствия подобные вторжения имели для населения горной местности и равнин. Мы заметили одну чрезвычайно важную вещь — преобразование земледельческой культуры, занимавшей значительную территорию, но чрезвычайно консервативную, в ядро цивилизации, несущей в себе потенциальные возможности к развитию и расширению. Из столкновений различных культур и различных этнических групп с отличными друг от друга типами экономической организации и социальных традиций возникли варварские рудименты государств. В этих пределах мы различаем ядро, оплодотворенное торговлей с югом и западом, откуда по крайней мере два исторических народа, италики и кельты, двинулись дальше, чтобы завоевать большую часть континента и распространить на нее индоевропейскую культуру. В качестве движущей силы мы должны признать еще один элемент, который мы также встретили в Трое и в бассейне Эгеиды. Таким образом, хотя мы пока и не нашли колыбель индоевропейских народов, мы имеем путеводную нить, которая ведет нас в ту область, на которую сообща указывают данные лингвистики и этнологии, — равнинные территории Северной и Восточной Европы. На ней, по всеобщему признанию, преобладала североевропейская раса, к рассмотрению которой мы теперь переходим.

Глава 7

ТЕОРИЯ О СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛЫБЕЛИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ-БЛОНДИНЫ

Громадное большинство исследователей, начиная от Омалиуса д'Аллуа и Латама, которые разделяли доктрину европейской прародины индоевропейских народов, склонны были локализовывать ее где-нибудь на обширной равнине, которая простирается от Северного моря до Каспийского. Эта область не только лучше других отвечает всем требованиям, которые предъявляет ей сравнительное языкознание, но и была также территорией, которую населял высокий светловолосый народ европейской расы. И все защитники теории европейской колыбели индоевропейцев, которые вообще обращались к данным антропологии, убеждены в том, что первые индоевропейцы были блондинами.

Родоначальники европейской теории проявили большую изобретательность, чтобы найти людей высокого роста со светлыми волосами, светлой кожей и крепкого телосложения там, где ныне разговаривают или некогда разговаривали на индоевропейских языках. Они вынуждены были, конечно, признать, что сегодня эти физические характеристики почти полностью исчезли среди многих народов, которые разговаривают на индоевропейских языках. Даже в Европе типичные греки, итальянцы и испанцы сегодня отличаются небольшим ростом и имеют темный цвет кожи, что характерно для жителей Средиземноморья. Но такие явления можно объяснить расовым смешением. Высокие светловолосые индоевропейцы в таких областях были всего лишь господствующим меньшинством. Их физические характеристики развились в холодном климате и, если использовать терминологию Менделеева, имели низкий коэффициент выживаемости в

новой природной среде. Однако можно привести много свидетельств в пользу того, что в областях, где теперь разговаривают на индоевропейских языках и где блондины теперь фактически исчезли, такие физические типы существовали в древности.

Де Лапу, например, отмечал, что ахейские герои часто описываются как «золотоволосые», что многие из знаменитых римлян, такие как Сулла, Катон и другие, кажется, были светловолосыми, а такие имена, как Агенобарб, Фульвий, Флавий и Руфий, подразумевают физические характеристики, которые совершенно нетипичны для обитателей Средиземноморья. В индийской литературе слово «каста» — varna переводится как «цвет». Уже в ведические времена и в дальнейшем пандавы описываются как высокие и светловолосые. На основании этого можно сделать вывод, что таким образом подчеркивалось различие между смуглыми дравидами или протодравидами, dasyus, — которые даже в Ригведе описываются как чернокожие (krisnavarna), — и светлыми ариями. Мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что упоминания о светлокожих рабах появляются в вавилонских документах примерно в то самое время, когда появление лошади и продвижение в этот район касситов предполагают присутствие индоевропейцев на Иранском плоскогорье. Занявшись изучением персов, изображенных на саркофаге из Сидона и на других памятниках, де Ужфалви пришел к выводу, что эта группа иранцев включала в свой состав блондинов с севера. Китайские авторы упоминают о присутствии крепко сложенных, голубоглазых, светловолосых людей в Средней Азии во время максимального распространения иранских языков незадолго до начала нашей эры, а на древних изображениях с погребенных под песками городов бассейна Тарима, наряду с местным населением монголоидного типа, представлены явно светловолосые европейские типы. По сообщениям римских авторов, ираноязычные аланы были высокими и светлыми. Кроме того, этот же самый тип еще и сегодня присутствует среди различных индоевропейских народов в тех частях Азии, где в силу их изолированности им удалось избежать смешения с другими народами или же где существуют климатические условия, сопоставимые с климатом Северной Европы. Такими блондинами являются иранские галхи, впервые изученные де Ужфалви в 1878 году. Курды, проживающие в горах Северного Ирака, также являются высокими, светловолосыми и голубоглазыми (фото 8, Б); фон Люшен обратил внимание на то, что район их обитания совпадает с тем, откуда появились индоиранские правители Митанни 3500 лет назад. Опять-таки вокруг древнеперсидской столицы Персеполя жила группа населения с голубыми глазами и волосами цвета каштана. Не исключено, что этот факт, по крайней мере, является свидетельством проникновения настоящих блондинов в Персию.

Подобные примеры, как древние, так и современные, можно было бы умножить, но и сказанного вполне достаточно для того, чтобы показать, что эти блондины представляют собой связующее звено между Европой и Азией, а также между Северной Европой и Средиземноморьем. Если мы согласимся с той точкой зрения, что эта этническая связь была еще также и лингвистической, то теория индоевропейской колыбели в Европе получает подтверждение, так как любой согласится, что такие блондины могли первоначально появиться только где-нибудь на территории Европы.

Большинство приверженцев этой гипотезы пошли еще дальше и считают, что изначальный индоевропейский тип, или, как они его называют, Homo europaeus nordicus, был представлен высокими долихоцефальными жителями Севера. Однако следует отметить несколько исключений. Исаак Тейлор указал два обстоятельства: не все жители Севера могут считаться индоевропейцами, поскольку многие финны также принадлежат к этому расовому типу, а многие индоевропейские блондины являются сейчас и были ранее брахицефалами. К последнему типу Тейлор относит британских строителей круглых курганов, которые были брахицефалами и при этом, весьма вероятно, были индоевропейцами (кельтами) и имели светлые волосы. Основываясь на этом британском материале, Тейлор утверждает, что первые индоевропейцы были высокими блондинами, но при этом короткоголовыми. Этот тип представлен среди древних кельтов и современных славян, кроме того, он

его выявляет и среди умбро-латинов. Как известно, профессор Риджвей развил этот аргумент в отношении кельтов и включил в этот список еще и ахейцев Греции. Недавние исследования показали, что сфакиоты Крита, которые могли быть прямыми потомками дорийцев, принадлежат к той же самой группе брахицефалов. Кроме того, некоторые азиатские блондины, наличие которых с энтузиазмом приветствовалось антропологами, придерживающимися североевропейской гипотезы, оказывается, принадлежат к тому же самому типу брахицефалов, что и славяне. Наконец, даже в Германии, России и Скандинавии, а это те самые области, откуда сторонники северного происхождения индоевропейцев черпают свои самые мощные аргументы, брахицефальный элемент существовал уже в неолитические времена.

Таким образом, имея такой аргумент в своем распоряжении, Тейлор убедительно доказал, что индоевропейцы были брахицефалами, а более поздние исследования, о которых я уже упоминал, только усиливают его выводы. Они, если быть кратким, сводятся к следующему. Европейские брахицефалы разделились на две части: низкорослые и темные с одной стороны, высокие и светловолосые — с другой. Обе эти ветви были азиатского происхождения. Первая из них включала в себя предков финнов и басков, а вторая, которая обосновалась в северной части Центральной Европы, превратилась в индоевропейцев. С другой стороны, длинноголовые жители севера не были изначально индоевропейцами, а стали ими только посредством контактов с брахицефалами. Тейлор с особым удовлетворением отмечает, что древние германцы исказили индоевропейский язык, свидетельством чего являются изменения в произношении согласных. Это только последний пункт, который нас непосредственно касается, другие детали теории Тейлора, среди которых можно упомянуть утверждения об азиатском происхождении брахицефалов, их родстве с монголами, несколько устарели.

Однако даже в своей основе теория Тейлора если и не является недостаточно обоснованной, то, по крайней мере, производит странное впечатление. С одной стороны, вызывает удивление, почему пришельцы из Азии должны

были начать говорить на индоевропейском языке только в Европе. С другой стороны, большинство антропологов теперь предпочитают считать, что высокие светловолосые брахицефалы, жители берегов Вислы и строители круглых курганов, которые вторглись в Британию, появились в результате смешения между жителями Севера и более темными брахицефалами. Фактически сам Тейлор должен признать наличие контактов между высокими долихоцефалами и высокими брахицефалами в период индоевропейского единства. Разве не более разумно, спрашивает Заборовски, связать переход, который признает и сам Тейлор, от доиндоевропейской к индоевропейской речи с этими долихоцефалами? Утвердительный ответ в данном случае не обязателен, поскольку не ясно, можно ли связать определенную культуру с этой ветвью высоких светловолосых брахицефалов. Но они появляются как относительно однородная масса только в период разложения первобытно-общинного строя в Европе, и их не удается связать ни с какой конкретной культурой. Приписываемые им материальная культура и погребальный обряд повсеместно носят смешанный характер, а происхождение самых типичных элементов обычно связывается с Северной Европой. Этот вывод представляется безусловно оправданным для группы населения, вторгшейся в Британию. Их керамика и часть изделий из металла обнаруживают несомненное влияние «следопытов». С другой стороны, наиболее типичная для них форма сосуда не была колоколовидным кубком, а скорее украшенным шнуровидным орнаментом кубком; они использовали каменные боевые топоры и хоронили своих покойников под курганами, а не в грунтовых могилах, подобно «следопытам». Все эти особенности — шнуровидный орнамент, боевые топоры и курганы, отмечающие захоронения, — характеризуют северный народ, известный в Тюрингии и на юге Германии. Именно этому народу наши строители круглых курганов обязаны своим высоким ростом и характерными для северной расы особенностями, которые проявляются в строении их черепов, а также во многих элементах их цивилизации.

Таким образом, мы можем считать, что высокие брахицефальные блондины появились в результате этническо-

го и культурного смешения. Мы можем, соответственно, идентифицировать тот компонент, которому они обязаны своим высоким ростом и светлыми волосами и который оказал на них большое культурное влияние, с индоевропейцами, которые научили брахицефалов индоевропейскому языку. Мы теперь вновь возвращаемся к жителям Северной Европы, но в свете предшествующей дискуссии должны оговориться, что, по крайней мере ко времени расселения индоевропейцев, крайне маловероятно, что северяне, как, впрочем, и любая другая группа населения, были чисты в этническом плане.

Следует упомянуть некоторые аргументы, имеющие отношение к антропологии, археологии и филологии, которые приводятся в доказательство североевропейской гипотезы происхождения индоевропейцев. Ее родоначальники и многие их последователи приписали северной расе физическое превосходство, соответствующее лингвистическому преимуществу индоевропейской речи, и стремились на основании скелетных останков северян определить психологические характеристики, которые, как они считали, были специфически индоевропейскими. Пенка в Германии и де Лапу во Франции добавили лирики к своей оценке достоинств высоких блондинов, и эти панегирики все еще повторяются авторами научно-популярных работ в этих странах. Согласно Пенке, северная раса «всегда побеждала и никогда не была побеждена», что она была «духовно и физически аристократической».

Кажется, сегодня нет необходимости приводить дальнейшие цитаты из работ тех, кого назвали «антропосоциологами», или критиковать их взгляды. Соответствия между строением черепной коробки и интеллектуальными способностями, если таковые вообще имеются, должны все же быть найдены. Сегодня ни один серьезный анатом не будет пытаться определить на основании строения скелета умственные способности или достижения его бывшего владельца. Ту долю истины, которая лежит в основе таких басен, мы попытаемся определить в следующей главе. Для решения индоевропейской проблемы фантазии антропосоциологов являются совершенно бесполезными.

Мало того, они просто вредны. Они побудили их глашатаев предполагать такие переселения народов, о которых у нас вообще нет никаких сведений. Неоднократно предпринимались ранее и предпринимаются до сих пор попытки доказывать, что северная раса была расой господ, что самые ранние династии Китая, Шумера и Египта были основаны пришельцами из Европы, и даже сегодня некоторые историки находятся под влиянием этих предвзятых взглядов. Такой неоправданный энтузиазм только вредит науке. Эти апологеты северной расы служат политике империализма и установления мирового господства: слово «ариец» стало лозунгом у наиболее опасных политических течений и оправданием для наиболее зверских и откровенных форм антисемитизма. Действительно, пренебрежение и дискредитация, с которыми индоевропейская филология столкнулась в Англии, являются в значительной степени законной реакцией против экстравагантных выступлений Хьюстона Стюарта Чемберлена и его сторонников, а также против весьма печальной ассоциации слова «ариец» с погромами.

СКАНДИНАВИЯ И ГИПОТЕЗА ГЕРМАНИСТОВ

Согласившись с тем, что первые индоевропейцы принадлежали в основном к северной расе и что последняя занимала север Европы и Восточно-Европейскую равнину, нам остается только более конкретно локализовать ее колыбель. Куно (1880), Заборовски (1898) и другие утверждали, что всю область от Северного моря до Каспийского следует рассматривать в качестве территории, на которой возник праиндоевропейский язык. Однако это кажется невозможным. Получается, что на этом примитивном языке должен был разговаривать единый народ, который должен был сформироваться в такой обширной и разнообразной в смысле природных условий области. Индоевропейцы должны были проживать на достаточно компактной территории, поскольку имели единого племенного бога, который считался их отцом. Едва ли возможно, чтобы «племя», ряд

племен или семейств, расселившись во все стороны на тысячи миль, занятых болотами, лесами и степями, обладали такой степенью сплоченности, которую подразумевают эта и другие черты в примитивной культуре индоевропейцев. Нельзя забывать и о том, что тогда лесные пространства, более густые, чем сегодня, представляли собой серьезные препятствия для общения и передвижения людей. Хотя в донеолитические времена бродячие группы северных охотников блуждали по большой части этой огромной равнины, совершенно ясно, что в наших поисках прародины индоевропейцев мы должны определить более ограниченную область, где развивалась однородная культура и откуда ее распространение можно проследить.

Две области на Восточно-Европейской равнине с самого начала привлекли наибольшее внимание филологов: один из родоначальников европейской гипотезы, Омалиус д'Аллуа, выбрал северную часть Центральной Европы, а другой, Латам, остановил свой взгляд на Волыни и Украине. Оба оказались провидцами; хотя можно сразу же сказать, что на современном уровне наших знаний выясняется, что всем необходимым условиям соответствует только одна из этих двух областей. Тем не менее филологами и антропологами было предложено много других вариантов локализации прародины индоевропейцев. Пеше в 1878 году указывал на истоки Припяти, болотистую местность вблизи городка Ракитно, как на наиболее вероятное ее местоположение. Однако он опирался на ошибочную антропологическую концепцию, спутав блондинов севера с альбиносами и ошибочно при этом полагая, что последняя характеристика объясняется влиянием болотной среды. Добавив, что альбинизм присущ жителям ракитнинских болот и в его время, он, таким образом, определил местонахождение прародины северной расы, а заодно и индоевропейцев. Все его посылки являются неверными, его теория представляет теперь только чисто академический интерес. В любом случае нам неизвестна археологическая культура, которая возникла у истоков Припяти. Тот же самый недостаток свойствен и теориям, которые размещают колыбель индоевропейцев в Восточной Германии или Польше. Ни одна из культур эпохи неолита или ранней бронзы не возникла в этих регионах; мы можем ясно проследить

проникновение туда других культур из долины Дуная, из Скандинавии и, возможно, из Южной России, но ни одна из них не развилась в самостоятельную местную культуру, достаточно древнюю и значительную, чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым к прародине индоевропейцев.

Область между Неманом и Вислой, предложенная профессором Бендером на роль таковой, как кажется, играла второстепенную роль в доисторические времена. Она действительно имеет одно преимущество по сравнению с другими, так как населена сегодня литовцами, то есть народом, который смог сохранить индоевропейский язык на протяжении столетий с исключительной чистотой и который принадлежит к северной расе. В настоящее время эта территория еще практически не изучена, но некоторые недавние исследования показали, что здесь мог находиться центр интересующей нас культуры. Тем не менее имеющиеся у нас на сегодняшний день данные позволяют предполагать, что этот район, покрытый густым лесом и защищенный с нескольких сторон дюнами, часто посещали донеолитические охотники; здесь существовала неолитическая цивилизация, но возникла она поздно и не была тем самым центром, откуда происходило расселение. В своих основных чертах эта культура, возможно, была принесена туда переселенцами уже в готовом виде из Скандинавии или Южной России. Не вызывает сомнения, что в одной из этих областей, насколько нам позволяют судить известные нам данные, и следует искать наших индоевропейцев. Первая из этих областей наверняка, а вторая — вполне вероятно были центрами миграции населения на заре нового каменного века, там рано развились местные культуры, а их носители распространяли их достижения по всем направлениям.

В настоящий момент скандинавская теория кажется наиболее привлекательной, она разработана в деталях и подкреплена данными археологии такими глубокими знатоками, как Коссинна, Шлиц и Шушхардт. Основателем германистской школы, как мы можем назвать сторонников теории скандинавской колыбели индоевропейцев, был Карл Пенка. Он обратился одновременно к данным истории, филологии и антропологии, чтобы подкрепить ими его тогда

еще еретические представления. Антропологически присутствие скандинавской расы можно было проследить уже среди самых ранних обитателей севера; она представлена там во все эпохи, и сегодня скандинавы сохраняют этот тип в такой чистоте, которой нет больше нигде. В других областях, таких как Южная Россия, где черепа из древних курганов преимущественно представлены северным типом, или в средиземноморских странах и Индии, где данные лингвистики демонстрируют присутствие скандинавов, изначальный тип уступил место брахицефалам, или представителям средиземноморской расы. Следовательно, только на севере, где имелись подходящие условия, этот тип и возник.

История Скандинавии, как утверждают, развивалась без значительных потрясений и резких смен культур. С того времени, когда она впервые была заселена донеолитическими народами после отступления ледников, на ее территории не удается обнаружить следов завоевания извне или вторжения. В то же время именно север, а не Азия, был истинным officina gentium (местом происхождения племен). С начала письменной истории мы видим, как молодые народы — тевтоны, кимвры, готы, лангобарды, бургунды, норманны — устремлялись из холодных стран, чтобы завоевать и омолодить слабую Римскую империю. Формирование кельтов, римлян к греков должно рассматриваться в свете этой аналогии; вся предыстория заполнена свидетельствами успешного натиска на юг, восток и запад из индоевропейской прародины, расположенной среди северных снегов. Чтобы усилить свои аргументы, Пенка не смущался обращаться к мифам Гомера, цитируя его слова о киммерийцах, живущих в вечной тьме, и высоких лестригонах, над которыми никогда не заходит солнце. Он расценивал эти сведения как воспоминания греков об их арктической прародине.

Используя данные лингвистики, Пенка утверждал, что индоевропейская фонетическая система в наиболее чистом виде сохранилась в прагерманском языке.

Общий эффект этих аргументов, несмотря на преувеличения в некоторых второстепенных деталях, бесспорно, является очень мощным. Слабее всего эта теория аргументи-

рована с точки зрения лингвистики. Тезис о том, что прагерманский язык является самым прямым потомком праиндоевропейского языка, весьма ненадежен; достаточно вспомнить о знаменитых звуковых изменениях, на которые уже указывали Фик, Тейлор и Бендер. Такие фонетические изменения подразумевают, что древние германцы в очень значительной степени были смешаны с неиндоевропейскими народами. Но чтобы избегнуть этого противоречия, можно вслед за де Мишели отделить индоевропейцев от жителей Северной Европы и вспомнить о том, что одним из наиболее чистых индоевропейских языков является тот, на котором все еще разговаривают литовцы. Но мало того что прагерманский язык явно деградировал с фонетической точки зрения, культура самых ранних обитателей Скандинавии не соответствует в полной мере тем сведениям, которые при помощи сравнительного языкознания мы можем получить о прародине и примитивной цивилизации индоевропейцев. Скандинавия по преимуществу является приморской страной, и самые ранние группы населения там жили на берегу моря и занимались ловом рыбы. В то же самое время аргумент о том, что море не упоминается в индоевропейском словаре, имеет сомнительную ценность, поскольку известно, что ранние индоевропейцы даже в приморских областях не особо разнообразили свою диету рыбой. Янтарь стали очень рано и повсеместно использовать по всему балтийскому побережью и на севере Германии, однако для него не существует обозначения в индоевропейских языках. Хотя присутствие лошади на севере в ранний период теперь можно считать доказанным, это была маленькая крепкая лесная лошадка, к которой эпитет «быстрая» едва ли применим. Поскольку, как кажется, у индоевропейцев было слово для обозначения меди, с этим металлом в Скандинавии познакомились позже, поэтому германисты считают, что расселение индоевропейцев началось еще в эпоху расцвета каменного века. Соответственно, профессор Коссинна склонен рассматривать ayos заимствованным словом, с которым индоевропейцы познакомились после начала своего расселения.

Фактически ученики и последователи Пенки имели тенденцию обходиться без помощи данных сравнительного

языкознания, полагаясь на аргументы, которые кажутся им настолько убедительными, что другие просто оказываются ненужными. Они утверждают, что история всех индоевропейских народов началась из единого центра в Прибалтике, что это можно доказать при помощи археологии и что эта область является единственно возможным центром, из которого начали распространяться индоевропейские языки. Для проверки их утверждений удобно начать с системы профессора Густава Коссинны, которая может считаться в некоторых отношениях наиболее авторитетной. Я попытаюсь кратко сформулировать теорию, которую он начал обосновывать с таким глубоким знанием археологического материала, но я опущу массу второстепенных деталей, которые делают его труды сложными для восприятия дилетантами.

Когда отступление последних ледников сделало северную часть Европы пригодной для жилья, некоторые потомки палеолитических охотников на северного оленя продвинулись туда с территории Западной Европы. Около 10 000 года до н. э., по хронологии Коссинны, они обосновались на берегах ряда озер, заполнивших впадину, которая впоследствии стала Балтийским морем. Главные центры их культуры должны были располагаться в Скандинавии, но остатки культуры этих племен найдены от Голдернесса в Йоркшире до Латвии. Эти группы населения, названные Коссинной носителями доббертинской культуры, но больше известные в Англии под названием маглемозиан, были все еще только охотниками и рыбаками, подобно своим далеким предкам, жившим в палеолите. Подобно последним, они широко использовали кости и рога — причем обрабатывали эти материалы очень умело, — но они также использовали и крошечные осколки кремня, которые обычно называют микролитами, для оснащения гарпунов, а также для многих других целей. Они умели также из кремневых отщепов изготавливать топорики и наконечники копий — подобные орудия были неизвестны позднепалеолитическому населению Европы. Как короткоголовых, так и длинноголовых индивидуумов (последние были потомками высоких кроманьонцев Западной Европы) можно найти среди доббертинского населения. Коссинна считает их одновременно предками и индогерманцев (ариев), и финнов, предполагая, что они говорили на агглютинативном языке, от которого впоследствии произошли праиндоевропейский и прафинно-угорский языки.

Прошли столетия, побережье Северного моря опустилось, и соленая вода хлынула в древние озера, положив таким образом начало формированию Балтийского моря. В этот период, начинающийся, согласно Коссинне, около 6000 года до н. э., климат был теплее, чем сегодня; Европа тогда наслаждалась «климатическим оптимумом», и воды нового моря кишели рыбой. Новые и более благоприятные условия жизни повлекли за собой изменение обычаев древнего народа рыболовов. Более консервативный элемент, главным образом брахицефалы, держались возле пресной воды и продолжали использовать, хотя и с небольшими модификациями, костяную индустрию культуры маглемозе-доббертин. Эти косторезы, которые теперь начали распространяться и в восточном направлении, получили от Коссинны наименование «протофиннов», то есть предков финнов. Более восприимчивая к новшествам часть населения Скандинавии, главным образом долихоцефалы, использовала в своих интересах обильную добычу, которую можно было извлечь из теплой соленой воды, и стала жить в прибрежной зоне. Именно эта часть населения, которую Коссинна называет носителями эллербекской культуры, создала хорошо известную культуру датских мусорных куч, в которой искусство обработки кремня получило особое развитие. В конечном итоге они изобрели керамику, одомашнили некоторых местных животных и начали культивировать дикие злаки. Некоторые группы их становились поселенцами Британии и Северной Франции, куда они принесли культуру, широко применявшую кремень и получившую название кампанская. Другие переселенцы отправились в восточном направлении, заселив территорию Литвы, Польши и Волынь. Коссинна считает, что они даже достигли Месопотамии, где стали известны как шумеры, так что предполагаемая близость между шумерским и индоевропейским языками наконец получает свое объяснение. Ни один из этих народов все же не был индоевропейским — Коссинна называет их протоиндогерманцами, — но они были на пути к тому, чтобы стать индоевропейцами.

Те же, что остались дома, в Скандинавии, также сделали существенный шаг вперед в своем развитии, когда начали полировать кремневые топоры. Что представляла собой культура неразделенных индогерманцев, мы не будем обсуждать. Они занялись земледелием и скотоводством около 4500 года до н. э. (по хронологии Коссинны), могли полировать кремень, но у них не было орудий из металла. Однако период индогерманской общности не продлился долго. Около 4000 года до н. э. «расселина, которой суждено было пройти между языками групп сатем и кентум, разъединила народы». Те, которые произносили *к* как *s*, оправились в южном направлении через Силезию и создали дунайскую культуру, которую мы рассматривали в главе 6. Они теперь стали южными индогерманцами. В Венгрии они обнаружили и начали эксплуатировать местные медные рудники, создавая среди прочих вещей своеобразные боевые топоры (см. рис. 27, 3). В конечном итоге топоры подобного типа проникли и на Кавказ. Кроме того, культуры расписной керамики в Трансильвании и на Украине испытали на себе влияние расселявшихся в восточном направлении южных индогерманцев долины Дуная. Но они были вынуждены уступить свои территории продвигавшимся вперед индогерманцам севера; народы группы сатем были вытеснены с территории Украины и вынуждены были переселиться в Грецию, где они стали известны как фракийцы и даже создали минойскую цивилизацию. В это же самое время другая их часть направилась в восточном направлении и принесла с собой расписную керамику в Анау и Сузы.

Тем временем та часть населения, которая осталась дома, на побережье Балтийского и Северного морей, и которую теперь принято называть северными индогерманцами (Nordindogermanen), освоила искусство возведения дольменов, которое проникло в Скандинавию через Ирландию из Испании. А затем начался период быстрого прогресса во всех областях и экспансии во всех направлениях. Северные индогерманцы, ставшие теперь воинами, скотоводами, земледельцами и мореплавателями, волна за волной отправлялись на завоевание новых территорий.

Перед тем как углубиться в рассмотрение этих колонизационных потоков, которые профессор Коссинна детально рассмотрел в своих ранних работах, но не уделил должного внимания в своей последней монографии, мы должны сделать паузу, чтобы рассмотреть некоторые пункты его теории. Вопрос об эволюции раннего населения, занятого собирательством продовольствия, может быть рассмотрен позднее: происхождение культуры маглемозе следует искать скорее на юге или на юго-востоке Европы, чем на западе континента; геологические даты, принятые нашим автором, представляются слишком завышенными; ссылка на шумеров является ничем не обоснованной спекуляцией, а спонтанное возникновение сельского хозяйства на берегах Балтийского моря кажется маловероятным. Но никто из тех, кто читал предыдущие страницы этой книги, не может согласиться с его точкой зрения, что происхождение культуры долины Дуная связано со Скандинавией. Однако немецкий профессор рассматривает эту гипотезу как аксиому, не требующую никаких доказательств. «Вплоть до сегодняшнего дня, — пишет он, — мы не преуспели в установлении методами археологии связей между северными и южными индогерманскими культурами в том смысле, чтобы можно было проследить процесс разделения между первыми и вторыми, а также продемонстрировать наличие между ними единства. Это является досадным упущением в интерпретации археологического материала».

Мы ранее уже показали, что происхождение расписной керамики с территории Украины нельзя напрямую связать с долиной Дуная. Идея относительно того, что минойская цивилизация была основана варварами, пришедшими из Фракии, является фантазией, которая не нуждается ни в каких опровержениях в англоязычных странах. И даже если согласиться с явно неправдоподобными датами, которые Коссинна предлагает для севера, все равно все его попытки доказать происхождение расписной керамики Элама и Месопотамии из Юго-Восточной Европы представляют собой явную хронологическую нелепость. Все это означает, что южные индогерманцы Коссинны должны быть устранены из схемы германистов. И со всем должным уваже-

нием к этому исследователю я утверждал бы, что они там вообще не нужны. Однако и другие германисты, помимо берлинского профессора, придерживаются подобных взглядов. Шлиц утверждает, что даже самые ранние носители дунайской культуры были северянами; Шмидт, Шушхардт и Вильке связывают происхождение расписной керамики Юго-Восточной Европы с лишенной росписи керамикой дунайской культуры и называют ее создателей фракийцами.

Тем не менее, хотя мы и должны отказаться от отождествления носителей дунайской культуры с южными индогерманцами и от теории их скандинавского происхождения, остается множество вероятных или, по крайней мере, предполагаемых переселений с Севера, с которыми при необходимости можно связать распространение языков сатем и кентум. Утверждения профессора Коссинны относительно северных индогерманцев представляются более обоснованными. Группы переселенцев, которые он прослеживает, могли быть если и не северными индогерманцами, то, по крайней мере, индоевропейцами. В отношении этих переселений между исследователями намного больше согласия; для областей, удаленных от Германии, можно сослаться на труды Аберга, Козловски, Менгига и Талльгрена. Эти исследователи хотя и расходятся с Коссинной в некоторых деталях, тем не менее сходятся с ним в главном. В дальнейшем я попытаюсь изложить обобщенную картину выводов школы германистов.

Мы действительно находим в то время на берегах Балтийского и Северного морей примитивное население культуры мусорных куч, жившее на территории Дании, Швеции и Норвегии, а также остатки современного им населения культуры маглемозе-доббертин, обитавшего на берегах пресноводных озер. Даже если допустить, что население культуры мусорных куч сделало первые шаги в освоении земледелия и приручении животных, оно все же находилось на крайне низкой ступени развития и держалось в основном прибрежной полосы. Несколько разрозненных групп, возможно, переселились на юг, но в целом первозданный лес представлял для них непреодолимый барьер, окружавший их крохотный мирок на побережье Балтики.

Туда прибывали гости с моря, приплывавшие с юго-запада, которые, возможно, искали здесь месторождения янтаря. Как отмечает профессор Коссинна, вновь прибывшие не могли быть очень многочисленными, но для простых рыбаков они казались героями. Пришельцы, возможно, даже основали на этих холодных берегах свои династии, представители которых требовали для себя божественных почестей и считались потомками бога Солнца, в чем нас пытается уверить Перри, хотя на самом деле они вскоре были ассимилированы местным населением. В любом случае не вызывает сомнения, что мореплаватели с Запада принесли с собой в Скандинавию культ мертвых, с которым ассоциируется мегалитическая погребальная архитектура — первые простые дольмены, а затем и более претенциозные конструкции. С их же влиянием, по моему мнению, следует связать внезапное усовершенствование орудий труда и переход к регулярным занятиям земледелием и скотоводством.

Впитав в себя эти достижения духовной и материальной культуры, население прибрежной зоны начало расселяться в глубь материка, чтобы найти новые земли для пашни и пастбищ. Еще до 3000 года до н. э., по завышенной хронологии Коссинны, первые переселенцы начали распространяться на запад вдоль побережья Северного моря вплоть до Зюйдер-Зе, возводя вдоль всего своего пути дольмены, а затем, убедившись в бесплодии местных земель, устремились на юг. Восточнее их более предприимчивые группы населения, гоня перед собой стада, пересекли Вислу. Некоторые из них отправились в Галицию, некоторые повернули на запад и достигли Силезии через Познань. Эта группа переселенцев, однако, не строила мегалитов, но хоронила своих умерших в отдельных маленьких каменных гробницах. В верховьях Одера они встретились с земледельцами дунайской культуры. Иногда они истребляли последних и селились на их землях: в Ношшвице (Нижняя Силезия) деревня «северян», состоявшая из прямоугольных зданий, была построена на руинах поселения «дунайцев». В другом месте они смешались с «дунайцами»; на большом некрополе в Йорданшмюле (Верхняя Силезия) погребения северян и носителей Дунайской культуры II расположены

рядом. Но «дунайцы», с которыми мигранты здесь смешались, не были простыми крестьянами первого периода, это был уже более развитый народ, который оставил после себя погребения с черепами, присущими северному типу, что мы можем наблюдать в Ленгиеле (Венгрия). Должны ли мы искать происхождение этой группы населения в Силезии и выводить отсюда северный элемент, найденный в Венгрии? Это было бы смелым шагом, и археологи из Силезии, Богемии и Моравии пока не готовы его сделать.

В любом случае тот же самый поток переселенцев с севера, который достиг Силезии, проследовал далее курсом на запад в сторону Эльбы и Заале, где они встретились с другими потоками; все это время они двигались на юг по направлению к Центральной Германии. После себя они оставили мегалитические гробницы и керамику северного типа, которые повсеместно охватывают север Германии и проникают далее на юг по течению Эльбы и Заале. Однако необходимо помнить, что северные культуры в Германии являются отнюдь не однородными. Некоторые народы устраивали коллективные захоронения в мегалитических гробницах, другие на постоянных кладбищах в отдельных могилах; разнообразие типов керамики вызывает изумление; встречаются как длинно-, так и короткоголовые черепа. Создается впечатление, что эти народы возникли в результате постоянного смешивания отдельных родов или племенных групп. Им часто приходилось воевать, находки образцов каменного оружия не поддаются исчислению. Но существование регулярных торговых отношений между различными группами засвидетельствовано распространением янтаря и других предметов потребления.

Здесь мы должны сделать небольшое отступление, чтобы исследовать загадочные явления в самом сердце всей этой мешанины, непосредственно в Скандинавии. На ее территории, особенно в Дании, можно выделить не менее трех различных культур. Сперва сюда прибыли потомки доббертинцев (или эллербекцев), жившие в Норвегии и внутренних частях Швеции, которых пока не затронула своим влиянием цивилизация строителей мегалитов и которые занимались собирательством и охотой, используя при этом орудия из кости и сланца. Затем на побережье

появились строители мегалитических гробниц, которые, как мы видели, стали распространяться в южном направлении. Третья группа весьма отличалась от двух предыдущих. В отличие от строителей мегалитов, которые устраивали коллективные захоронения, где члены одного семейства или племени хоронились вместе в течение нескольких поколений, и в отличие от собирателей, у которых, как кажется, вообще не было четко установленных погребальных обрядов, представители третьей культуры хоронили своих покойников каждого в отдельной могиле. Изнутри ее обкладывали камнями, а сверху насыпали курган. Наиболее древние из этих могил в Ютландии синхронны дольменам на побережье и часто содержат похожий погребальный инвентарь. В последующий период отдельные могилы составляют изолированную группу памятников. Не только их форма, но также и погребальный инвентарь — керамика, украшенная отпечатками шнура, навершия булав сфероидальной формы, специфические типы каменных топоров и специальные виды украшений — совершенно отличаются от тех, что встречаются в современных им коллективных могилах — мегалитах. Кроме того, эти отдельные могилы занимают всю внутреннюю часть Ютландии, что также отличает их от мегалитов. Нет сомнения в том, что они принадлежат отличному от строителей мегалитов и воинственному народу — мы можем назвать их культурой носителей боевых топоров, — который остановил расширение строителей мегалитов в этом направлении и который в значительной степени жил за счет дани, собираемой со своих прибрежных соседей.

Кто эти люди? Коссинна говорит, что они были потомками «протофиннов» доббертинской культуры, которые подверглись индогерманизации. Возник ли этот воинственный народ под влиянием недовольных побочных династий «архаичной (мегалитической) цивилизации» на побережье, как это описывает Перри, и как это соотносится с «индогерманизацией» Коссинны? Или же воинственные пришельцы прибыли из внутренних областей континента, как это предполагают Софус Мюллер, Кнут Стьерна и Нордманн? Представителей этой культуры можно также встретить в Тюрингии, на юге Швеции и в Финляндии. Группа

курганов в Тюрингии расположена на холмах, тянущихся вдоль дороги и возвышающихся над соляными копями в Заале и над «янтарной дорогой» по Эльбе. Создается впечатление, что их строители брали пошлину за торговлю в Центральной Германии, точно так же как и их родственники в Ютландии делали то же самое за торговлю в прибрежной зоне. Курганы в Тюрингии скрывают могилы точно такой же формы, как и в Ютландии, и содержат аналогичный погребальный инвентарь — керамику со шнуровым орнаментом, каменные топоры и навершия булав сфероидальной формы. Меньше аналогий удается обнаружить как между погребениями с боевыми топорами в Швеции и Финляндии и погребениями в Ютландии и Тюрингии, так и между собой. Мы использовали слово «аналогии» намеренно, поскольку чрезвычайно трудно доказать происхождение одной группы непосредственно от другой.

Таким образом, можно сделать вывод, что происхождение народа боевых топоров является для германистов ключевым вопросом. По их мнению, не только черепа из курганов Тюрингии являются типично скандинавскими, но именно с народом боевых топоров связано несколько культур, которые могут быть идентифицированы как индоевропейские. Носители культуры круглых курганов Британии и протокельты, погребенные в курганах бронзового века Баварии, являются прямыми потомками народа боевых топоров из Тюрингии, представители которого лежат под курганами каменного века в долине Рейна; то же самое можно сказать о Скандинавии и севере Германии, где существовала цивилизация отдельных могил, которая в конечном счете становится доминирующей и поглощает культуру мегалитов и рыболовов так, что их дальнейшие следы проследить не удается. На мгновение, однако, мы согласимся с доктриной Коссинны о местных корнях этой культуры в Ютландии и рассмотрим культуры боевых топоров Тюрингии, Швеции и Финляндии как полученные оттуда. С этим предположением мы можем проследить более близко распространение нескольких волн скандинавских племен.

Шумные отряды, которые продвигались на юг через Центральную Германию, поначалу не проникали к югу от

высот вокруг Магдебурга; далее на юг жили земледельцы дунайской культуры. Однако пришло время, когда грубые скандинавы вторглись в долину Дуная. Поначалу процесс проникновения шел медленно, и отдельные семейства или группы принимались в состав общин «дунайцев». Подобным образом можно объяснить присутствие подлинных скандинавов среди «дунайцев», когда они в относительно поздний период заселили Рейнскую область из Тюрингии. Но в конечном итоге варвары с Севера напали на общины крестьян и подчинили их себе — мы уже описывали этот процесс. И даже еще до того, как центральный клин переселенцев пересек границу дунайской культуры на Эльбе и Заале, более восточная группа захватчиков, которых мы оставили в Силезии несколькими страницами ранее, продвинулась на юг, в Моравию и на запад, к Эльбе. Некоторые из этих переселенцев, должно быть, достигли восточных склонов Альп; каменные боевые топоры, типа тех, которые были найдены на приозерных поселениях Австрии и на сухопутных поселениях Баварии, были найдены в плитовых гробницах Галиции (рис. 27, 5). Другая часть этой же самой группы, как мы уже видели, проследовала в восточном направлении, в Галицию и далее за ее пределы.

Вторая волна переселенцев проникла еще дальше в глубь Юго-Восточной Европы. Начав свой путь из Дании или из Центральной Германии, как полагал Коссинна, они проникают в долину Днестра и на Украину, возможно, что они даже достигли Кавказа; свидетельствами этого вторжения являются в первую очередь так называемые шаровидные амфоры. Подобные сосуды из Восточной Галиции и Украины идентичны но форме орнаментации тем, которые были найдены в Центральной Германии. Тем же самым мигрирующим скандинавским ордам Коссинна приписывает возведение мегалитических гробниц, найденных между Одером и Вислой, а также дольмены побережья Черного моря. Можно не сомневаться, что некая связь между кавказскими дольменами и одним из вариантов скандинавской мегалитической культуры все же существует; два специфических двойных дольмена на Кубани и на Кавказе идентичны по форме дольмену в Баальберге, что в долине Заале, во всех случаях они содержат те же самые типы сосудов. Хотя

кавказские гробницы содержали и вещи из металла, которые обнаруживают явное месопотамское влияние, нет ничего невероятного в том, что они могли быть построены по приказу некоего скандинавского вождя из Германии. И позже подобные своеобразные мегалитические гробницы сооружались к югу от Кавказа, на Каспийском побережье. Здесь мог бы появиться авангард скандинавских воинов, продвигавшихся в сторону Ирана, чтобы стать там индоиранцами.

Еще обширнее была территория расселения кочевых воинов, которые хоронили своих умерших в отдельных могилах под курганами, снабжая их украшенными шнуровым орнаментом сосудами. В западном направлении они распространились от Тюрингии до долины Рейна, где заняли господствующее положение среди населения холмов. Смешавшись со «следопытами», они вторглись в Британию, как это сделали носители культуры круглых курганов, в то время как другие, оставшиеся в долине Рейна, начали сжигать своих умерших сородичей. Они вторгаются на территорию Швейцарии со своими боевыми топорами и с украшенной шнуровым орнаментом керамикой, а в горной местности на юге Германии формируют ядро культуры строителей курганов бронзового века, от которых позднее могла произойти гальштатская цивилизация. Этот же народ достиг побережья Северного моря в каменном веке и там заменил мегалитическую культуру Голландии на свою собственную. Далее к югу мы уже видели, как вторая волна скандинавов, завоевавшая земледельцев дунайской культуры, принесла с собой украшенную шнуровым орнаментом керамику в Моравию и Богемию; наличие такой же керамики в Венгрии и Трансильвании свидетельствует о том, что эти же группы пришельцев проникли сюда с севера и юго-востока.

В восточном направлении народ боевых топоров продвинулся еще дальше, в Южную Россию, где он представлял собой третью волну индогерманских переселенцев. Коссинна проследил их путь к Черному морю и Дону; курганы там содержат каменные топоры и сосуды, украшенные отпечатками шнура, точно так же как и в Ютландии или Тюрингии, а физический тип пришельцев был истинно скандинавским. Кремневые кельты и каменные топоры, которые неожиданно появляются среди носителей культуры расписной керамики Болгарии, могли быть занесены туда этими же самыми переселенцами. Аберг выводит происхождение церемониального оружия владык Трои от датских топоров через посредство типов, получивших распространение в Южной России (не вызывает сомнения, что топоры, найденные в Трое, явно восточноевропейского типа, близкородственные типам из Силезии).

Еще одно переселение было прослежено профессором Талльгреном, который считает странников индогерманцами, хотя Коссинна называет их «финнами». В долине Верхней Волги имеется несколько некрополей, состоящих из отдельных могил, выложенных камнями, точно так же как и могилы в Ютландии. Они содержат кремневые кельты, ожерелья из зубов, сосуды, формы которых не очень отличаются от таковых же из шведских погребений носителей культуры боевых топоров, которых Талльгрен теперь рассматривает как выходцев из Дании. Эту цивилизацию называют фатьяновской культурой. Согласно профессору Талльгрену, она возникла вследствие продвижения воинственных племен из Скандинавии, возможно, через Восточную Пруссию или Финляндию (где культуры боевых топоров также известны) в Центральную Россию. В данном районе этот автор не находит продолжения фатьяновской культуры, но на Кавказе, в медном веке Кубани, она могла бы получить дальнейшее развитие. Не вызывает сомнения, что сокровища кубанских могил попали туда из Месопотамии, но, вероятно, и не только оттуда. Талльгрен пишет: «Как и во время великих переселений первых столетий нашей эры, северные варвары заняли троны восточных правителей и спрятали в своих могилах награбленные сокровища». В таком случае мы имели бы дело с потоком северных индоевропейцев, который встретился с другим потоком, идущим через степи, но на этот раз в сторону Древнего Востока, где они появились как правители Митанни, хетты, персы и индусы.

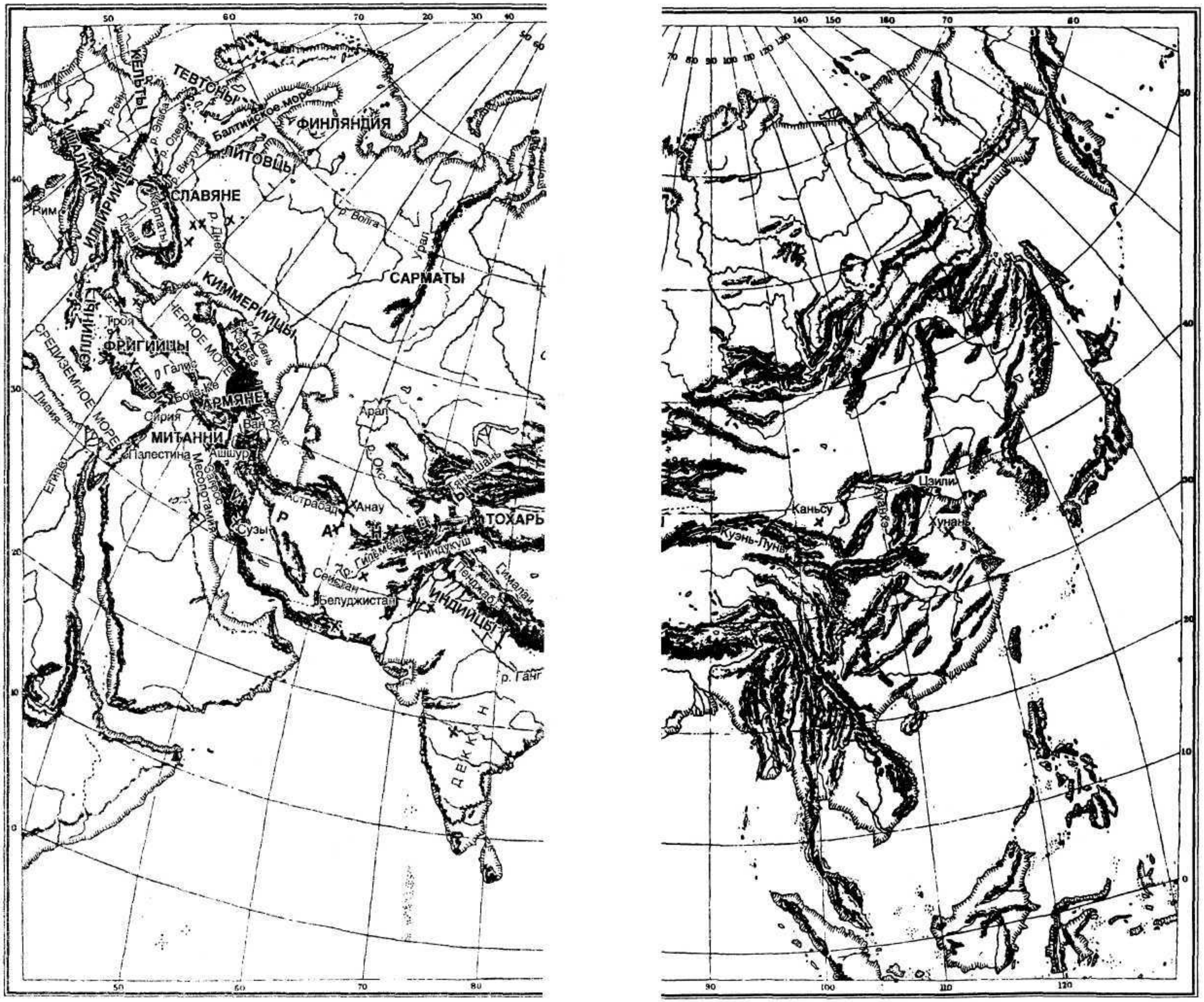
Наконец, в Скандинавии и на севере Германии цивилизация бронзового века, которая должна была принадлежать древним германцам, является прямым потомком местной

цивилизации каменного века, оплодотворенной торговлей с Британией, Богемией, Венгрией и Италией, однако развивавшейся без смены населения и культуры.

Итак, перед нами схематическая картина расширения скандинавской цивилизации и основного ее этнического компонента из Скандинавии и Германии. События доисторического прошлого предшествуют эпохе Великого переселения народов первых столетий нашей эры. Но эти переселенцы, которые стремились к центрам древней культуры и завоевали их в конце каменного века, еще не были германцами, их можно рассматривать как индогерманцев, индоевропейцев. Куда бы они ни последовали в своих странствиях, в конечном итоге они появляются под названиями кельтов, италиков, эллинов и индоиранцев. Что касается финнов, лингвистические связи которых с индоевропейцами являются существенной частью теории Пенки и Коссинны, их культуру легко идентифицировать. От Норвегии до Урала протянулась довольно архаичная неолитическая культура, для которой характерны орудия труда из кости или их имитации из сланца, круглодонные горшки и натуралистическая лепная пластика. Характерные черты материальной культуры свидетельствуют о родстве ее создателей с носителями культуры маглемозе-доббертин и, следовательно, об их западном происхождении. Но, ограниченное лесами и болотами сурового севера, это население задержалось в своем развитии и долго оставалось на стадии собирательства, несмотря на наличие меновой торговли и контактов с народом боевых топоров. Эти примитивные охотники вполне могут быть предками саамов и финнов, хотя последние превратились в отдельный народ гораздо позже, и произошло это в Приуралье. Таким образом, связи финнов с индоевропейцами нашли бы свое удовлетворительное объяснение. Мы должны и далее иметь возможность отвечать на возражения, высказанные де Мишели и другими исследователями против гипотезы о северной (или восточной) европейской колыбели индоевропейцев. «Почему, — спрашивают они, — мы приписываем особые достоинства скандинавской расе и ее арийской речи, если финны при этом не были индоевропеизированы?» Мы могли бы на это ответить: поскольку финны были оттеснены в неприветливые леса и болота, то ни эти приполярные области, ни их дикие жители не вызывали никакого интереса у индоевропейцев, которые предпочли наслаждаться плодами труда других, освоивших для себя непроходимую лесистую местность.

Таким образом, получается, что доктрина германистов представляет собой наиболее всеохватывающий и последовательный синтез истории индоевропейских народов. Это единственная доктрина, которая опирается на объединенные результаты последних археологических исследований и данных филологии. В то же самое время это один из самых достоверных и конечно же самый сжатый очерк развития европейской цивилизации, который когда-либо был представлен на обсуждение. Действительно, если она сможет доказать свою состоятельность и в свете данных этнологии и археологии, ее, вероятно, и нужно будет считать самым достоверным решением индоевропейской проблемы. В этом отношении, однако, она пока уязвима для критики. Некоторые из возражений имеют чисто технический характер; для знакомства с ними я отсылаю читателя к своей книге «Рассвет европейской цивилизации». Здесь я вынужден ограничиться только изложением некоторых самых общих положений.

Во-первых, в сфере этнологии основания этой теории не столь устойчивы, как можно было бы желать. Черепа, на которые ссылается Коссинна, чтобы доказать скандинавское происхождение носителей культуры маглемозе-доббертин, точно не датированы; в любом случае скандинавская раса вряд ли могла произойти от западной ветви кроманьонцев — ее предки жили в Восточной или Центральной Европе. Тем не менее нельзя исключать того, что своего рода протоскандинавский элемент присутствовал на севере в эпоху существования культуры маглемозе и более поздней культуры мусорных куч, как это было на заключительной стадии каменного века в Южной Германии. С другой стороны, тела погребенных в ранних дольменах принадлежат, согласно Карлу Ферсту, индивидуумам, которые хотя и были долихоцефалами, однако были низко-

8. Г. Чайлд «Арийцы»

го роста, то есть являлись представителями той же самой евроафриканской расы, которая строила дольмены в Западной Европе и длинные курганы в Британии.

Во-вторых, происхождение археологических культур Дании и Скандинавии в эпоху строительства ранних дольменов нельзя связать только с влиянием культур Запада и Юго-Запада или же объяснить их появление как результат местного и спонтанного развития. Керамика, особенно своеобразные небольшие фляги с глиняным ободком, или воротником, вокруг горлышка, боевые топоры и другие предметы, найденные в дольменах, не имеют прототипов в царстве мегалитической культуры далее к югу и на запад. В то же самое время последующее развитие производящих способов хозяйства и усовершенствование орудий труда в Швеции, Дании и на севере Германии шло намного быстрее, чем в тех областях Франции и Испании, где жили носители мегалитической культуры. Но если веши, находимые в скандинавских дольменах, не могут считаться привезенными с Запада или же появившимися под влиянием существовавших там культур, то с еще меньшим основанием их можно рассматривать как результат местного развития культуры мусорных куч; продолжение последней следует искать в культуре «свайных поселений» Южной Швеции, принадлежавших отсталому населению, занимавшемуся собирательством и охотой. Присущие им формы керамики действительно продолжают традиции носителей культуры мусорных куч, в то время как она не имеет ничего общего с керамикой строителей дольменов и населения, хоронившего своих покойников в отдельных могилах.

Софус Мюллер высказал предположение, что сосуды своеобразной формы, типа фляг с налепом вокруг горла, найденные в датских дольменах, происхождение которых пока не поддается объяснению, попали туда с юго-востока. В Силезии и Галиции они встречаются довольно часто, и их находят в отдельных могилах, иногда совместно со шлифованными каменными топорами того же типа, который находят и в датских дольменах. Разве мы не могли бы рассматривать такие предметы из дольменов как результат

заимствования у народа, который хоронил своих умерших в отдельных могилах?

В-третьих, в связи с культурой отдельных погребений в Дании возникает очень серьезный вопрос. Коссинна, как мы уже говорили, приписывает ее потомкам местного «дофинского» населения, жившего здесь со времен, предшествовавших самым древним дольменам. Не все скандинавские археологи согласны с подобным объяснением, поскольку самые древние отдельные погребения современны погребениям в дольменах. Но когда мы углубляемся в прошлое, в эпоху мегалитов, большинство компетентных исследователей, таких как Софус Мюллер, Кнут Стьерна и Нордманн, признают факт вторжения народа боевых топоров, отдельные могилы которого занимают внутренние области Ютландии, исключая коллективные погребения в мегалитах. В отношении подобных могил носителей культуры боевых топоров в Финляндии у нас нет оснований сомневаться, что они принадлежали пришельцам, то же самое мы можем предположить и в отношении соответствующих погребений в Швеции. Все это крайне плохо согласуется с гипотезой Коссинны: то же самое «дофинское» население, которому он приписывает датские погребения, присутствовало также в Финляндии и в Швеции, однако там оно не превратилось в народ боевых топоров, а было им покорено.

Если мы признаем наличие пришельцев даже в Дании, то где мы тогда должны искать их родину и отправную точку их миграций? Некоторые исследователи могли бы указать на Тюрингию. Но курганы Тюрингии с украшенной шнуровым орнаментом керамикой являются скорее синхронными, чем более ранними, культуре отдельных погребений в Дании. Не доказано и местное происхождение культуры Тюрингии, хотя Готце, Шлиц и Шушхардт думают иначе; создается впечатление, что она также была создана пришельцами, вероятно частью того же самого населения, которое вторглось в Данию. Но если признать это предположение верным, то оно является фатальным не только для основной части теории Коссинны, но и в целом для идеи скандинавского происхождения индоевро-

пейцев, поскольку с носителями культуры отдельных захоронений и странников с боевыми топорами (но только не со строителями мегалитов) можно связать происхождение индоевропейцев. Это верно не только в отношении протокельтов юго-запада Германии, но и непосредственно в отношении прагерманцев, поскольку именно им принадлежала культура отдельных погребений, которая в конечном итоге стала доминировать в Скандинавии к началу бронзового века.

Наконец, имеются очень серьезные хронологические препятствия, чтобы рассматривать боевые топоры Трои и Венгрии (которые казались нам основным «индоевропейским» элементом) в качестве потомков боевых топоров из Дании или Тюрингии. С точки зрения раздутой хронологии Коссинны здесь действительно не возникало никаких противоречий, но его хронология не имеет под собой надежных оснований и в конечном итоге ведет к результатам, очень невыгодным для скандинавских народов, которые он так желал возвеличить. С другой стороны, те даты, которые удается установить на основании импортных вещей, проникавших в долину Дуная и в Британию из бассейна Эгеиды, свидетельствуют о том, что датские дольмены возникли незадолго до 2600 года до н. э., а самые ранние мегалитические гробницы, с которыми первая волна экспансии культуры боевых топоров должна была совпасть, начали возводить около 2200 года до н. э. Совершенно ясно, что выходцы из Скандинавии не могли достичь Трои ранее 2200 года до н. э.

Вполне понятно, что эти возражения не являются непреодолимыми препятствиями. Они могут быть вполне устранены в результате дальнейших исследований, и в этом случае теория германистов, вероятно, стала бы приемлемой. Но пока мы имеем полное право искать объяснение загадок за пределами Скандинавии и, таким образом, искать колыбель индоевропейских народов там, где сведения о ней будут лучше согласовываться с данными сравнительного языкознания. Действительно, вызывают удивление несоответствия между той картиной индоевропейской культуры, которую мы нарисовали в главе 4, и той, которая вырисовывается на основании изучения древностей Скандинавии.

Мы вновь возвращаемся к гипотезе, впервые представленной на обсуждение, очень осторожно, профессором Дж.Л. Майрсом, и развитой позднее Гарольдом Пиком. Мы предлагаем проследить все восточные и юго-восточные переселения народов и сделать это на принципах Коссинны и Талльгрена, изложенных в данной главе. Затем, пользуясь намеком Софуса Мюллера, попытаться вывести происхождение народа боевых топоров севера, который, очевидно, был индоевропейским, с юга России.

Глава 8
ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ В ЮЖНОЙ РОССИИ

Рассмотрев различные области Европы, теперь обратим свой взор на южнорусские степи. Здешние климат и географические условия, как убедительно показал Отто Шредер, вполне соответствуют тем данным об индоевропейской колыбели, которые можно получить методами палеолингвистики. Самые ранние поселения людей постледникового периода рисуют нам культуру, которая прекрасно согласуется с протоиндоевропейской культурой, описанной филологами. Рассматриваемые предметы материальной культуры получены почти исключительно из погребений, содержащих скорченные скелеты, осыпанные красной охрой, над которыми возвышается насыпь или курган. Жившие здесь люди отличались высоким ростом и были долихоцефалами, одним словом, имели характерные признаки скандинавской расы. Однако здесь проживал и небольшой процент брахицефалов.

Материал из самых древних курганов беден и примитивен, он относительно однороден по всей области от Каспийского моря до Днепра. Наличие этой культурной общности позволяет нам предполагать, что проживавшее здесь население разговаривало на едином языке. Опять-таки строгое соблюдение одних и тех же своеобразных погребальных обрядов на столь обширной территории могло бы свидетельствовать о наличии общих религиозных идей среди строителей курганов, которые могли также выражаться в восприятии ими одного или нескольких общих божеств. Это вызывает соблазн назвать этот общий язык индоевропейским, а их общее божество — Dyeus, так как погребальный инвентарь рисует нам культуру, весьма подобную той, которая была описана в главе IV.

Во-первых, эти степные представители скандинавской расы были скотоводами, так как кости животных находят

в курганах. Среди них встречаются останки не только овец и крупного рогатого скота, но также и кости такого специфически индоевропейского животного, как лошадь. Хотя ее порода точно не определена, скорее всего, это могла быть либо быстрая пустынная лошадь, останки которой американские археологи нашли в Закаспии, либо степная лошадь Пржевальского, но никак не тучная лесная лошадь, водившаяся на территории Германии.

Народ, практиковавший погребения с охрой, обладал, точно так же как и индоевропейцы, колесным транспортом — глиняная модель повозки была найдена в одном из таких погребений. Она могла служить и для жилья, что подтверждает вывод Пика, основанный на бедности погребального инвентаря, что этот народ был частично кочевым, подобно скифам и гетам, описанным классическими авторами. Однако множество погребений на различных уровнях одного и того же кургана свидетельствует о том, что население проживало в некоторых районах в течение более или менее длительного периода времени. Кроме того, доисторические обитатели Южной России занимались в небольших масштабах земледелием; остатки зерен были найдены в некоторых курганах. Фактически в период расцвета их культуры некоторые из степных жителей начали оседать на землю и создавать поселения с правильной планировкой, располагавшиеся в более плодородных долинах и на побережье.

Опять-таки представители скандинавской расы находились здесь на халколитической стадии культуры. В самых древних захоронениях преобладают оружие и орудия труда из камня, кремня и кости, но почти везде находят маленькие изделия из чистой меди, многие из которых, очевидно, являются привозными. Серебро также было широко распространено — оно здесь встречается чаще, чем где-либо еще в Европе в тот период времени; золото встречается только в долине Кубани. Конечно, изделия из металла находятся в меньшинстве по сравнению с другим инвентарем, за исключением Прикубанья. Среди инструментов, наряду с плоскими кельтами из кремня или меди, заслуживают особого упоминания костяные пробойники и четырехугольные медные шила. Тот набор вооружения, который находят в

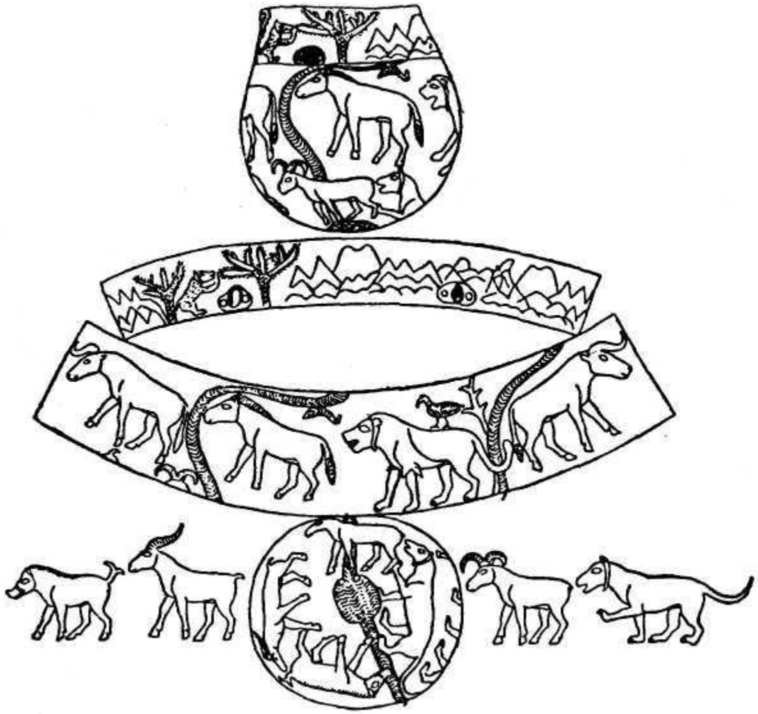

Рис. 26. Серебряный сосуд из Майкопского кургана, на котором представлено изображение лошади Пржевальского и других животных на фоне кавказского пейзажа

Южной России, близко соответствует тому, которым должны были обладать индоевропейцы. Шлифованные топоры из камня или меди (peleku) встречаются чаще всего, некоторые из них, очевидно, были привезены из Месопотамии. Наличие кремневых наконечников стрел указывает на знакомство с луком. Были широко распространены кремневые и медные наконечники, которые, особенно медные, могли крепиться к концу длинного шеста и использоваться как наконечники копий. К ним также могли приспособить короткую ручку и в таком случае использовать в качестве кинжалов — вспомним изменения значений между санскритским словом saru — «копье» и готским hairus — «меч».

Это соответствие между данными лингвистики и археологии само по себе производит сильное впечатление, но мы могли бы пойти еще дальше. Данные филологии предполагают наличие контактов между неразделенными индоевропейцами и шумеро-аккадцами. Находки из степных курганов несут на себе несомненный отпечаток месопотамской цивилизации, в создании которой шумеры играли ведущую роль. Самые ранние типы металлических изделий из Юго-Восточной России — вогнутые долота, наконечники копий, шлифованные топоры — больше всего напоминают азиатские типы, но при этом отличаются от египетских, минойских или западноевропейских образцов. Это предполагает, что металл достиг степи из Месопотамии,а мы уже знаем, что одно индоевропейское слово для обозначения меди происходит из шумерского языка. Кроме того, индоевропейское слово для обозначения топора было заимствовано из того же источника. Не только медные топоры из Южной России сходны с теми типами, которые использовали шумеры с 4-го тысячелетия до н. э., но и в одном из погребений близ Майкопа (Прикубанье) был найден боевой топор, по форме напоминавший мотыгу с лезвием, расположенным под прямым углом к отверстию для ручки (рис. 27, 2). Это оружие, бесспорно, было привезено из Месопотамии, так как подобный тип не встречается больше нигде, кроме как в долине Тигра и Евфрата, где оно применялось приблизительно с 3500 до 1100 год до н. э. Более того, в погребениях с охрой также находили глиняные статуэтки обнаженных женщин, хотя и чрезвычайно редко; они имеют несомненные черты сходства с изображениями богини Иштар, найденными в Ашшуре и в других местах Месопотамии. Высказывалось предположение, что ее божественное имя созвучно индоевропейскому слову для обозначения «звезды» (ester), а идеограммой для обозначения Иштар в Вавилоне служила звезда. Таким образом, связи с Месопотамией, постулируемые филологией для индоевропейцев, как выясняется, были реальностью для ранних кочевников юга России.

С другой стороны, если мы соглашаемся с Покорни, что слово ayos — «медь» произошло от названия Alasya и указывает на связь между индоевропейцами и эгейскими на-

родами, свидетельства такой связи пока не обнаружены на юге России. По крайней мере, более поздние погребения с охрой возле устья Дона подражают по форме «катакомбам» (разновидность погребальных сооружений), которые использовались в бассейне Эгейского моря в 3-м тысячелетии до н. э. и содержат украшения типа фаллических бусинок, что служит доказательством существования торговли с Кикладами. Наконец, признанную связь между индоевропейцами и финно-угорскими народами можно точно так же легко объяснить с помощью южнорусской гипотезы, как и с помощью скандинавской. Дело в том, что тот же самый охотничий народ, который жил в Швеции, был широко распространен и в Центральной России, и есть множество свидетельств контактов между этими двумя областями. С одной стороны, грубая керамика, характерная для северного лесного пояса, простирается на юг до границы со степью, а с другой — мы находим ту же самую керамику в Центральной России, причем там она встречается совместно с кинжалами, медными топорами и статуэтками вавилонского типа — они могли туда попасть только с юга, через степь.

Можем ли мы безоговорочно назвать этот «неолитический» степной народ индоевропейцами, или же они были только одной из его ветвей, как настаивают германисты? Профессор Майрс, профессор Хаддон и Пик склоняются к первой гипотезе, не предлагая при этом весомых доказательств и не опровергая взглядов своих оппонентов. Их тезис явно подразумевает, во-первых, существование донеолитического населения на юго-востоке России и, во-вторых, что это население заимствовало или смогло самостоятельно развить все достижения неолитической цивилизации, описанные в предыдущих параграфах, и при этом рассылать во все стороны переселенцев, которые приносили с собой ее достижения в остальные уголки Европы.

Первый из этих пунктов еще можно принять. Пик предположил, что народ, оставивший после себя погребения с охрой, является потомком солютрейцев, которые охотились на лошадь в Западной Европе в позднем палеолите. Солютрейская стадия палеолита хорошо представлена на Украине, точно так же как и на Кавказе. И хотя убедительных аналогий более поздней стадии палеолита, представленной во Франции магдаленской культурой, там пока не найдено, свидетельства того, что южная равнина Европы была заселена человеком с самых ранних времен, быстро накапливаются. Мало того что это предполагает переселение с востока, постулируемое некоторыми авторами, чтобы объяснять появление культуры маглемозе на побережье Балтики; есть еще неоднозначное свидетельство переселения людей с той же самой территории и в еще более раннее время, которое примерно соответствует последней стадии охоты на северного оленя во Франции. Самые ранние образцы ручной работы, обнаруженные в Скандинавии, включают в себя миниатюрные наконечники стрел из кремня. По своей форме и технике обработки они весьма отличаются от микролитов Западной Европы, но они характерны для самой ранней микролитической культуры, поселения которой находят на дюнах Малой Польши. Следовательно, подобная каменная индустрия попала в Скандинавию с востока еще во времена, предшествующие появлению здесь культуры маглемозе. Продвигаясь далее на запад, она достигла побережья Йоркшира одновременно с культурой маглемозе. Скорее всего, часть населения из юго-восточной равнины двинулась вслед за последними ледниками. Следовательно, это население должно было обосноваться в Польше, что уж говорить про более пригодные для жилья области Южной России. Кроме того, другие миниатюрные изделия из кремня были обнаружены на берегах Десны, Днепра, Дона, в Крыму и в киргизской степи. Последние находят аналогии с микролитами тарденойзианской культуры во Франции (которая является переходной эпохой между палеолитом и неолитом), но ввиду аналогов в Месопотамии, Индии и даже в Монголии ее можно выделить в отдельную группу.

Следовательно, присутствие донеолитического населения в восточной части европейской равнины налицо, и ясно, что оно в это время перемещалось в западном направлении. Это могли бы быть протоскандинавы Хаддона; скандинавский череп из погребения в Обер-Касселе, скандинавские элементы в культуре маглемозе и в культуре мусор-

ных куч отмечают этапы продвижения этого населения на запад в постледниковый период. Это было редкое население протоскандинавских охотников, распространенное неравно от Черного моря до Балтийского в ранний постледниковый период. Они еще не были индоевропейцами, но мы можем предположить, что те из них, кто обосновался на севере, стали предками финнов. Согласно представленной здесь точке зрения, другая часть этого протоскандинавского народа, сконцентрировавшись в степных районах Северного Причерноморья, создала там неолитическую цивилизацию, для которой были характерны погребения с охрой, а затем распространила ее в Центральную Европу. Германисты, напротив, утверждают, что ядро культуры погребений с охрой было принесено уже в готовом виде из Скандинавии. У нас есть возможность представить некоторые аргументы в пользу нашей точки зрения.

Мы уже видели в предыдущих главах, что характерным признаком и символом скандинавских культур, которые мы теперь признаем в качестве индоевропейских, был полированный боевой топор. Теперь появление этого очень специфического оружия на юге России можно объяснить лучше, чем где-либо еще. Такое оружие было гораздо более необычным, чем можно себе представить. Всего несколько народов смогли додуматься до простой на первый взгляд конструкции — делать отверстие для топорища. Древние египтяне вплоть до эпохи эллинизма, доисторические жители Западной Европы примерно до 1000 года до н. э., индейцы доколумбовой Америки, жители островов Тихого океана вплоть до появления европейцев и многие другие первобытные народы использовали неуклюжее устройство, привязывая топор из камня или металла к палке! С другой стороны от Альп до Загроса полированные топоры с просверленными отверстиями использовались с 3-го тысячелетия до н. э. Было бы естественно предположить, что это устройство, используемое только в относительно ограниченной области, было изобретено в одном центре и распространялось оттуда. Сегодня можно быть уверенным, что этим центром была Месопотамия. Недавние английские и американские раскопки в Уре и Кише позволили обнаружить настоящие изделия и глиняные модели полированных

медных топоров, которые датируются 4-м тысячелетием до н. э. Даже по хронологии германистов это самые ранние даты для такого оружия.

Кроме того, это служит подтверждением предположения, что идея, рожденная в Месопотамии, была занесена в Европу с Северного Кавказа нашими скандинавами. Выдающиеся скандинавские археологи давно признали, что северные каменные топоры были имитациями своеобразного медного оружия, которое условно называют теслом-топором (рис. 27, 3), приводя при этом хорошо известные примеры из Венгрии. Но происхождение этого странного оружия само по себе требует объяснения, и его прототипы нельзя найти в Венгрии, их следует искать далее на востоке. Шумеры к 3000 году до н. э. использовали два типа медных боевых топоров, у одного из которых лезвие шло параллельно отверстию для топорища, а у другого — под прямым углом, как у мотыги (рис. 27, 1—2). Единственным вразумительным объяснением появления венгерского тесла-топора было бы то, что в нем объединились два месопотамских типа. До настоящего времени в Вавилонии и в Ассирии этот составной тип не встречается в слоях ранее 1100 года до н. э., но есть экземпляр из «клада», датирующегося на основании входивших в его состав шумерских золотых ваз 3-м тысячелетием. Он был найден много лет назад в кургане вблизи Астрабада, к югу от Каспийского моря. Кроме того, есть другой экземпляр из погребения с охрой в Майкопе на Кубани, в котором также имелся топор месопотамского типа, напоминающий мотыгу. Где-то в этой части мира, возможно, и было изобретено тесло-топор. Воплощение этой формы в камень у народов, испытывавших недостаток в медной руде, объясняло бы его появление у скандинавских народов.

Фактически мы смогли бы понять причины широкого распространения как медных прототипов этих топоров, так и их каменных копий, если бы предположили, что они стали распространяться из единого центра, расположенного в Юго-Восточной России. В то же самое время мы должны избегать хронологических трудностей, которые воплощают собой троянские топоры, если мы предположим, что они появились в результате параллельного развития, а не про-

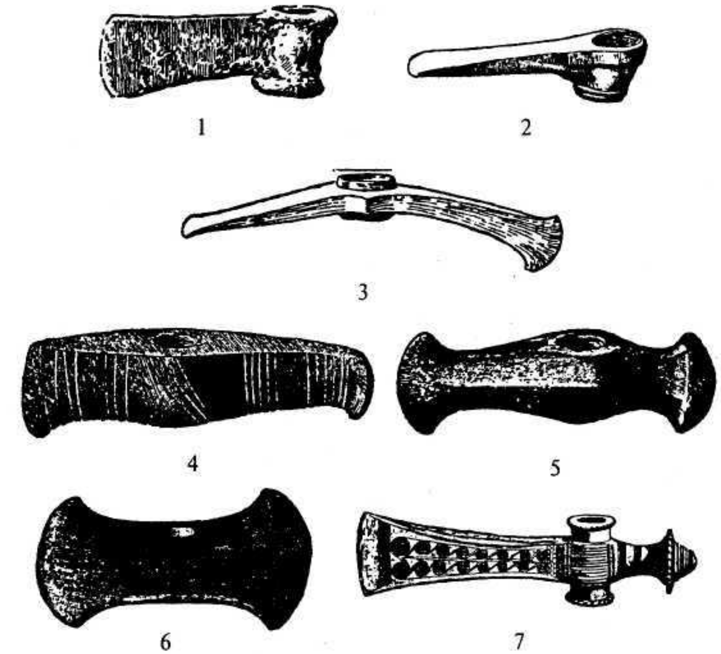

Рис. 27. Типология боевых топоров. *1—3.* Медные прототипы: *1—2* — Месопотамия; *3* — Кавказ и Венгрия. *4—6.* Их каменные аналоги: *4—5* — Силезия; *6* — Британия. *7* — вариант из бронзы, Скандинавия

изошли от скандинавских образцов. Вот тогда нам остается предположить, что носители культуры боевых топоров прибыли в Северную Европу с юго-востока континента, а не наоборот.

Конечно, это утверждение пока нельзя считать доказанным. Датировка обоюдоострого оружия пока точно не установлена, как не датированы по отдельности и его составляющие.

Второй возможный аргумент, на наш взгляд, заключается в распространении пород лошадей. Мы видели, что быстрая лошадь, очевидно, была приручена в Закавказье и что эта лошадь была предком лошадей бронзового века Европы.

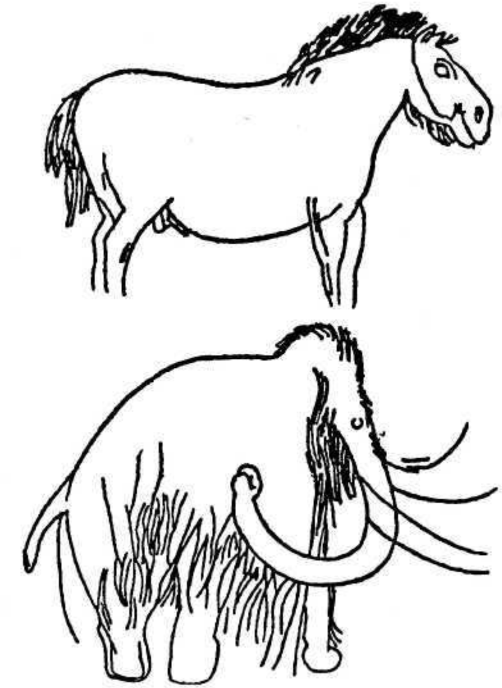

Рис. 28. Палеолитические изображения лошади и мамонта на стенах пещеры в Комбарелле, департамент Дордонь (Франция). Магдаленская культура

Кто мог способствовать распространению этого животного в Западной Европе, если не наши степные кочевники? Пик на самом деле думает, что они одомашнили животное, на которое их предки некогда охотились. Если удастся доказать, что быстрая лошадь появилась в Европе одновременно с культурами боевых топоров, то мы будем иметь действительно ценный аргумент в пользу нашей точки зрения. В настоящее время, к сожалению, все, что можно утверждать, — это то, что находки останков быстрой азиатской лошади и свидетельства ее одомашнивания появляются в Центральной Европе только после распространения культур боевых топоров. Доступный нам материал скуден; определять, было ли это животное одомашнено или нет,

очень трудно, даже различие между азиатской лошадью и более тяжеловесной местной породой, жившей в лесах Северной Европы, может распознать только специалист.

Помня все это, мы можем сказать, что потомки лошади из Анау впервые появляются на приозерных поселениях Швейцарии в эпоху позднего бронзового века (около 1000 года до н. э.). Однако вполне вероятно, что кости лошади, найденные совместно с каменными боевыми топорами на укрепленном поселении медного века вблизи Гаммерау в Баварии, принадлежат той же породе. В то же время самые ранние свидетельства одомашнивания лошадей — костяные псалии — в Центральной Европе появляются не ранее среднего бронзового века (около 1500 года до н. э.); только псалий из Гросс-Черносек на Эльбе в Богемии может относиться к более раннему времени, и то если согласиться с явно недостоверными сообщениями о результатах раскопок. Точное совпадение в данном случае нельзя считать твердо установленным. Остается вероятность того, что лошадь из Анау попала в Европу вместе с носителями культур расписной керамики, которые распространились раньше культур боевых топоров и медленно расселялись из Трансильвании в Швейцарию и Баварию вне всякой связи с другими домашними животными, попавшими в Европу в начале нового каменного века. Также возможно, что местная лесная лошадь была независимо от нее одомашнена на севере.

Указания, оставленные нам боевыми топорами и лошадью, не могут, следовательно, считаться решающими среди множества других доказательств, собранных защитниками германистской теории. Мы можем, однако, продолжить изложение нашей теории.

МИГРАЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Начнем с рассмотрения редкого населения донеолитических охотников, распространенного по всей степи. Для юга России мы можем, по крайней мере, сказать, что условия были благоприятными для их инициирования в те рудименты неолитической культуры, которые характеризуют

индоевропейцев. К востоку от них, в Анау, жили носители культуры расписной керамики. Плодородные черноземные земли на западе очень рано были заняты другими земледельческими культурами. От любой из этих групп кочевники могли усвоить основы производящей экономики. К югу от Кавказа и Черного моря лежала Месопотамия, где великая цивилизация процветала с конца 5-го тысячелетия до н. э. Нет никаких сомнений в том, что эта цивилизация оказала влияние на население европейских степей. Бросали ли издалека северяне, проникавшие в горные проходы Кавказа, взгляды на сады Эдема и, соблазненные его богатствами, стали ли совершать набеги на юг? Проникали ли шумерские торговцы и авантюристы в поисках металла, древесины, камня и драгоценных камней, на которые их собственная земля, состоящая из аллювиальных наносов, так бедна, на территорию Армении и даже дальше? Садились ли семиты, спускаясь по реке из своей колонии в Каппадокии в сторону Черного моря, на суда и бороздили ли его воды? Все эти типы контактов между Европой и Месопотамией, вероятно, существовали на самом деле. Несколько позднее другие гости, прибывшие на сей раз морским путем с юго-запада, принесли новые достижения на берега Южной России. Аргонавты из Киклад, предваряя достижения милетцев, без всякого сомнения, основали торговые колонии вблизи устья Дона, о чем свидетельствуют уже упоминавшиеся находки в погребениях. У других мореплавателей, «детей Солнца», которые искали на Кавказе драгоценные камни, кочевники степей могли позаимствовать идею сооружения мегалитических гробниц и божественного происхождения власти правителей.

Итак, наши гипотетические представители скандинавской расы на юге России были менее изолированы от внешних влияний, чем их отдаленные родственники на побережье Балтики; возникновение у них энергичной неолитической культуры было бы вполне понятно. Они, возможно, усвоили простые неолитические искусства производства продовольствия и создания керамики; они могли обменивать меха или продукты скотоводства на оружие и инструменты из металла, в случае необходимости могли пытаться воплощать их в камне и кремне. Все это предполагает,

что представители скандинавской расы на юге России на самом деле усвоили все эти достижения. Представленная здесь точка зрения отличается от той, которая обсуждалась в последней главе, только в одном отношении: германисты рассматривают элементы, полученные от носителей культуры расписных ваз, жителей Месопотамии и Эгеиды, только как второстепенные, поскольку, по их мнению, северяне принесли из Скандинавии на юг России свою культуру в готовом виде. Наша гипотеза также предполагает переселение из степи не только на юго-восток (Месопотамия и Иран) и на юго-запад (Троя и Балканы), но также и на север и на северо-запад; германисты признают только переселения в первые из упомянутых областей.

Рассмотрим эти положения более подробно. Для начала следует обратить внимание на то обстоятельство, что погребения с охрой исчисляются тысячами; возможно, что они охватывают значительный промежуток времени. Российские археологи различают три стадии развития культур в междуречье Дона и Северского Донца. Древнейшие могилы представляют собой простые ямы или плитовые гробницы, содержащие очень мало металла и горшков, украшенных линейным орнаментом, который накладывался с помощью шнура. Затем приходит черед катакомб, где содержится больше металла и сосудов, на которых с помощью отпечатков шнура выдавлены спирали и петли. Затем появляются деревянные срубы, которые продолжают существовать и в железном веке.

Первая из отмеченных стадий, по нашему мнению, может соответствовать периоду индоевропейской общности. На второй стадии, отмеченной ростом местных стилей в керамике, начинается ее распад. Некоторые группы скотоводов покидают степь, чтобы заняться земледелием в плодородных долинах, которые пересекают ее. Именно на этой стадии эгейское влияние наиболее заметно в форме погребальных сооружений, а влияние носителей культур расписной керамики проявляется в распространении спирального орнамента на керамике. Мы можем предполагать наличие некоего единства между земледельцами и скотоводами, и с этого времени жизнь в долинах непрерывно продолжалась вплоть до появления здесь скифов. Большинство германистов согласно с этой интерпретацией «катакомбного» периода.

Все также соглашаются с тем, что месопотамское влияние сильнее всего ощущалось на северных склонах Кавказа и в долинах Кубани и Терека. Здесь возвышаются царские курганы, заметно отличающиеся по своим размерам и богатству от простых курганов в степи. Они содержат погребения вождей, которые возглавляли грабительские походы в Армению, Каппадокию и даже в Месопотамию. Огромное количество золотых и серебряных украшений, захороненных в этих холмах, было частично награблено в богатых государствах к югу от Кавказского хребта. Это, например, пластины с изображением золотых и серебряных львов и быков, которые украшали навес, под которым правитель ложился отдохнуть, в известном кургане вблизи Майкопа. Эти находки из южных областей на северных склонах Кавказа являются копиями кавказских вещей, о которых мы упоминали в связи с находками на севере Сирии в главе II. Набеги, в результате которых они попали на север, были прелюдией к более масштабным вторжениям. Мы можем предполагать, что предки индийцев и иранцев таким образом разведали дороги, которые в конечном итоге привели их на трон Митанни и в долину Инда.

Их продвижение вперед пока еще нельзя проследить в деталях. Мы можем только предполагать, что вождь передового отряда этого вторжения владел медным топором (тесло-топор), найденным в кургане возле Астрабада. Известна одна миграция населения вокруг Кавказа, которая пока с трудом поддается датировке. Она началась к северу от Кавказского хребта, обогнула его с востока и достигла Иранского нагорья к западу от Каспийского моря. Весь ее маршрут отмечен дольменами около Кала-Кента вблизи Баку и другими погребениями, исследованными де Морганом в Талыше и Ленкорани. Первая группа погребений содержала большие спиралевидные серьги со сплющенными концами из меди и кубки, аналогичные тем, которые находили в погребениях с охрой на Кубани и на Днепре. Гробницы на каспийском побережье Закавказья явно напоминают по форме аналогичные сооружения в

долине Кубани, но погребальный инвентарь менее однороден. Медные булавки с круглыми или квадратными головками и медные топоры, кажется, произошли от более северных типов, но другие украшения и оружие могут быть связаны со все еще недатированной месопотамской культурой. Наконец, изделия из железа, которые были найдены в некоторых из рассматриваемых могил, согласно де Моргану, попали сюда с более поздней волной пришельцев. Следовательно, имеющиеся у нас свидетельства передвижений народов с юга России в Месопотамию в целом следует признать достаточными. Несомненный интерес представляет то обстоятельство, что прекрасный каменный топор — самый ранний датированный экземпляр из этой области — был положен в основу храма Шушинака в Сузах (VII столетие до н. э.).

В то время как некоторые кочевники селились в долинах, а другие основывали государства на склонах Кавказа, оставшаяся в степи часть населения вынуждена была в поисках решения демографической проблемы и в поисках свежих пастбищ для своих стад перекочевывать на новые земли, точно так же как в свое время земледельцы дунайской культуры распространились по Центральной Европе. Но скотоводы не распространяются медленно и постепенно, как земледельцы, а передвигаются гораздо быстрее. Переселению предшествуют разведывательные экспедиции летом, и такие экспедиции открывают перед кочевниками более соблазнительные цели, чем пастбища, — центры сосредоточения богатств, которое надлежит разграбить и обложить выкупом. Предполагаемая экспансия из степи, кажется, преследовала именно такие цели.

Одну из таких волн экспансии признают даже германисты. Она привела народ боевых топоров в Трою и в Восточные Балканы. Боевые топоры из Трои находят ближайшие аналогии на юге России. Маршрут этой скандинавской группы переселенцев мог пролегать по открытой степи к северу от Понта. Ориентирами на ее пути может служить клад из Бородина в Бессарабии, который содержал церемониальные топоры из благородного камня, весьма напоминающие те, которые были найдены в Трое. Топоры из троянского клада должны в любом случае быть приписаны

вождю, который прибыл с северного побережья Черного моря. Так что те каменные топоры и кремневые кельты, которые мы обозначили как чужеродные элементы на поселениях носителей культуры расписной керамики в Болгарии, могут быть связаны с одним из «языков» той же самой волны вторжения и с расселением индоевропейцев в этой части Балкан.

Теперь рассмотрим движения народов в западном направлении. Исходя из этой главы скандинавы, продвигавшиеся в долину Дуная, должны были пересечь пояс чернозема, населенный носителями культуры расписной керамики около 1600 года до н. э. или чуть позже. Читатель, однако, помнит, что культура с расписной керамикой на территории Украины и Румынии делится на два этапа. Поселения раннего периода погибли в огне и не всегда отстраивались заново, в то время как Ерощд, культурная столица целой области, была полностью разрушена. Следы пожарищ и разрушений могут служить свидетельством первого натиска кочевников из степей; их главной целью могли быть золотые прииски Трансильвании. Немыми свидетелями их продвижения можно считать медные тесла-топоры, которые были найдены при раскопках поселений более раннего периода или в непосредственной близости от них, а также на руинах Ерощда. Более поздние венгерские тесла-топоры, которые получили широкое распространение в Центральной Европе, тогда могли бы быть продукцией местных металлургов, использовавших имевшиеся у них запасы руды и работавших по заказу своих новых скандинавских повелителей.

Такое нападение с востока вполне могло бы объяснить те явления, с которыми мы столкнулись при обсуждении второй стадии существования цивилизации в долине Дуная. Если мы предположим, что некоторые пришельцы из степи проникли через Альт в Венгрию, пригнав с собой некоторое количество плененных жителей Трансильвании, то мы могли бы понять, откуда взялись скандинавские черепа, кости лошади, медные тесла-топоры и огрубевшая расписная керамика в могильниках Ленгиеля, Бессени и Лускай. За этой волной вторжения последовали другие. Именно так туда могла попасть керамика со шнуровым орнаментом, ко-

торая, как мы видели в последней главе, проникла в Венгрию с востока и центр которой, согласно существующим представлениям, мог бы быть расположен между Днепром и Доном. И различные типы медных топоров, которые сконцентрированы в восточной части Венгрии и в Румынии, но которые встречаются также в Боснии, Далмации и Хорватии, по мнению доктора Наги, попали туда вместе с пришельцами из степи.

Связи между фатьяновской культурой Центральной России и могилами с охрой эпохи энеолита, расположенными южнее, не вызывают сомнения. Возникновение первой из них можно связать с переселением части населения в сторону Волги. Можно даже утверждать, что движение этого же самого населения продолжилось далее на запад, на территорию Финляндии и Скандинавии.

Наконец мы приступаем к обсуждению связей между югом России и Скандинавией. Очевидность таких связей не вызывает сомнения. В ходе нашей дискуссии мы могли бы объяснить разнообразие волн переселений и потоков миграций стремлением добраться до центров сосредоточения богатств — янтарных залежей Ютландии, соли Заале, торговых маршрутов между Эльбой и Дунаем. Распутать все хитросплетения этих передвижений в рамках данной работы совершенно невозможно. Первые переселенцы были, возможно, вооружены многогранными боевыми топорами, подобными тому, который представлен на рис. 27, 5. После остановки в Малой Польше некоторые из них могли спуститься вниз по Висле, и в таком случае они достигли бы Ютландии примерно в то же самое время, что и строители дольменов. Другие переселенцы, направляясь вверх по течению, достигли бы Силезии, а затем продвинулись бы как завоеватели к склонам Альп, где они обосновались в укрепленных поселениях эпохи энеолита. Другая волна завоевателей могла использовать особый тип шаровидных амфор; такие сосуды часто встречаются в Центральной Германии, Померании, Польше, Восточной Галиции и на Полтавской возвышенности, где их часто находят в плитовых гробницах в сопровождении янтарных бусинок. Но они, конечно, связаны и с сосудами, найденными в погребениях с охрой в станице Царевской на Кубани. Мы можем предположить, что этот отряд возглавлял вождь, который соорудил для себя гробницу в Баальберге на Заале, скопировав при этом конструкцию могил своих предков, расположенных в станице Царевской.

Но наиболее компактной и безжалостной ордой захватчиков были те, которые использовали украшенную шнуровым орнаментом керамику. Отправной точкой их движения была долина Северского Донца, где такая глиняная посуда найдена в самом древнем типе захоронений под курганами и откуда их родственники проникли в Трансильванию. Северная группа переселенцев явно имела своей целью Ютландию и Тюрингию. В первой из этих областей они появились как носители культуры отдельных погребений, а в Тюрингии — как строители курганов, и об их последующих переселениях на запад мы уже говорили.

Таким образом, направления миграций, предложенные Коссинной, должны быть подвергнуты пересмотру.

Но как эта ревизия согласуется с данными археологии? Конечно, есть определенные аргументы в его пользу. Они являются продолжением миграций, которые начались еще в донеолитические времена. Типология боевых топоров дает, по крайней мере, удовлетворительное объяснение для вещей, появление которых в Скандинавии вызывает недоумение. Это поддерживается фактом, что каменные боевые топоры чисто южнорусского типа были найдены на берегах Балтийского моря в Финляндии, Эстонии и даже в Дании и что вогнутые долота, связанные с культурами боевых топоров Швеции, кажется, происходят от южнорусских или в конечном итоге месопотамских прототипов. Однако было бы несправедливо полагать, что огромное число доказательств, терпеливо собранных ведущими исследователями Германии, Швеции, Польши и балтийских государств, может так легко быть опровергнуто.

Изменения в направлении этнического дрейфа в период между донеолитической и поздненеолитической эпохами можно объяснить ухудшением климата в Скандинавии. По крайней мере, в эпоху развитого бронзового века поток из Центральной Европы затронул юг России, и так продолжалось вплоть до скифских времен. Большинство типологических исследований, проводимых местными ар-

хеологами относительно форм погребальных сооружений, кельтов, боевых топоров и глиняной посуды и ареалов их распространения, неизменно отдает приоритет скандинавским и центральногерманским формам. Связь янтаря с шаровидными амфорами в Польше и в погребениях Галиции создает впечатление, что их создатели прибыли с берегов Балтийского моря. А костяные или глиняные бусы, находимые в погребениях на Кубани, весьма напоминают по форме украшения из янтаря Восточной Пруссии. Вместе с тем окраска скелета красной охрой, столь характерная для Южной России, была только один раз отмечена на севере — в Шарлоттенгоге в Юкермарке. Совокупный эффект аргументов в данном случае является весомым, но не окончательным. Решающим фактором должна стать хронология. Являются ли погребения с охрой на юге России действительно старше самых ранних отдельных могил Ютландии (около 2500 года до н. э.)? На самом ли деле двойные дольмены с шаровидными амфорами из станицы Царевской на Кубани действительно старше, чем такие же сооружения в Баальберге на Заале (около 2000 года до н. э.)?

Ответы на все эти вопросы можно будет наконец получить только тогда, когда останки из южнорусских погребений с охрой будут тщательно изучены. Профессор Ростовцев на основе стилистических особенностей датировал погребения эпохи энеолита Кубани периодом времени около 2500 года до н. э. Профессор Фармаковский на тех же самых основаниях датирует их периодом времени на тысячу лет позже. Имеется весьма авторитетное исследование драгоценностей и погребального инвентаря из погребений с охрой, выполненное профессором А.М. Талльгреном. Его выводы сводятся к тому, что погребения с охрой в целом датируются 2-м тысячелетием до н. э., а не 3-м. Если это верно, если эти аргументы применимы не только к «катакомбам», но также и к самым ранним погребениям с охрой, то попытка полностью пересмотреть направления миграций Талльгрена и Коссинны должна быть оставлена. Получается, что скандинавские культуры в Ютландии и Центральной Германии были старше, чем интересующие нас культуры на юге России. Получается, что последние не принадлежали еще не разделенным индоевропейцам, а

могли относиться к одному из индоевропейских народов. Заселение индоевропейцами долины Дуная, Альп и Рейнской области в таком случае можно будет объяснить миграцией с севера, а не вторжением с востока. Получается, что скандинавские каменные боевые топоры не были имитациями медных тесел-топоров, а произошли от роговых орудий с отверстием для топорища, которые уже использовали носители культуры маглемозе, в то время как венгерские тесла-топоры могли появиться в результате торговли с Критом. Культуры боевых топоров Ютландии и Тюрингии должны были возникнуть на основе некоторых древних местных элементов, поддерживавших контакты с культурой строителей дольменов. Их украшенные шнуром сосуды должны быть продолжением более древних традиций, корни которых Софус Мюллер прослеживает в культурах, существовавших на территории Дании еще до начала строительства там дольменов.

Автор данной работы продолжает считать, что южнорусская гипотеза, изложенная на предыдущих страницах, еще сможет доказать свою надежность; однако его уверенность в этом была поколеблена, поскольку с тех пор, как он поддержал ее — с оговорками — в более ранней работе, эта уверенность была поколеблена новыми статьями Козловски и Талльгрена. В результате у нас остается только теория германистов. Народ, оставивший погребения с охрой, со временем станет индоевропейским, но сам по себе он не был индоевропейским.

ВЫВОДЫ

Группы индоевропейского населения в бронзовом веке

ОДИН вопрос, ПОДНЯТЫЙ ПО ходу нашего исследования, нужно оставить открытым вплоть до проведения дальнейших исследований на юге России. Но суть этого вопроса проявилась совершенно отчетливо уже сейчас. Победное расширение скандинавской культуры, безотносительно ее

корней, является доминирующим фактом европейской предыстории от 2500 до 1000 года до н. э. Путь исследователя ранних культур, который желает сделать этнографические выводы на основании археологических данных, часто усыпан ловушками. Корреляция археологических культур с этническими группами является вообще опасной и спекулятивной. Распространение типов вещей и обычаев часто связано с торговлей и с культурными заимствованиями, а не только с передвижениями населения; проникновение новых этнических элементов часто не оставляет после себя никаких внешних проявлений в другой культуре. Такие оговорки не препятствуют рассмотрению удивительного распространения скандинавских культур. В своем торжествующем продвижении они постоянно захватывали области, ранее занятые более высокоразвитыми культурами. Такую замену более высокоразвитых культур менее развитыми легко проследить с помощью археологии.

Вне зависимости от того, возникла ли скандинавская культура на берегах Черного или Балтийского моря, ее создатели превратились из первоначально бедной и малозначительной группы населения в доминирующую на всей территории Европы силу. Распространение характерной для них керамики и боевых топоров мы можем проследить на Рейне, в Швейцарии, Верхней Австрии, Италии и в Венгрии. Они заняли все степные просторы Южной России и, по крайней мере, ту часть Малой Азии, которая подвергалась исследованию. Мы можем проследить их путь через Кавказ в Месопотамию и Иран. Причины, чтобы называть этих жителей Северной Европы индоевропейцами, весьма весомы; везде, где мы можем проследить за их передвижениями, эти скандинавы сформировали ядра культурных групп, которые в истории оставили свой след как индоевропейцы.

В Южной Скандинавии и в Северной Германии носители культуры боевых топоров каменного века к началу бронзового века сплотили сложное по своему составу население в некую культурную общность; с этого времени развитие цивилизации на севере является самодостаточным и непрерывным. Это было заслугой прагерманцев, которые населяли эти области в самые ранние исторические времена.

Родственный им народ боевых топоров из Тюрингии заселил Рейнскую область, Вюртемберг и Швейцарию в течение позднего каменного века и раннего бронзового века, где он сначала выступил как завоеватель, а затем смешивался с жителями Альп — «следопытами» и «дунайцами». Вскоре после того, как завоеватели достигли долины Рейна, некоторые из них, смешавшись со «следопытами», вторглись в Британию. Но анализ керамики и погребальных обрядов показывает, что курганы бронзового века горной зоны были сооружены, с одной стороны, потомками завоевателей, а с другой — предками населения, сыгравшего значительную роль в железном веке. Это сложное по составу население, среди которого доминировали носители культуры боевых топоров из Тюрингии, вероятно, было кельтами, так как гальштатская культура, без сомнения, принадлежала кельтам, точно так же как и латенская культура возникла в пределах той же самой области.

Далее к югу, в Верхней Баварии и Верхней Австрии, укрепленные поселения на холмах, типа Альтейма, и приозерные поселения медного века на Аттерзе и на Мондзе, кажется, были основаны северной аристократией, господствовавшей над местным альпийским населением; боевые топоры, подобные тому, который представлен на рис. 27, 5, а также анализ керамики подтверждают, что эти правители прибыли непосредственно из Силезии через территорию Моравии. Движение на юг части этого смешанного населения можно сопоставить с некоторыми элементами в культуре terremare, получившей распространение на территории Италии. Таким образом, близкая связь между кельтами и италиками тогда объяснилась бы не только смежностью центров их расселения, но также и наличием в том и в другом этносе примеси альпийского элемента.

Между Эльбой и Одером в результате смешения скандинавов, «следопытов» и «дунайцев» возникла оньетицкая культура раннего бронзового века; о присутствии в ней скандинавского элемента свидетельствуют как керамика, так и каменные топоры характерного восточноевропейского типа, находимые даже в погребениях бронзового века. От оньетицкой культуры произошла группа родственных культур, представленных полями погребальных урн так на-

зываемого лаузицкого типа. Из Силезии и Познани эти поля погребальных урн в эпоху поздней бронзы и раннего железного века распространились на западе на территорию Богемии, а на востоке — на Польшу и Галицию. До сих пор точно не известно, кто были создатели этой культуры, но самое вероятное предположение заключается в том, что это были славяне.

Вне зависимости от того, возникла ли культура, носители которой оставили погребения с охрой, на юге России, или же она была принесена с севера, мы можем предполагать, что на ее основе сложилось несколько индоевропейских народов. Как уже отмечалось, курганы правителей медного века на Кубани и Тереке были возведены предками индоиранцев. На противоположном берегу Черного моря в это же время появились те, кому суждено было стать эллинами на Балканах. Таким образом, даже если погребения с охрой не принадлежали индоевропейцам, то они испытали на себе влияние предков греков и индоиранцев, которые пробыли некоторое время на юге России. Это обстоятельство помогло бы объяснять черты сходства между культурами медного века юга России и реконструируемой протоиндоевропейской цивилизацией; картина последней во многих деталях основана на соответствиях, общих для греков и индоиранцев.

Возможно, преждевременно считать какого-нибудь фригийца правителем Трои, символом власти которого был роскошный боевой топор из благородного камня. Однако то, что он и его соплеменники прибыли из причерноморских степей, в любом случае не вызывает сомнения, а наши умозаключения, сделанные в главе 5, требуют, чтобы он был индоевропейцем. Опять-таки в результате смешения носителей культур расписной керамики эпохи энеолита в Болгарии с пришельцами из степей первые должны были превратиться во фракийцев. В то же время носители других культур расписной керамики на юге России были ассимилированы местным населением, пришедшим с севера; керамика из самых поздних погребений с охрой (катакомбы), судя по наличию спирального орнамента и другим особенностям, несет на себе явное влияние населения черноземной полосы. Оседлое население, появившееся в результате этого сплава, кажется, продолжало жить на побережье Черного моря вплоть до появления там скифов. Их можно назвать киммерийцами. В то же самое время это население включало в себя те же самые компоненты, что и население собственно Фракии, так что его в некотором смысле можно назвать фракийцами.

Здесь я опять должен повторить, что носители культуры погребений с охрой продолжали здесь жить вплоть до скифских времен. Киммерийцы, вероятно, составляли оседлый элемент, проживавший на побережье и в долинах, а внутренние районы остались за кочевыми племенами северного происхождения. Их владения теперь охватывали территорию Трансильвании, тогда как носители культуры расписной керамики в конечном итоге исчезают с территории Украины; скандинавские курганы возвышаются над руинами их деревень, в это же время аналогичные курганы появляются и в Трансильвании. Эти орды кочевников оказались таким образом в контакте с прогрессивной бронзовой индустрией долины Дуная, достижения которой они распространили дальше в восточном направлении по всей Центральной Европе. Это распространение началось в раннем бронзовом веке (приблизительно 1800—1500 годы до н. э.), когда круглые браслеты с расходящимися концами венгеро-богемского типа появляются в катакомбных погребениях Таврики. Это распространение продолжилось и в эпоху позднего бронзового века, когда на территории Украины возник вторичный центр венгерской культуры бронзового века, а венгерские типы кельтов и других орудий труда распространились вплоть до Центральной России, Урала и Сибири. Давление на степь мобильного населения, которое поддерживало контакты с центрами дунайской металлургии, позволяют нам понять природу западных влияний на кобанскую культуру. Одно из таких племен, мигрируя в сторону Кавказа вслед за индоиранцами, возможно под давлением населения, оставившего после себя памятники типа Лаузиц, могло принести с собой типично европейские изделия последнего этапа бронзового века, найденные в кобанском могильнике. Кстати, можно отметить, что кобанские черепа являются мезоцефальными и очень отличаются от чрезвычайно широкоголовых черепов мест-

ных закавказских племен. Вполне возможно, что вместе с этим этническим потоком на северные склоны Кавказа попали армяне.

Наконец, мы можем отметить, что некоторые медные изделия характерных южнорусских типов время от времени находят далеко на востоке, вплоть до Восточного Туркестана, тогда как кельты, аналогичные скандинавским и венгерским образцам, — по всей Сибири. Трудно сказать, каким образом эти изделия попали к диким охотничьим племенам, которых мы скорее склонны рассматривать как предков финнов, чем индоевропейцев. Однако возможно, что тохары были среди тех племен, которые постепенно перемещались в восточном направлении через таинственные степи и пустыни Средней Азии.

Таким образом, значительное большинство индоевропейских народов исторических времен можно рассматривать в качестве потомков северной культуры боевых топоров каменного века. Анализируя характерную для них керамику и оружие, их распространение с большей или меньшей уверенностью можно связать с одним из этих двух центров — юг России или Скандинавия. Первоочередная задача будущих исследований заключается в том, чтобы определить, которому из них действительно следует отдать предпочтение. Дополнительная задача состоит в том, чтобы распутать культурную мешанину, все еще представляемую Венгрией, северо-западной частью Балкан и Ираном. Предстоит определить точные связи, которые соединяли между собой наиболее важные из всех индоевропейских народов — греков, иранцев и индийцев — друг с другом и с их братьями; они должны быть найдены в этих областях.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 8

Ввиду исключительной важности точной датировки погребений с охрой на юге России я решил добавить список находок из таких погребений, для которых известны более или менее точно датированные аналогии в других местах.

Майкоп (Кубань) — бритва (?): ср. Мохлос, гробница IV (1700—1600 годы до н. э.?).

Станица Царевская (Кубань) — наконечник копья; ср. раннехеттские погребения около Кархемиша (1900—1750 годы до н. э.).

Станица Царевская (Кубань) — кинжал (?) с бронзовой рукояткой; ср. кинжалы унетицкой культуры центральноевропейского типа с территории Италии (1750—1450 годы до н. э.).

Константиновка возле Новочеркасска (Дон) — «крылатые» бусины; ср. фаллические бусины, Парос (?) (2400—2100 годы до н. э.), или египетский «крылатый» орнамент (Menat), ранняя 18-я династия (XVI столетие до н. э.).

То же погребение — амулет в виде листа папируса (такой же происходит из погребения IIб возле Константиновки, Терек); ср. аналогичные бусы с Пароса того же времени или египетские амулеты различного времени.

Новогригорьевка (Днепр, катакомбная могила) — сегментированная бусинка из кости; ср. сегментированные каменные бусы из Врокастро (2800—2400 годы до н. э.) или точно такие же бусы из пасты, Ашшур, до 2500 года до н. э. (?), и Крит, третий минойский период и позднее.

То же самое погребение — медный диск с точечным орнаментом; ср. диск из Штоллынгофа в Нижней Австрии (около 1800 года до н. э.).

Тот же самый тип погребения часто встречается и в других местах — молоточковидные булавки; ср. Ремеделло, серебро (2000 год до н. э.?), или Казбек, бронза (1200—1000 годы до н. э.?), или аргивский Эраеум, геометрический период (900—800 годы до н. э.). Последняя аналогия очень близка.

Якивице около Киева — винтовые медные серьги с плоскими концами; ср. серьги из кладов в Трое II, а также из центральноевропейских погребений унетицкой культуры.

Талльгрен далее сравнивает пустотелые полусферические медные «бусы» из поселка Ремонтный (Астрахань) и Кру (Кубань) с похожими полыми бусами из Венгрии (конец раннего бронзового века, примерно XVI столетие до н. э.). Но эти изделия на самом деле представляют собой только металлические покрытия для некоего скоропортящегося вещества. Бусы подобного типа встречены в анауской культуре I; подобные золотые покрытия отмечены

также в гробницах третьего раннеминойского периода или первого среднеминойского периода на Крите.

Аргументы, основанные на изучении типологии боевых топоров, были опущены, поскольку они могут ввести в заблуждение; отметим, что прекрасные каменные топоры встречаются в скифских погребениях на юге России, а также на поселениях и в курганах железного века в Боснии, они аналогичны многим типам вещей, которые в Азии существовали на протяжении долгого времени, — топорам, наконечникам копий и вилам, но последние для установления хронологии оказываются бесполезными. Следует подчеркнуть два обстоятельства. Хотя погребения с охрой являются весьма многочисленными, эволюция их типов, которую можно проследить с помощью изменения погребального инвентаря, является настолько незначительной, что трудно распространить время их существования на восемнадцать столетий. Во-вторых, скифские погребения очень часто оказываются в той же самой группе курганов, что и погребения с охрой, фактически в некоторых случаях два типа погребения встречаются в том же самом кургане, хотя скифские погребения, кажется, неизменно лежат выше.

Высказанные нами соображения являются отнюдь не окончательными. Следует, однако, признать, что их совокупный эффект подтверждает относительно позднюю дату погребений с охрой. Если рассматривать их с точки зрения общей хронологической структуры европейской предыстории, базирующейся на материалах из Центральной Европы, то их следует поместить во 2-е тысячелетие до н. э. В то же самое время нельзя исключать того, что грубые изделия из погребений с охрой, которым были найдены аналогии бронзового века из Центральной Европы, могут рассматриваться как прототипы форм, которые, попав туда благодаря торговле янтарем, были там плодотворно доработаны.

Глава 9
РОЛЬ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ В ИСТОРИИ

У читателя может сложиться впечатление, что та роль, которую мы определили на страницах нашей книги для индоевропейцев, является чрезвычайно скромной. Если точка зрения, высказанная в последней главе, является верной, то получается, что они не были создателями неолитической цивилизации даже в Европе и при этом они не были в целом пионерами в деле использования бронзы или железа. Создателей культуры мусорных куч на побережье Дании справедливо назвали «отвратительными дикарями». Еще более сильные эпитеты могли бы быть применены и к другим претендентам на право называться протоиндоевропейцами; подозрения в людоедстве высказывались относительно создателей культуры погребений с охрой. Даже в варварской Европе материальная культура скандинавов не была более развитой, чем у земледельцев долины Дуная или строителей мегалитов; в Трансильвании они появляются просто как грабители; на Древнем Востоке и в бассейне Эгейского моря они нанесли большой ущерб более древним и высокоразвитым цивилизациям.

Вероятно, вследствие каких-то причин они смогли подняться из состояния дикости и даже победить более цивилизованные племена. Не все дикари знают, как использовать в своих интересах подарки торговцев, как это делали скандинавы на Балтийском море и на юге России. Но каков был их положительный вклад в копилку человеческого прогресса? Мы можем, по крайней мере, сказать, что они не были просто разрушителями. Они знали, как использовать в своих интересах и улучшить достижения своих жертв.

Чтобы по достоинству оценить их роль, нам и далее придется использовать метод контраста. Следует отметить

несколько обстоятельств. На Ближнем Востоке цивилизация достигла исключительно высокого уровня уже к 4-му тысячелетию до н. э. Поскольку более ранние достижения шумеров постепенно становятся известными и служат неким эталоном для сравнения, мы начинаем понимать, насколько пустяковыми были достижения, сделанные в течение последующих двух тысяч лет. Металлургия эпохи первой династии Ура показывает совершенное мастерство, которому по плечу были сложные технические процедуры. Основные типы инструментов, найденные в руинах ассирийских городов, использовались уже при ранних правителях Киша. С эстетической точки зрения медные коровы и инкрустации раковинами из храма в Телль-эль-Обейде (около 3200 года до н. э.) являются уже шедеврами, непревзойденными вплоть до персидского периода. Даже изумительные львы и лошади на ассирийских барельефах представляют сравнительно незначительный прогресс по сравнению с ними. Такие усовершенствования в искусствах и ремеслах, которые появляются в ассирийской цивилизации, обычно приписываются влиянию хеттов, среди которых были индоевропейцы. В области политики наиболее существенный прогресс был достигнут в 3-м тысячелетии до н. э. Правитель Аккада Нарамсин сделал шаг в направлении единства отдельных городов-государств, а Хаммурапи еще дальше продвинулся в этом отношении. Но империя Хаммурапи смогла объединить Восток только на короткое время, и его мудрые законы, в значительной степени основанные на более древних установлениях, были в дальнейшем изменены к худшему. Ассирийцы, которые были последними наследниками вавилонского суверенитета, не добавили ничего нового в политическую копилку человечества. Их империя была действительно более обширной, чем все предшествующие, но они опирались только на голую силу и жестокость, поэтому им не удалось обеспечить покоренным народам длительный мир и относительную безопасность взамен получаемой громадной дани, которой предшествовали безжалостные опустошения. Ассирийцы создали ужасный механизм для грабежа и вымогательства; а вот правительственную структуру, призванную

защитить торговое и интеллектуальное общение, создал арий Дарий I. Наконец, религиозные идеи, получившие распространение по всему Древнему Востоку, оставались достаточно примитивными и не проявляли никаких признаков развития в направлении нравственности или подлинного единобожия вплоть до VI столетия до н. э. Единственным исключением было правление Аменхотепа IV в Египте; необходимо отметить, что первый еретик всемирного масштаба появился при дворе, где митаннийские принцессы играли видную роль, и его культ солнечного диска, как полагают, отражает религиозные представления ариев.

Приход к власти иранской династии Ахеменидов привел к эстетической, политической и религиозной революции. Без сомнения, персы учли опыт своих предшественников. Достигнутые успехи являются потрясающими. Ахеменидское искусство характеризуется умеренностью и реалистичностью, неизвестными на Ближнем Востоке со времен шумеров, оно впитало в себя все достижения прошедших столетий. Его наиболее яркой чертой является живая индивидуальность человеческих тел, которая так контрастирует с застывшими и невыразительными типами хеттов, вавилонян или ассирийцев. Это кажется характерной арийской чертой. Весьма существенно, что персы смогли создать простой и почти алфавитный силлабарий на основе неуклюжей и невероятно сложной клинописи, которой шумеры, хетты, ассирийцы и халдеи пользовались без заметных модификаций в течение двух тысяч лет. Персидская империя занимала гораздо большую территорию, чем области, завоеванные некогда Саргоном или Сеннахерибом. Она была организована государственным гением Дария Великого и на двести лет принесла мир на истерзанные войной земли Ближнего Востока. Под ее защитой торговцы и философы могли путешествовать беспрепятственно от Эгейского моря до реки Инд; царские дороги были артериями, по которым не только военная сила, но также и научные и религиозные достижения Древнего Востока текли в Грецию и Рим. Эта просвещенная и благоразумная организация государства, которая так сильно

контрастирует с разграбленными обширными владениями ассирийских деспотов, была продумана арийскими правителями и управлялась арийскими вельможами. Официальная религия Персидской империи, зороастризм, вдохновленная нравственными концепциями, была понятна многим народам своей идеей монотеизма, даже при том, что этот интернационализм и монотеизм в некотором смысле мог отражать империализм его глашатаев, находящихся у власти.

В Элладе тот эффект, который там оказало появление индоевропейцев, распознать еще труднее. Минойцы создали цивилизацию, которая была действительно европейской, и ее достижения вполне могли соперничать с современными ей цивилизациями Востока. Но минойская цивилизация, кажется, не испытывала особой потребности в территориальной экспансии; она уже находилась в упадке, когда ахейцы уничтожили ее. Египту минойцы платили дань или отсылали подарки; у ахейцев были рубящие мечи. Минойские купцы достигли дельты Нила и Леванта; военные отряды возглавлялись эллинами. Минойское искусство достигло своего зенита около 1600 года до н. э.; во второй позднеминойский период утвердилась условность изображений, что привело к его полному упадку в третий позднеминойский период. Этот упадок не был связан с проникновением ахейских династов, но они, по крайней мере, вдохновили на создание новых декоративных принципов, которые приносили обильные плоды в VI столетии до н. э. Роспись в виде метоп на керамике контрастирует с роскошью и богатством минойского орнамента, который до самого конца сохранял в себе нечто восточное. Присущий индоевропейцам интерес к изображению человеческих тел обеспечил вазописцев темой, в которой, после грубых попыток на вазах дипилонского стиля, их классические преемники должны были достигнуть превосходства.

Но именно в континентальной Европе влияние индоевропейцев, ставших основателями западной цивилизации, наиболее очевидно. Запад и север нашего континента были заняты носителями мегалитической культуры. Громадные

размеры этих памятников и мастерство, которое потребовалось для их возведения, свидетельствуют о наличии у их создателей относительно высокой цивилизации. Если Перри прав, основатели этой цивилизации были оснащены всеми материальными и интеллектуальными ресурсами египтян периода строительства пирамид. Все же на территории Франции и на Пиренейском полуострове эта цивилизация не демонстрирует признаков внутреннего развития. Хотя число памятников постепенно увеличивалось, их погребальный инвентарь оставался грубым и архаичным. Несмотря на то что они владели областями, богатыми месторождениями металлов, а по занимаемой ими территории проходили торговые маршруты, строители мегалитов продолжали использовать кремень и камень или, в лучшем случае, медь, в то время, когда другие народы уже перешли к применению бронзы и железы. Едва ли возможно указать хотя бы на один оригинальный тип инструментов или украшений, которые появились бы в мегалитических областях Франции или Португалии. Создается впечатление, что ведущую роль у населения этой культуры играл культ мертвых, строгое соблюдение которого парализовало всю их активность. Их материальная культура пребывала в состоянии полного застоя, и, чтобы найти ей аналогии, мы должны обратить свой взор на острова Тихого океана. Эта цивилизация, которая существовала в состоянии стагнации на Атлантическом побережье в течение тысячи лет или около того, со второй половины 3-го тысячелетия до н. э., не принадлежала индоевропейцам; европейская цивилизация была принесена на запад Европы кельтами из Центральной Европы в конце 2-го тысячелетия!

Ранняя история Британии имеет свои особенности. Вскоре после 2000 года до н. э. носители культуры боевых топоров завоевали территорию, ранее занятую, точно так же как во Франции и в Португалии, строителями мегалитов. С их появлением начался период быстрого и самобытного развития. Богатый и разнообразный инвентарь носителей культуры круглых курганов представляет собой разительный контраст с монотонной бедностью погребального инвентаря из более древних длинных курганов. Мы

теперь знаем, что носители культуры боевых топоров смешались с индоевропейцами, и европейская цивилизация, которая отныне утвердилась в Британии, была, очевидно, принесена туда ими.

В Скандинавии контраст с Францией и Пиренейским полуостровом выглядит еще более впечатляющим. Здесь также население строило мегалитические гробницы, но их погребальный инвентарь коренным образом отличается от того, что находят в западной части континента. Помимо мегалитических гробниц, здесь также известны и другие типы погребений, скрывающих либо остатки народа, который прибыл сюда с юга России, либо представителей более древней культуры, существовавшей здесь еще до начала строительства дольменов, которые, как мы полагаем, были индоевропейцами. Именно благодаря им мегалитическая цивилизация на севере продвинулась дальше в своем развитии, чем на других занимаемых ею территориях. Взаимодействие двух типов цивилизаций стало главной движущей силой быстрого прогресса. В конечном итоге различия между ними были преодолены; индоевропейцы утвердили свое господство и свою культуру — заимствовав при этом некоторые достижения у своих соседей — объединив различные этнические группы в одно целое, в котором гармонично сплелись западные и восточные идеалы, создали прогрессивное общество, которое одинаково блестяще проявило себя как в торговле, так и в искусстве и в войне. Разрыв между культурами на территории Франции и Скандинавии в начале 2-го тысячелетия до н. э. был огромным. Превосходство второй из них объясняется вкладом индоевропейского элемента в европейскую цивилизацию.

В долине Дуная события развивались примерно по такому же сценарию. Ранние земледельцы достигли довольно высокого уровня культуры. Достижения материальной культуры, принесенные туда скандинавами, имели вторичное значение. Очень часто подобные вторжения даже отбрасывали развитие цивилизации назад. Но первая дунайская культура была сугубо земледельческой цивилизацией, неспособной к прогрессу и застойной. Предоставленная сама себе, она, возможно, так и осталась бы на уровне тотемических обществ Меланезии или Северной Америки. Те уголки Дунайской культуры I, которые не были затронуты внешним влиянием, в течение долгого времени пребывали в застойном состоянии. Но только там, где вторжения скандинавов происходили постоянно, мы находим достижения бронзового века, которые являются действительно европейскими инновациями. Тем ферментом, который преобразовал земледельческие общины в героические племена бронзового и железного веков, открыв тем самым дорогу инициативе и индивидуальности, по нашему мнению, были индоевропейцы.

Таким образом, индоевропейцы действительно появляются всюду как носители истинного прогресса, в Европе их расселение отмечает тот момент, когда история нашего континента начинает развиваться иным путем, чем Африка или острова Тихого океана.

Возможно, в умах читателей разочарование теперь сменилось замешательством. Каким образом индоевропейцам удалось всего этого добиться? Только не благодаря превосходству их материальной культуры. Мы отвергаем идею, что их особую гениальность следует связывать со строением скандинавских черепов. Мы более чем уверены в том, что, когда гений индоевропейцев в полной мере проявил себя в Греции и Риме, чисто скандинавский тип был в основном поглощен средиземноморским субстратом: последний подарок, завещанный индоевропейцами побежденным народам, не был ни более высокой материальной культурой, ни крепким телосложением, а тем, что мы упоминали в первой главе, — более развитым языком и менталитетом, благодаря которому он появился. Особенно важно подчеркнуть, что в тех местах, где, как, например, в Митанни, индоевропейский язык не был сохранен, эффект от вливания индоевропейской крови не дал существенного результата.

В то же время факт, что первые индоевропейцы были скандинавами, также имел важное значение. Физические характеристики этого народа позволили им, только благодаря своей превосходящей физической силе, завоевать даже более развитые народы и тем самым распространить

свой язык на те области, где их физический тип в дальнейшем почти полностью исчез. Это истина, лежащая в основе панегириков германистов: превосходство скандинавов в телосложении способствовало распространению их более развитого, по сравнению с другими, языка.

Вместо послесловия

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Представленная на суд читателей книга известного британского историка и археолога Гордона Чайлда писалась более восьмидесяти лет назад, и теперь в отношении большинства из затронутых в ней проблем наметился совершенно иной подход. Хотя сразу следует признать, что некоторые из них так пока и не нашли своего окончательного решения. Учитывая сложность проблемы, представляется целесообразным ограничиться изложением лишь основных из достигнутых к настоящему времени результатов.

Благодаря усилиям лингвистов удалось установить, что ближайшими соседями первых индоевропейцев были с одной стороны финно-угры, а с другой — прахаты и прахуриты, что позволяет значительно сузить район поисков их прародины. Как известно, первые занимали лесистые и болотистые местности северной части Восточной Европы. Им принадлежала неолитическая культура так называемой ямочно-гребенчатой керамики. Кстати, название священного напитка ариев «сома» уходит корнями в финно-угорские языки и означает не что иное, как настойку из мухоморов.

Появление же прахатов и прахуритов на территории Европы требует своего объяснения. Начать следует с того, что примерно в 10-м тысячелетии до н. э. население натуфийской культуры, занимавшей территории нынешних Сирии, Палестины, Израиля и южную часть Анатолии, вследствие кризиса присваивающих форм экономики вынуждено было перейти к производящему хозяйству — примитивному мотыжному земледелию и скотоводству. Это

быстро привело к демографическому взрыву, и излишки населения в поисках пригодных земель вынуждены были все дальше уходить от своей прародины. Потоки переселенцев двигались на восток — в Центральную Азию и Индию, на юг — в Аравию и Северную Африку, а также на запад — через острова Эгейского моря в Восточную Грецию. Именно эти группы населения примерно в 7-м тысячелетии до н. э. принесли на юг Балканского полуострова основы производящей экономики. Они принадлежали к средиземноморскому антропологическому типу, который характеризуется невысоким ростом, темной пигментацией кожи, скошенным лбом и крупным носом.

Постепенно продвигаясь на север, потомки ближневосточных земледельцев и скотоводов достигли Дуная, а далее одна их часть двинулась на запад, в Центральную Европу, а другая — на восток, на территории современных Молдовы и Украины. Это продвижение шло очень медленно и заняло многие столетия и даже тысячелетия. Истощив землю в одном районе, общины земледельцев двигались дальше. Свидетельствами их продвижения являются памятники нескольких энеолитических культур 7—4-го тысячелетий до н. э. Балкан, Подунавья и Правобережной Украины — Караново, Хамаджия-Винча, Боян, Гумельница, Кукутени и Триполье. Вот носителей этих культур лингвисты и определяют как прахатов и прахуритов, родиной которых была Малая Азия. Таким образом, получается, что праиндоевропейцы должны были занимать степные и лесостепные области между ними и финно-уграми.

Тогда здесь жили группы еще мезолитических охотников и собирателей, которые под влиянием своих южных соседей со временем освоили навыки изготовления глиняной посуды, познакомились с основами земледелия, скотоводства, примитивной металлургии меди и т. п. Именно они и составили основу праиндоевропейской общности, формирование которой началось в 5-м тысячелетии до н. э.

Как свидетельствуют исследования лингвистов, большинство земледельческих и скотоводческих терминов, названий продуктов питания и предметов быта индоевропейцы позаимствовали у прахатов и прахуритов. В их числе можно упомянуть akuo — конь; kago — коза; porko — поросенок; hvelena — волна, шерсть; auig — овес; rughio — рожь; lino — лен; kulo — колоть, копье; gueran — жернов; sel — село; sur — сыр; klau — ключ; medu — мед; bar — зерно и так далее. Кроме того, часть своей земледельческой, скотоводческой и бытовой лексики индоевропейцы позаимствовали у прасемитов, шумеров и эламитов: tauro — бык; agno — ягненок; sekur — секира; septm — семь и другие. Скорее всего, это свидетельствует о том, что было несколько разноэтничных миграционных волн с Ближнего Востока, принявших участие в освоении земель Юго-Восточной Европы. Очевидно, именно с ними можно связать находки в Тертерии (Румыния) нескольких глиняных табличек с очень архаичным вариантом шумерского письма. Кстати, надписи неизвестного происхождения находили и на территории распространения трипольской культуры.

Археологическим эквивалентом культуры индоевропейцев накануне распада их языковой и этнокультурной общности большинство исследователей ныне считает среднестоговскую культуру, занимавшую степные и лесостепные пространства между Днепром и Доном, а также хвалынскую культуру на Волге. В целом они датируются примерно 4500—3500 годами до н. э.

Из днепро-волжского междуречья и началось расселение индоевропейцев во все стороны. Одна из таких волн направилась на восток — в сторону Индии и Ирана. Ее продвижение засвидетельствовано ямными памятниками Волго-Уральского региона 4—3-го тысячелетий до н. э., генетически связанными с хвалынскими могильниками (Верхняя Алабуга и Убаганы в Зауралье), а также с памятниками афанасьевской культуры 3-го тысячелетия до н. э., сконцентрированными в приалтайских степях. В дальнейшем потомки этого населения заселяют степи Центральной Евразии от Южного Урала до Памира и Каракумов, где во 2-м тысячелетии до н. э. возникает андроновская культура. Со временем, вероятно, потомки носителей этой культуры проникают дальше на юг — в Среднюю Азию, Иран и Индию. Очевидно, они были древнейшими носителями индоиранских языков.

На западе степные племена из днепро-волжского ареала занимают территории по среднему течению Дуная, юж-

ную часть Болгарии и северо-западную часть Анатолии (так называемая «циркумпонтийская культурная область»), где возникает целый ряд близкородственных культур: Усатово — Фолтешты — ямная культурно-историческая общность и ряд других, которые, по мнению лингвистов, являются археологическим эквивалентом греко-армяно-арийской общности, которая существовала на одном из этапов распада индоевропейской общности.

Скорее всего, относительно быстрому освоению столь обширных территорий способствовало приручение индоевропейцами лошади и знакомство с колесом. Правда, у нас нет прямых данных о массовом расселении степного населения в направлении Центральной и Северной Европы, то есть туда, где проживали предки германских, балтских и славянских народов. Проблема появления индоевропейцев на этих территориях до сих пор не решена, и ее трудно объяснить исходя из теории их степной прародины. Эта и другие проблемы до сих пор остаются предметом ожесточенных дискуссий, детальное обсуждение которых выходит за рамки данной работы. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что теория распространения по Европе некоего скандинавского элемента, с которым Гордон Чайлд связывает индоевропеизацию континента, была отвергнута специалистами еще в 1930-х годах и ныне представляет лишь чисто академический интерес.

И.А, Емец

СОДЕРЖАНИЕ

Чайлд Гордон

АРИЙЦЫ

Основатели европейской цивилизации

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгелая*
Художественный редактор *И. А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.01.2007.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,85.
Доп. тираж 5 000 экз. Заказ № 2150.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU
WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.
E-mail:kursk-2005@yandex.ru
www.petit.ru